САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК

№ 1(22)

2013

САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК

2013
№ 1(22)

Общественно-политический и научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ

Самарский государственный университет

Издается с 1997 г.

© Самарский государственный университет, 2013
© Оформление. Издательство «Самарский университет», 2013
© «Самарский земский сборник», 2013

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

П.С. Кабытов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Н. Завальный (заместитель главного редактора)
Н.Н. Кабытова
И.А. Носков
П.И. Савельев
Ю.Н. Смирнов

Ответственный секретарь
Э.Л. Дубман

Художественный редактор
Л.В. Крылова

Компьютерная верстка, макет
Л.Н. Замамыкиной

Подписано в печать 17.10.2013. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 16,1; уч.-изд. 11,5.
Гарнитура «Newton». Тираж 150 экз. Заказ
Издательство «Самарский университет»,
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1, тел. 334-54-23.
Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Медиа-Книга»,
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1. Тел. +7 (846) 2673682.
E-mail: izdatkniga@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Проблемы региональной истории

«Обретение Родины»: Средняя Волга и Заволжье в процесе развития Российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)

Издание подготовлено **Самарским научно-образовательным центром подготовки специалистов по отечественной истории, историографии, источниковедению, археологии и этнологии** при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» (мероприятие 1.1), проект «"Обретение родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)». Соглашение № 14.B37.21.0004 между Министерством образования и науки Российской Федерации и ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет» о предоставлении гранта в форме субсидии.

Дубман Э.Л. Особенности освоения и складывания населения Южного Средневолжья во второй половине XVI – первой половине XVII вв. 4
Малинкин Е.М., Дубман Э.Л. Область понизовых городов, особенности ее колонизации и управления приказом Казанского Дворца во второй половине XVI–XVII вв. 18
Леонтьева О.Б. Волга как «место памяти» в исторической культуре России XVIII – начала XX вв. 34
Цыганова Я.М. Образы Волги и волжских городов в исторической памяти: по материалам путеводителей второй половины XIX – начала XX вв. 45
Кабытов П.С., Баринова Е.П. Общественная деятельность купечества Среднего Поволжья 57
Кобозева З.М. Мещанская старость, болезни и богаделенные страсти 71
Леонов М.И. Власть и общество на Средней Волге и Заволжье на рубеже XIX–XX вв. 78
Тюрин В.А., Рогач Ю.А. Социокультурное пространство и практики повседневности в городах Среднего Поволжья конца XIX – начала XX вв. 96
Кабытова Н.Н. Общественные комитеты 1917 г. как форма самоорганизации революционных сил в Поволжье 108
Мистрюгов П.А. Практика заложничества в Самарской губернии в годы гражданской войны (1919–1920 гг.) 120
Артамонова Л.М. Судьба династии решалась за Волгой: к 400-летию призвания на царство Михаила Романова и подвига Ивана Сусанина 125
Смирнов Ю.Н. Население лесостепного и степного Заволжья в конце XVIII – начале XIX веков 137
Зудина В.Н. Знаки памяти. К 80-летию Г.И. Матвеевой 152

Раздел II. Исследование региональных элит

Тюрин В.А. Региональная элитология: теоретические аспекты изучения 158
Кабытов П.С., Мякотин А.А. Партийно-административная элита Куйбышевской области в 1960–1991 гг. 164
Сюков А.В. Военная элита Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е гг. 177

РАЗДЕЛ 1.
ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Э.Л. Дубман*

ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ И СКЛАДЫВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО СРЕДНЕВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ.

Для российских общества и государственности период второй половины XVI – XVII вв. явился одним из самых противоречивых и сложных. Никогда ранее в истории страны не наблюдалось столь значительного расширения ее территории за счет слабообжитых, полупустынных земель и столь мощных миграционных потоков, направленных на их хозяйственное освоение. Новые пространства на европейском юго-востоке входили в состав Московского государства со своим автохтонным разнообразным в этноконфессиональном отношении населением: оседлым как это было с народами, населявшими бывшее Казанское ханство; полукочевыми жителями Башкирии и кочевниками (ногаями, калмыками и т.д.). Все это порождало неравномерность в развитии отдельных районов; придавало процессам, происходившим там, особый противоречивый характер.

После присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к России, земледельческая колонизация затронула только территорию собственно Казанского края и почти на столетие – до середины XVII в., остановилась на южных границах бывшего ханства: в Правобережье – на линии Темников – Алатырь – Тетюши; в Заволжье – по нижнему и среднему течению Камы. Все лесостепное пространство к югу и юго-востоку, оставаясь вне ареала постоянного оседлого расселения, являлось своеобразной буферной зоной; фронтиром, где соседствовали орды кочевых и полукочевых сообществ, представители автохтонных народов Среднего Поволжья, осваивавших эти территории «наездом»; станицы вольного казачества, ватаги русских рыболовов, военизированное население первых русских городов на Волге.

---

* © Дубман Э.Л. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «"Обретение родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Важнейшей особенностью региона, который мы условно называем Южным Средневолжьем[1], был процесс его массовой колонизации, начавшийся в середине XVII в. Интенсивные миграционные потоки, складывание системы устойчивого расселения, нового хозяйственного и культурного облика; взаимодействие и взаимовлияние различных народов «леса и степи», в ходе «обретения родины» и формирования нового социума являлись основными сущностными характеристиками развития Южного Средневолжья, превращения его из территории фронтира во «внутреннюю окраину» Российской империи.

В этом сложном процессе принимали участие различные этноконфессиональные сообщества и социальные группы. Несмотря на противоречия и нередкие конфликты между его участниками, их объединяли общие цели и задачи. Авторы обобщающей работы по истории российского крестьянства были совершенно правы, утверждая: «В настоящее время противопоставлению правительственной и вольной колонизации все чаще приходит на смену мнение об их органической связи; в целом для практики освоения «украин» в XVI – XVII в.в. характерно тесное переплетение различных колонизационных форм, их постоянное взаимодействие»[2].

Вместе с тем необходимо особо отметить, по образному выражению Л.В. Милова, «необычайную активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства»[3]. Именно государство могло обеспечить в лесостепной зоне фронтира сравнительно безопасные условия для его новых жителей, оно выступало верховным судьей в урегулировании различных социальных, хозяйственных, этнических и конфессиональных конфликтов.

Кочевое и полукочевое население. Для оседлых земледельцев все пространство, лежащее к югу и юго-востоку от ареала их расселения, считалось пустынной «порозжей» землей, «Диким полем». Понятие «Дикое поле» как обозначение определенного региона, историки обычно относят к южной степи и лесостепи, расположенной к западу от Дона[4]. Но, судя по сохранившимся источникам, этим термином в более узком смысле для обозначения пустынных земель, пользовались жители пограничных районов на юго-востоке[5]. В конце XV – первой половине XVI вв. территория Южного Средневолжья являлась окраинной, пограничной между несколькими этническими сообществами, которые после распада Золотой Орды образовали Казанское ханство, Ногайскую Орду и, находившийся в зависимости от последней, союз башкирских племен.

Если жители Казанского ханства и башкиры появлялись в Южном Средневолжье лишь спорадически, время от времени, или занимали сравнительно небольшие локальные зоны на севере и северо-востоке региона; то для ногаев вплоть до начала XVII в. это пространство являлось важнейшей составляющей годового цикла кочевания – летними северными пастбищами. Ногайская Орда, занимавшая огромные территории от Аральского моря до Дона, была непрочным образованием, состоявшим из почти двух десятков различных тюркских и монгольских племен (орд) — мангытов, найманов, кипчаков, киятов и т.д. Суровое время года приволжские улусы Орды

проводили в низовьях Волги, Яика (Урала), в Прикаспии; с наступлением весны поднимаясь по волго-уральскому водоразделу, они выходили в район Общего Сырта, откуда брало свое начало большинство притоков Волги, Камы и Яика, а затем расходились «летовать» на север и запад по рекам Ику, Самаре, Большому Кинелю и Большому Иргизу[6]. Все пространство пастбищ жестко распределенное между отдельными улусами[7], было по своему «освоенным» кочевыми сообществами. Из всех народов, входивших в Золотую Орду, ногаи более других остались верны завету Чингисхана «везде кочевать, никогда не сделаться оседлыми». За исключением столицы – Сарайчика – они, практически, не имели ни городов, ни постоянных жилищ, жили в открытых степях. Это был пастушеский народ, богатство которого составлял скот и пастбища.

К середине XVI в. численность ногаев достигала от 700 тыс. до 1 млн. человек, но затем вследствие кризисных явлений стала неуклонно сокращаться. К концу XVI в. население Большой Ногайской Орды, занявшее междуречье Волги и Урала, составляло немногим более 300 тысяч чел., а к концу 1630-х гг. оно насчитывало уже от 80 до 120 тыс. чел.[8]

Во второй половине XVI в. в результате системного кризиса, охватившего ногайское общество, Ногайская Орда распалась на несколько государственных образований. Пространство Заволжья заняла Большая Ногайская Орда, территория кочевий которой резко сократилась.

В первой трети следующего столетия ногаи уступили волго-уральское междуречье, в том числе и лесостепное Заволжье, пришедшим из западной Монголии калмыкам (ойратам), которые в середине XVII в. создали Калмыцкое ханство. Калмыки были наиболее близки к тем монголам, которые завоевали в середине XIII в. русские земли. Численность новых хозяев Поволжья и Приуралья составляла около 280 тыс. человек, из них до 80 000 воинов[9].

Все калмыцкое общество делилось на улусы, а улусы на аймаки[10]. Каждый аймак имел общее кочевье. Как и у ногаев, хозяйство калмыков основывалось на кочевом скотоводстве. Калмыки заняли практически всю территорию кочевий ногаев и со второй трети XVII в. являлись основным кочевым соседом России на юго-востоке. В Заволжье северная граница их кочевий доходила до р. Самары и Б. Кинеля; на Правобережье – до южной оконечности Самарской Луки.

Несмотря на языковые и религиозные различия, в основных чертах образ жизни ногаев и заменивших их в междуречье Волги и Урала калмыков был близок. Эти два сообщества являлись типичными представителями кочевой цивилизации и основывались на едином способе хозяйствования – кочевом скотоводстве, совпадении или значительной близости видового и количественного состава стад, способов получения основных продуктов жизнеобеспечения. Характерные особенности такого кочевого образа жизни, эксплуатации окружающего пространства получили подробное описание в русских средневековых документах, сообщениях европейцев и восточных купцов, научных записках академических экспедиций XVIII в.

С ослаблением ногаев на юго-запад в Заволжье стали расширяться охотничьи и кочевые угодья башкир. По рекам Ику, Мензеле, Заю располагались их крайние юго-восточные селения, а по Соку, Самаре, Б. Черемшану, верховьям Кондурчи и Кичуя охотничьи угодья. Тюркоязычные башкиры были сравнительно немногочисленны. В конце XVII в. все мужское население у них составляло 25-30 тысяч человек. У башкир полукочевое скотоводство сочеталось с охотой, бортничеством, другими лесными промыслами; земледелие имело слабое распространение[11].

Изменения в составе населения после присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к России. В течение длительного периода, вплоть до второй четверти XVII в. изменения, происходившие в формировании населения Южного Средневолжья, особенностях его расселения и хозяйствования были незначительными и, практически не меняли облик, сложившийся в предшествующий период истории региона. К новым явлениям следует отнести строительство городов-крепостей на Волге (Самара и Саратов), р. Белой (Уфа); промысловое освоение Волги и Камы и складывание на берегах рек сезонных рыболовецких предприятий, принадлежавших различным группам промышленников. В сравнительно безопасных лесных и лесостепных районах широкое развитие получили сезонные промыслы («наездом») мордовского, чувашского и татарского населения.

Волжское казачество. События середины XVI в., запустение кочевий степных народов способствовали возникновению на обширном лесостепном пространстве свободных неконтролируемых районов. В них скапливались, по образному выражению Л.Н. Гумилева, «люди длинной воли», уходившие от крепостничества, жесткой государственной регламентации.

Первоначально вольные казаки были в основном выходцами из кочевых сообществ. Казаками называли отряды татарской вольницы и даже мурз с улусами, ушедших из-под власти своих правителей[12]. Термины «казак», «есаул», «атаман», «кош» и другие возникли в татарской (тюркской) среде. В Москве так писали о казаках Дикого Поля в первой половине XVI в.: «...на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаков, а и наших украин казаки с ними ж, смешався, ходят, и те люди как вам тати и разбойники, и на лихо их никто не учит, а учинив которое лихо, разъезжаются по своим землям»[13]. В русских источниках того времени упоминаются как правило «мещерские» казаки, бывшие, перешедшими на службу Москвы, татарами[14].

Только с середины XVI в. упоминания о казачьей вольнице на Волге становятся постоянными. Поток беглых с севера начинает преобладать и вскоре подавляющее большинство казаков оказалось выходцами из России и Украины. На территориях фронтира – пограничья возникает и интенсивно развивается своеобразная «речная», а не степная как раньше, вольница. Местами ее обитания становятся крупнейшие реки юго-востока – Дон, Волга, Яик (Урал), Терек. Казачьи станицы прятались на островах, в залесенных поймах рек и мысах. Заниматься привычным по прошлой жизни земледелием в открытой местности они не могли. Поэтому ловили рыбу, охоти-

лись; промышляли набегами, грабили своих кочевых соседей, торговые караваны. Такие разбойничьи предприятия становятся частью хозяйственной жизни вольницы, способом выживания в чрезвычайных условиях фронтира. В 1604 г. бий Большой Ногайской Орды Иштерек писал Борису Годунову: «Токо бы казаки на улусы приходили сухим путем, и он бы над казаками умел промышляти. А то де казаки приходят на них водяным путем, в розни многими людьми… а на воде над ними промыслу никоторого не умеет учинить… И быть им (ногаям – Э.Д.) от казаков в великом разоренье. А уберечись от казаков никоим обычаем нельзя, потому что казаки многие. А приходят разными протоками и многими людьми, по двести и по триста и более человек»[15].

Во второй половине XVI в., когда крупные казачьи сообщества на Волге, Дону и Яике только начали складываться; обособления на донское, волжское, яицкое казачество не существовало[16]. Соединенные сетью волоков-переволок, эти три речные системы в пределах степи оказались колыбелью для возникновения единого ареала вольных казачьих общин. До конца XVI в. московские приказные люди путались в терминологии, чаще всего употребляя такие названия для казаков, как волжские и донские. Да и сами казаки считали все обширное лесостепное пространство от Яика до Дона своей единой родиной. Только в самом конце века, когда правительство, обеспокоенное столкновениями и грабежами на Волге, поставило в ее среднем и нижнем течении города – крепости; эта целостная казачья область оказалась насильно разорванной. Формирование крайних ее крыльев на Дону и Яике пошло обособленно; на Волге вольное казачество вскоре прекратило свое существование. Но еще долгое время Волга оставалась общим излюбленным местом вольницы для поиска добычи. Нередко сюда забредали даже отряды черкас — украинских казаков.

Одним из центров складывания волжского казачества становится территория Самаро-Саратовского Поволжья. Этому способствовало наличие двух речных систем — Самары и Большого Иргиза, по которым через волоки можно было легко добраться с Волги на Яик и обратно. Казачество крайне редко пыталось основать на волжских берегах постоянные поселения и городки. Правительство не позволяло ему установить действенный контроль над волжским путем. Даже в годы наивысшего разгула по волжским просторам свои зимовья казаки устраивали все-таки на Дону и Яике. Волга была прежде всего летним пристанищем, местом для государевой службы и разбоев.

Строительство городов на Волге лишило всякой перспективы возможность формирования в Среднем и Нижнем Поволжье казачьей области. Отряды волжской вольницы перешли на Яик и Дон. Однако, появление городов не смогло в полной мере обезопасить волжскую акваторию.

Благоприятные условия для возрождения волжского казачества сложились в годы Смуты. По данным А.А. Гераклитова в 1613 г. по всей Волге от Самары до Царицына (точнее, до Вязовки, лежащей 150 км ниже последнего) находилось 8 казачьих городков, в которых в совокупности насчитыва-

лось до 600 казаков[17]. Неясно, были ли эти городки зимовьями или временными летними стоянками?

Правительственный контроль над Средним Поволжьем был установлен только во второй половине 1610-х гг. В результате, возможности для второго рождения волжской вольницы были утрачены – на этот раз уже навсегда.

Промысловое освоение «наездом». Распад Золотой Орды привел к запустению лесостепи Южного Средневолжья. Только после присоединения к России начинается его новое промысловое сезонное освоение. Вся лесостепь до Самарской Луки и южнее становится зоной активного промыслового предпринимательства[18]. Если богатейшие природные ресурсы волжской акватории эксплуатировалась, как правило, русскими предпринимателями, то одновременно протекавшая хозяйственная деятельность в лесостепном пространстве Предволжья и Заволжья осуществлялась татарами, чувашами, мордвой и представителями других средневолжских этносов.

Так, промысловые угодья жителей Алатырского уезда в первой четверти XVII в. простирались на юго-восток от устья Алатыря и Барыша, вплоть до Волги в районе устья р. Терешки[19]. По соседству, вдоль волжских берегов до Самарской Луки, включая и этот полуостров, тянулись промысловые угодья мордвы, татар и чувашей Казанского уезда. Начальные данные о таких угодьях относятся еще к временам Казанского ханства и правления Бориса Годунова[20].

На Самарской Луке мордва появляется, по крайней мере, с середины XVI в. в качестве пользователя ухожаями, а в первой половине XVII в. она не только расширяет свою промысловую деятельность, но и оседает здесь[21]. Подобные промыслы были постоянными, существовавшими на протяжении десятков лет. Промысловые угодья распределялись и фиксировались в специальных документах. Они требовали длительной сезонной деятельности промысловиков – вотчинников, оброчников, наемных работников. В крае, помимо летних пастбищ кочевников, находилось промысловое население, приходившее сюда «изгоном» и делавшее все возможное, чтобы не обнаружить своего присутствия. Вплоть до крайних границ лесостепи на юге (реки Сызранка, Крымза, Терешка на Правобережье; Самара и Кинель в Заволжье[22]) регион был населен. Пример такого «заселения» дает промысловая деятельность казанских феодалов Асановых, получивших бортные, бобровые и рыбные угодья на левобережье от р. Майны вниз по Волге по р. Уреню и до будущего с. Красный Яр (выше Симбирского городища) ранее 1581/82 г. Эта крупная промысловая вотчина была закреплена за семьей Асановых вплоть до конца XVII в.[23] В их угодьях, как и других вотчинников и оброчников, постоянно в течение промыслового сезона находились промышленники. Они устраивали временные жилища, хранилища, рыболовецкие и охотничьи станы, укрывались от отрядов кочевников.

В конце XVI – начале XVII вв. земледельческая колонизация перешагнула границу засек по линии Алатырь – Тетюши. В первую очередь она шла в рамках двух уездов – Алатырского и Свияжского (хотя между Алатырским и Свияжским вклинивались земли Чебоксарского и возможно других уездов,

а по правобережью Волги узкой полосой тянулись от Тетюшей земли Казанского уезда). Исследователи считают, что и к югу от упомянутой линии шли интенсивные процессы освоения, протекавшие в весьма своеобразной форме[24]. На рубеже XVI – XVII вв. отдельные чувашские деревни возникают по широте Самары и южнее, на территории будущего Симбирского уезда[25]. Эти селения были небольшими, существовали недолго, могли изменять свое местоположение.

Таким образом, вся территория вдоль волжских берегов отнюдь не была пустынна. Здесь кипела жизнь; но жизнь, скрытая от постороннего глаза, основанная не на постоянном оседлом поселении, а на временном укромном стане – убежище, сезонном промысле. Роль государства в этом освоении можно свести только к созданию определенных предпосылок, контроля за общей ситуацией в крае, не более того.

Иначе происходило хозяйственное освоение рыбных ресурсов акватории Волги и Камы. Здесь, уже с конца XVI в. появились крупные сезонные предприятия дворца, церковных корпораций, привилегированного купечества; мелкие оброчные – посадских и приборных людей, даже крестьян. Все эти предприниматели фактически выступали в роли организаторов и участников своеобразного промыслового освоения региона, способствовали формированию в районах промыслов значительных групп пришлого сезонного населения. В этническом отношении владельцы и организаторы промыслов, рабочая сила, арендаторы были в основном русскими, выходцами из средневолжских и центральных районов страны. На Волге от устья Камы до впадения Б. Иргиза выделялось несколько крупных промысловых районов, окончательно сложившихся во второй половине XVII в.: казанско-камский, симбирский, самарский. Казанско-камский район, принадлежал к наиболее ранним очагам формирования крупного промыслового предпринимательства в Понизовом Поволжье. Он охватывал водную акваторию среднего и нижнего течения Камы, воды Волги от камского устья и до впадения Черемшана. Пожалования и сдачи в оброчное владение начались здесь сразу же после присоединения Казанского ханства к России. Это был район стабильного промыслового предпринимательства, где уже к началу XVII в. сформировалась собственность на рыболовные угодья и получили развитие сравнительно небольшие предприятия. В основном организаторами промысловых предприятий в казанско-камских промысловых водах были: дворцовое ведомство и местные церковные корпорации. Наиболее значимое место среди последних занимала казанская епархия. Из центральных монастырей крупнейшими предпринимателями являлись в конце XVI – первой трети XVII вв. Троице-Сергиев, а во второй половине XVII в. – Савво-Сторожевский и Донской[26]. В середине 1660-х гг. из казанско-камского выделился симбирский промысловый район[27]. Его акватория на севере граничила с тетюшскими водами казанско-камского района (устье р. Чертык), на юге – тянулась до устья р. Усы. Симбирский район делился на несколько крупных участков: Гороховские воды, Синбирские, Вольские, Чувиченские, Арбугинские, Белоярские и Атрубские[28]. Для него был характерен интен-

сивный процесс формирования крупного казенно-дворцового промыслового хозяйства со значительным количеством работных людей.

Самарский промысловый район охватывал акваторию Волги, примерно от устья Усы до Елань-Иргизских вод (устье М. Иргиза). Он делился на крупные промысловые участки – Соковские, Тушинские, Васильчиковские, Печерские, Лопатинские, Деревянные, Чагринские, Сосновские воды и т.д. Фиксированные рыболовные угодья начали раздаваться здесь только в самом конце XVI – начале XVII вв. В отличие от других районов волжской акватории, в самарском, практически не получили сколько-нибудь заметного распространения дворцовые промыслы. Важнейшей тенденцией в истории этого района явилось последовательное неуклонное формирование собственности на промысловые воды крупнейших монастырей центра страны; Савво-Сторожевского, московских Чудова и Вознесенского, нижегородского Благовещенского. Каждый из владельцев промысла организовывал здесь временные рыбные дворы и ватаги, нанимал и привозил рабочую силу, строил временные поселения и жилища. В таком промысловом сезонном освоении участвовало несколько тысяч человек; определенная часть которых оставалась зимовать в волжских городах и постепенно оседала на территории Южного Средневолжья.

У истоков формирования постоянного населения Южного Средневолжья в конце XVI – первой половине XVII вв.

Служилые люди и посадские жители первых городов. Первым постоянным населением региона становятся служилые люди Самары (1586 г.) и Саратова (1590 г.). Начальными их жителями были по 300 – 400 ратных людей, так называемых «годовальщиков», переводимых погодно из нижегородских и казанских городов. В основном это были служилые люди по прибору (стрельцы), небольшие группы дворян и детей боярских, «иноземцев» и т.д.[29] К концу XVI в. это военизированное население становится постоянным.

Первые достоверные сводные сведения о городских гарнизонах сохранились от второй четверти XVII в.. Численность их составляла от 350 до 500 чел. с полным преобладанием приборных людей (конной и пеших стрелецких сотен)[30]. Группы дворян и детей боярских были незначительными и не превышали 20 чел. Местные служилые люди обжились в городах, большинство из них имели свои дома, семьи. Они занимались промыслами и торговлей, их общая численность с женами и детьми составляла около 3000 – 3500 чел. В Саратов, как и в другие города Нижнего Поволжья, в отличие от Самары нередко посылали дополнительные контингенты ратных людей для временной службы[31].

Только после завершения Смуты в городах региона начинают складываться немногочисленные общины посадских жителей. Кроме посадов, дворы городских жителей размещались по слободам. В Самаре сложились слободы – Рыбная, Болдырская, позднее возникла Вознесенская. В Саратове, судя по данным пятины 1634 г., насчитывалось всего 32 посадских чел. Самара имела более значительный посад – 69 дв.[32], а по переписи 1646 – 47 гг.

– более 100 посадских дворов (около 700 чел. обоего пола)[33]. Большое количество соседей и подсоседников (51 чел.) указывает на незавершенный процесс складывания посадского населения и интенсивные миграционные процессы[34].

Таким образом, Самара и Саратов в конце XVI – первой половине XVII вв. представляли собой типичные российские пограничные города-крепости, основу населения которых составляли служилые люди и их семьи. Своеобразие волжским городам придавало то, что им приходилось защищать не складывающиеся вокруг них районы сельского расселения, а важнейший транзитный речной путь по Волге и совокупность рыболовецких промыслов[35].

Верхушку местного общества в городах составляли приказные люди во главе с воеводой, до 20 семей детей боярских и дворян, да несколько семей священнослужителей. Между воинскими людьми, несшими ратную службу, и посадскими, платившими тягло, не было непроходимой границы. Основные хозяйственные занятия и тех и других были одинаковы: рыболовство и другие промыслы, ремесло, извоз, обслуживание волжского судоходства. Самара и Саратов в экономическом отношении в основном являлись перевалочными транзитными пунктами на волжском пути.

Локальные районы сельского расселения во второй четверти XVII в. Во второй четверти XVII в. на территории Южного Средневолжья начинают складываться первые локальные районы сельского расселения. К их числу относятся Самарский уезд и Надеинское Усолье, а также дворцовая Чалнинская волость в Закамье, на границе Казанского и Уфимского уездов.

Самарский уезд. В отличие от Саратова, не имевшего сельской округи, рядом с Самарой на Самарской Луке, занимая ее восточную и центральную части, складывается свой уезд[36].Видимо, заселение низменности под отрогами Жигулевских гор, началось в конце 1610-х – начале 1620-х гг. Здесь на землях домового патриаршего самарского Спасо-Преображенского монастыря возникли начальные селения Рождествено и Подгоры (Ильинское). Первое упоминание о деревне «под Лысой горой» – Подгорах, относится к концу 20-х гг. XVII в.[37]

Для защиты жителей этих селений от внезапного прихода «воинских людей», к западу были устроены караулы, под защитой которых возникло еще одно селение — деревня Ново-Подкараульная. Жители Подгор, переселившись через овраг, основали д. Выползово. Так сложилось начальное ядро старейших русских селений уезда, располагавшихся на открытой равнине, рядом с пашнями. Появившиеся почти одновременно малодворные деревни мордвы и чувашей — Шелехметь, Борковка, Терновое, Чуракаево, возникали в укромных местах за лесами и буераками, среди гор, занимали неудобья. Система сельского расселения в целом отражала этническое разнообразие населения уезда. В конце 30-х—начале 40-х гг. во всех этих селениях насчитывалось 210 дворов, около 900 человек[38]. По переписи 1646 г. только русское население восточной части Луки составило более 300 дворов[39]. В большинстве своем это были беглые, пришедшие сюда из уездов

Среднего Поволжья – Казанского, Алатырского, Симбирского и других. Как образно заявили сами о себе жители с. Рождествено – «всякий сброд и наволока».

Для защиты жителей в крупнейших селах при владельческих дворах и храмах обустраивались примитивные оборонительные сооружения.

Самарские дети боярские приступили к освоению Самарской Луки с 1640-х гг. Все ближние к городу, лучшие земли к этому времени были разобраны и им пришлось довольствоваться выходящими к Волге межгорными долинами в центральной части полуострова. Там и возникали небольшие деревушки Ширяев Буерак (Ширяево), Моркваши, Осиновый Буерак и другие. И, наконец, пришедшие чуть позднее мордва и чуваши облюбовали центральную часть Самарской Луки, «за лесом», где появились д. Аскулы, Сосновый и Березовый Солонцы, Кармалы, Севрюкаево[40].

Надеинское Усолье. В 1631/32 г. на западе Самарской Луки вокруг соленосных источников сложилось крупное промысловое владение гостя Надеи Светешникова. Работные люди и крестьяне предпринимателя выстроили укрепленный городок-крепость, основали солеваренный и рыболовецкий промыслы, поселили несколько слобод[41]. Рядом с соляными источниками возникли Верхнеусольская, Нижнеусольская и Усольская слободы, в которых обосновались работные люди из Соли Камской, Костромского уезда; крепостные крестьяне, слуги и прислужники Светешникова. Большинство жителей слобод составили беглые, «гулящие» люди, пришедшие в Усолье «своей охотой». По данным 1646 г. общее количество взрослых мужчин (без духовенства и приказчиков) составило 108 человек, из них 33 несли вооруженную охрану промысла, 28 являлись крестьянами, 30 – бобылями, 17 относились к наемным людям, временно проживающим на территории Усолья. 88 человек являлись дворовладельцами[42]. Из них около 40% – 37 человек – гулящие, 17 человек – из крепостных крестьян, 5 – из посадов, 4 бобылей и т.д. За исключением 2-х новокрещен, все переселенцы были русскими. 24 человека, из указавших место своего прежнего проживания, 64 дворохозяев, вышли из уездов, где особое развитие получило солеварение: из Балахны – 10 чел. и Соли Камского – 4. Казанское и Нижегородское Поволжье представлено соответственно 17 и 8 переселенцами. Всего же было указано 11 уездов выхода. Из них наибольшее количество дали Алатырский (7 человек), Нижегородский (5 человек) и Казанский (4 человека) уезды. Из 10 центральных уездов страны, представленных в Надеинском Усолье 14 переселенцами, выделяются Ярославль – 3 человека, Пошехонский и Устюжский уезды – по 2. Очевидно, приказчики Светешникова вели целенаправленную «пропагандистскую» работу на крупнейших солеваренных промыслах, и это обстоятельство обусловило столь высокий процент миграций именно из этих районов.

Кроме того, на промысле постоянно работали полтора десятка наемных людей, тех, кто нанимался на сезон или на более длительный срок. Видимо, уже в этом время в Надеинском Усолье появились чувашские переселенцы[43].

Чалнинский район расселения в Закамье. В освоении районов Западного Закамья важную роль сыграли прикамские селения, располагавшиеся на правом «казанском» берегу Камы – Рыбная слобода, с. Анатош и другие[44]. Население этих пограничных дворцовых волостей являлось поставщиком переселенцев для новых сел и деревень в Западном Закамье и Симбирском Поволжье.

Примером инициативы самих крестьян, санкционированной местными властями, явилось возникновение Чалнинской дворцовой волости на левобережье Камы. В 1626 г. группе крестьян из закамского дворцового с. Елабуги разрешили основать небольшой починок, затем разросшийся в село – Чалны (у р. Чалны). Приток переселенцев был настолько интенсивным, что уже в начале 1640-х гг. здесь возникла целая дворцовая волость, в которой по данным 1643 г. насчитывалось 449 душ м.п.. Тенденция к дальнейшему быстрому росту Чалнинской волости сохранилась в середине 1640-х – первой половине 1650-х гг. По переписной книге 1647 – 1648 гг. в 349 дворах (кроме 25 пустых) насчитывалось уже 683 души м.п. (прирост составил 52%). Число крестьянских дворов составило 296, бобыльских – 53. Кроме самого с. Чалны (Чалнинский починок, с. Мыс), в дворцовой вотчине насчитывалось 8 деревень и 2 починка[45].

Появление столь крупной дворцовой волости, а также ряда более мелких селений чуваш, мордвы, татар в Закамье, заставило правительство приступить к сооружению в этих местах в начале 1640-х гг. острожков[46]. К 1651 году в городке были поселены 100 конных белопашенных казаков[47]. Первоначально волость числилась в Уфимском уезде, а затем была переведена в Казанский. Писцовое описание Казанского уезда проведенное в 1649 – 1656 гг. С.В. Волынским, подтверждает тенденцию к быстрому росту ее населения. В 14 селениях (из них 2 деревни и 1 починок принадлежали местному монастырю) насчитывалось 853 душ м.п.[48]. Крупнейшим селением волости оставалось с. Чалны-Мыс, которое не только выделяло из своего состава переселенцев для новых починков и деревень, но и разрасталось само. В нем насчитывалось 143 двора с 255 мужчинами, среди которых были 123 крестьянских (219 душ м.п.), 1 крестьянский льготный двор, 16 дворов бобыльских (30 душ м.п. бобылей и захребетников)[49].

Чалнинская волость представляет собой яркий пример развития земледельческой дворцовой вотчины на окраинной территории[50]. Сведений об организованных переводах крестьян не сохранилось. Скорее всего, рост населения происходил стихийно. Важнейшим занятием населения являлось, прежде всего, сельское хозяйство – земледелие.

Таким образом, накануне начала массового освоения Южного Средневолжья на его территории уже сложились отдельные локальные центры расселения в виде отдельных городов, уездов, крупных дворцовых и купеческих владений, сел и деревень. Мнение о том, что уже в первой половине XVII в. пространство региона было в определенной степени заселено, наиболее четко высказанное Р.Г. Букановой[51], является вполне обоснованным и подтверждается большим количеством данных.

Выдающийся отечественный историк С.М. Соловьев считал Россию, страной «колонизующейся», «колонизующей самою себя»[52]. Он писал: «То была обширная, девственная страна, ожидавшая населения, ожидавшая истории; отсюда древняя русская история есть история страны, которая колонизуется»[53]. Эти слова хорошо отражают процессы, происходившие в рассматриваемом регионе. Кризис Ногайской Орды, нестабильность других кочевых сообществ привели к сокращению территории их летних кочевий. Ставшие «ничейными» лесостепные пространства европейского юго-востока как бы «затягивали» в себя разнообразные в этноконфессиональном отношении потоки переселенцев, способствовали их расселению, а при определенном насыщении выталкивали лишних все дальше на просторы юга и востока.

Примечание

[1] В широтном измерении мы ограничиваемся территорией до р. Суры на западе (примерно в рамках Симбирского уезда XVII в.) и закамскими землями Казанского уезда. Этот термин был апробирован в ряде предшествующих работ и не вызвал возражений у исследователей.

[2] История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. В пяти томах. Том 2. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М., 1990. С. 405.

[3] Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 561.

[4] См., например: История Отечества: Энциклопедический словарь. М., 1999. С. 189.

[5] Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века: Очерки истории колонизации края. Одесса, 1882. С. 188; Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда. Симбирск, 1903. С. 5.

[6] Наиболее глубоко история средневековых ногаев рассмотрена в следующей работе: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.

[7] Поноженко Е.А., Асанов А.М. Регламентация пастбищного землепользования у средневековых ногайцев // Половецкая луна. Черкесск, 1993. № 1-2/5-6. С. 116-125; Дубман Э.Л. Особенности системы кочевания у ногайского сообщества середины XVI в. (на примере ногаев Волго-Уральского междуречья) // Краеведческие записки. Вып. XII. Самара, 2005.

[8] Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С.497-499.

[9] Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в.//ИЗ. 1939. №5; Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.

[10]:Народы Поволжья и Приуралья Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 282.

[11] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 93-109; Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960. С. 25-40; Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1. Ч.1. Уфа, 1956.

[12] Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 277; Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. Кн.4. Л.316-316об., 342-342об.

[13] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. Махачкала, 1995. С. 230-231.

[14] Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С.286-291; Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV –XVII

веке. Волгоград, 2005. С. 38, 43, 47, 50; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. Махачкала, 1995. С. 92; и др.

[15] Цит по: Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV –XVII веке. С.130.

[16] Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом страны. М., 1967. С.168, 172.

[17] Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. Саратов; М.,1923. С.198.

[18] История Чувашской АССР. Чебоксары, 1966. Т.1. С.66.

[19] Гераклитов А. Алатырская мордва по переписям 1624-1721 г. Саранск, 1936. С.11 и др.; Козлов В.И. Расселение мордвы (Исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып.1. Труды института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т.LXIII. М., 1960. С.12. (Правда автор рассматривает границу бортных ухожаев для середины XVI в. и доводит ее на юго-востоке до Самарской Луки); Биленко М.В. Дворцовая мордва Алатырского уезда в XVII веке (по писцовым и переписным книгам): дис. … канд. ист. наук. Саранск, 1980. С.113, 120, 370.

[20] Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 годов. Публикация текста. Казань,1978. С.61, 62, 67; РГАДА. Ф. 1209. Оп.7. Д.159; Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Гераклитов А.А. Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. С.111-112.

[21] Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Гераклитов А.А. Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. С.112-113.

[22] См, например: Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2005.

[23] Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского Дворца. Т.IV. Архив Александра Петровича Языкова. Симбирск, 1904. Т.IV. № 90. С. 226-255.

[24] Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века: Очерки истории колонизации края. Одесса, 1882; Исхаков Д.М. Динамика численность и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI — начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 262-280; др. работы.

[25] Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI - начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С.321-322.

[26] РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 56.

[27] Зерцалов А.Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда (приходо-расходная книга Синбирской приказной избы).1665-1667 гг. Симбирск,1896. С. 264.

[28] РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 5об., 20, 32об. и др.

[29] Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. С. 189-190; Дубман Э.Л. Князь Григорий Засекин – строитель волжских городов. Самара, 2002. С. 56.

[30] См., например: Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 192–197.

[31] Гераклитов АА. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. С. 215-216.

[32] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41162.

[33] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 1-22об.

[34] Гераклитов АА. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. С. 225; Окладная роспись пятины 142 года по городу Саратову // Труды СУАК. Вып. 33. С. VI.

[35] Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв.; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века М., 2000. С. 73-76, 128-131.

[36] Там же. С. 89-92.

[37] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф.303 I. Д. 562. Л. 114-116 об.

[38] Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующе-

го Синода (далее ОДДАС). СПб., 1907. Т.15. Стб. 955-959.

[39] РГАДА. Ф. 1209. Кн.6468. Л.25-67.

[40] Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М. Самарская Лука в XVI – начале XVIII вв. Самара, 1995. С. 25-26.

[41] Бахрушин С. В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке / / Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. 2: С. 228-247.

[42] Там же.

[43] Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М. Самарская Лука в XVI – начале XVIII вв. С. 23-51.

[44] Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 3, 22-23, 83-84 и др.

[45] Там же. С. 118-123; Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века: дис.... канд. ист. наук. Воронеж, 1980. С. 44-45.

[46] Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. С. 48-51.

[47] Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 131-135.

[48] Буканова Р.Г. Заселение крепостей Закамской черты в XVII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Сборник статей. Томск, 1982. Вып.2. С. 16.

[49] Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 135-139.

[50] Мустафина Д.А. Социальное положение крестьян Казанского уезда во второй половине XVII века // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань,1984. С. 41.

[51] Буканова Р.Г. Заселение крепостей Закамской черты в XVII в. С. 16.

[52] Это объяснение С.М. Соловьевым особенностей российского исторического процесса тщательно разбирает современный исследователь внутренней колонизации в России А. Эткинд. См.:Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. С. 92-94.

[53] Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 631.

Е.М. Малинкин, Э.Л. Дубман*

ОБЛАСТЬ ПОНИЗОВЫХ ГОРОДОВ, ОСОБЕННОСТИ ЕЕ КОЛОНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ ПРИКАЗОМ КАЗАНСКОГО ДВОРЦА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI–XVII ВВ.

Деление на «города» в XVI – XVII вв. является одним из самых значимых феноменов территориально-административного развития Московского государства в эпоху позднего средневековья. Такие «города – области», состоявшие из совокупностей соседних уездов, отражали специфику исторического развития отдельных регионов еще до их вхождения в состав единого государства. Однако и в XVII столетии они не являлись только историческим анахронизмом и наследием былой автономии. В рассматриваемый период по мере расширения территории государства новые присоединяемые к нему территории также получали подобное обозначение. Так во второй половине XVI – XVII вв. в составе России сложились и стремительно расширялись области «Понизовых», «Польских», «Сибирских» и других «городов».

Дробление на «города» постоянно использовалось в законодательстве, делопроизводстве центральных учреждений, при составлении погодных разрядных росписей вооруженных сил России, в финансовой сфере, в публицистике и обыденных представлениях русских людей эпохи позднего средневековья. Опираясь на все эти материалы, отечественные историки постоянно использовали указанное историко – территориальное разграничение в своих исследованиях по истории Московского царства[1].

С.Ф. Платонов писал: «Было бы, разумеется, большой ошибкой придавать этому делению определенность и устойчивость существующих в наше время административных разграничений; однако этим делением можно пользоваться с большим удобством для того, чтобы дать некоторое понятие об особенностях общественного устройства и быта в разных частях Московского государства»[2].

Это было общепринятое, но не жестко оформленное территориальное деление страны. В подавляющем большинстве случаев, «города – области» в XVI – XVII вв. не соединялись единой административно-территориальной системой управления. В уезды, из которых они состояли, направлялись из соответствующих приказов воеводы и дьяки (подьячие), отчитывающиеся о своей деятельности только центральным учреждениям. Однако,

* © Малинкин Е.М. – главный специалист отдела использования архивных документов ГБУСО «СОГАСПИ», 2013

Дубман Э.Л. – доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «"Обретение родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

в середине – второй половине XVII в. наблюдались и случаи объединения совокупностей гарнизонов таких «городов» под началом особых областных учреждений – Разрядов. Например, своеобразную областную реформу в виде создания единой системы военных округов – Разрядов, а также совокупности особых «наместничеств» московское правительство пыталось осуществить в конце царствования Федора Алексеевича[3].

Вместе с тем, возникают постоянные центральные учреждения – приказы, которые исследователи называют территориальными. Во второй половине XVI в. это был приказ Казанского Дворца, в XVII в. – Сибирский, Смоленский и другие[4]. Сфера их деятельности имела ярко выраженный территориально-областной и полифункциональный характер. Сочетание особенностей центрального и одновременно – территориально – областного учреждения, специфика деятельности приказной администрации придавало территориям, находящимся под их юрисдикцией, определенные черты обособленности и единства.

Классический для отечественной исторической науки анализ категории «города» (в смысле обширных, административно не объединенных, областей), системы деления Русского государства на «города» – области и характеристику каждой из них дает С.Ф. Платонов во вводной главе «Очерков по истории Смуты...»[5]. Среди прочих «городов» – областей историк выделяет «Понизовые города или «Низ», определяя их следующим образом: «Под именем «Низа» или «понизовых городов» слыли, во-первых, города, находившиеся на территории покоренного в 1552 г. Казанского ханства, на обоих берегах средней Волги и на правом берегу нижней Камы и Вятки, а во-вторых, города, поставленные на нижней Волге, начиная от Самары и на Каспийском побережье»[6].

Отметим, что понятие «понизовые города» является наиболее часто используемым как в источниках второй половины XVI – XVII вв. (смотри Соборное Уложение 1649 г.[7], «Разрядные книги» и др. материалы[8]), так и в специальной литературе. Вместе с тем, нередко данные территории называли близкими по смыслу, однокоренными, но несколько иными терминами – «Низовые города», «Низ», «Низовье», «Волжское Понизовье» и т.д.[9] Нельзя не согласиться с мнением крупного исследователя этого региона И.П. Ермолаева, писавшего, что «твердо установленного перечня «понизовых» городов не существует, но граница распространения областей включаемых в понятие «понизовые», весьма устойчива»[10]. Во второй половине XVI – начале XVIII вв. территория «понизовых городов» находилась под юрисдикцией приказа Казанского Дворца. Однако в состав территорий, которыми управляла администрация приказа, входили определенное время и «мещерские города», и «сибирские» (до 1637 г., когда был создан специальный Сибирский приказ), и некоторые другие. Помимо того, с середины XVII в. Астрахань, Терки, ряд других городов Нижней Волги и северного Прикаспия состояли в ведении Посольского приказа. Наиболее устойчивой, базовой территорией, находившейся под управлением приказа Казанского Дворца, являлись уезды Среднего Поволжья. По подсчетам И.П. Ермо-

лаева «... в середине XVII в., вся территория, находившаяся в компетенции Приказа, включала примерно 773,2 тыс. квадратных километров, в том числе на долю Среднего Поволжья приходилось не менее 332,2 тыс. квадратных километров, т.е. более 41% всей территории Приказа Казанского дворца»[11].

Нас в данной работе интересует, прежде всего, то пространство «понизовых городов», которое к рубежу XVII – XVIII вв. входило в ареал оседлого городского и сельского расселения, то есть в основном состояло в системе уездов Среднего Поволжья. Вместе с тем нельзя не отрицать, что, начиная с вхождения региона в состав Московского государства, процесс интенсивной колонизационной деятельности русских переселенцев и коренных народов Среднего Поволжья постепенно распространялся на всю территорию «понизовых городов». И в ее южной части, где еще не было земледельческого расселения, происходило постепенное сужение ареала кочевий степных народов; строились новые остроги и города, продолжалось формирование на окраинах региона казачьих областей. По берегам Волги, других крупных промысловых рек и северного Прикаспия шел процесс складывания сезонных, а в дельте Волги и Урала постоянных, рыболовецких промыслов. Однако, стабильное развитие всех территорий «понизовья» в составе Московского царства; воспроизводство политических, социальных и экономических отношений, характерных для основных, «старых» районов страны было возможно только при включении их в состав освоенного земледельческим населением пространства. Именно поэтому, продолжая свое определение области «понизовых городов», С.Ф. Платонов писал: «Нас интересует здесь собственно первая группа городов с их «уездами»? Она на самом деле вошла в состав государства после завоевания Казани, тогда как города второй группы были скорее всего военными колониями, основанными вне государственных границ правительственными силами и почином по соображениям политического порядка»[12]. Таким образом, С.Ф. Платонов выбирает для своего изучения событий Смутного времени ту часть области «понизовых городов», которая охватывала более локальную территорию по сравнению со всем пространством Среднего Поволжья.

Исходя из тех же посылок, выделял регион для исследования юго-востока европейской России Г.И. Перетяткович[13]. Доведя хронологические рамки своей работы до начала XVIII в., Перетяткович должен был существенно увеличить территорию изучаемого региона к югу: на Правобережье до Саратова, Петровска и Дмитриевска, а в Заволжье до Закамской линии и даже до устьев Сока и Самары[14]. Для такого выбора изучаемого региона он предлагает те же основания, что и С.Ф. Платонов, а именно – появление новых уездов, расширение территории сельского земледельческого расселения. Именно на территории таких уездов служилые люди концентрировались не только в локальных городах–крепостях, как это было в Саратове, Царицыне, Астрахани, Терках и т.д., вокруг которых не сложилось сельской округи. Военное население испомещалось, расселялось в слободах и других типах сельских поселений.

Отметим, что отдельные историки при выборе для своих исследований определенных районов области «понизовых городов», использовали другие критерии. Например, Э.Л. Дубман, изучая вопросы развития промыслового предпринимательства и освоения «Понизового Поволжья» в конце XVI – XVII вв., под данным термином понимает территории юго-востока европейской России, начинающиеся от устья Камы[15].

Мы не будем останавливаться на работах, посвященных более локальным районам пространства «понизовых городов». Отметим лишь, что само волжское Понизовье[16] – Астрахань с прилегающими к ней городами по северному побережью Каспия, долине Терека, Черным Яром и Царицыным – исследователями рассматривалось также как самостоятельный регион для специального изучения[17].

Таким образом, историки, выделяя область «понизовых городов» как единое целое, постоянно «дробили» ее, выбирали для своих изысканий те ее части, которые в большей степени отвечали целям и задачам их исследований. Можно сделать вывод, что вся область «понизовых городов» как единое целое практически никогда не была объектом крупного монографического исследования в рамках выделяемого нами хронологического периода.

***

Со времени присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к Московскому государству и до начала XVIII в. можно выделить несколько важных этапов в «реальной» военно-административной и земледельческо-промысловой колонизации его территории.

Первый из них, наиболее протяженный, охватывает время до середины XVII в. В состав территорий, ставших в 50-е гг. XVI в. российскими или попавшие в зону влияния Москвы, вошли земли бывшего Казанского ханства, Башкирия и волго–уральское междуречье. Все это пространство соединялось системой водных путей, пролегавших по Волге и Каме.

До середины 1580-х гг. русское правительство, оказавшееся в состоянии тяжелого внешне – и внутриполитического кризиса, могло лишь удерживать под своим контролем Казанский край, Башкирию, Астрахань с небольшой округой и сам волжский путь. «Казанскую землю» рассматривали как важнейшую территорию Московского государства. В середине XVI в. численность ее жителей достигала 500 тыс. чел., среди которых татар насчитывалось до 200 тыс.[18] В ходе и после подавлении национально-освободительного движения («казанской войны») 1552-1557 гг., «черемисских» восстаний и т.д. правительство ликвидировало остатки системы управления прежнего ханства и приступило к созданию новой системы. Был проведен ряд мероприятий, способствующих постепенному вхождению нового региона в состав российской государственно-политической, социально-экономической и религиозной жизни. На территории бывшего ханства была создана действенная система военно-административного управления и административно – территориального деления. Она опиралась на совокупность укрепленных опорных пунктов – городов, администрация и гарнизоны кото-

рых контролировали практически всю территорию края. В годы «казанской войны» и после нее, были основаны Чебоксары (1555 г.), Лаишев (1557 г.), Тетюши (1558 г.). Во время подавления первого «черемисского» восстания появился Кокшайск (1573 г.). Наиболее многочисленная группа городов была основана в период второй «черемисской войны» – Козьмодемьянск (1583 г.); Царевококшайск, Цивильск, Уржум, Малмыж (все в 1584 г.), Царевосанчурск (1585 г.)[19]. На первых порах территория края была разделена на два уезда – Казанский и Свияжский. Затем к ним присоединились Чебоксарский, Алатырский, Тетюшский и другие. При этом далеко не все новые военизированные поселения были центрами уездов. Часть из них стала пригородами. Их воеводы контролировали локальные территории, входящие в более обширные уезды, например, Казанский. Южные границы «казанской земли» в конце 1570-х гг. защитила система засечных черт и локальных укреплений по линии Темников – Алатырь – Тетюши[20]; юго – восточные – крепости в нижнем и среднем течении Камы (Лаишев и др.).

В регионе был создан новый военно-административный аппарат. На всей территории бывшего ханства демонтировали прежнюю систему местной администрации. Впервые в России здесь апробировали воеводскую систему управления[21] и только затем ее распространили на остальные пограничные уезды страны. В состав местной администрации входили и представители коренной национальной верхушки[22]. Примерно в середине 1560-х гг. было организовано центральное учреждение для руководства всеми вновь присоединенными территориями на юго-востоке европейской части страны – приказ Казанского Дворца. Он обладал широкими полномочиями и до начала XVIII в. фактически полностью управлял огромным регионом.

Социальная политика русского правительства в Казанском крае была сложной и многоплановой. На первых порах центрами русского присутствия в регионе; размещения органов управления и гарнизонов, военизированного, а затем и торгово-промыслового населения были города. Одновременно, из признавшей власть Москвы части коренного привилегированного населения складывалась новая группа «служилых татар», сменившая прежнюю верхушку ханства[23].

Московская политика в крае была направлена на формирование достаточно многочисленного слоя русского служилого и тяглого населения, наделения его земельными угодьями. Служилых людей по отечеству и прибору переводили «годовальщиками», путем испомещения формировали из них категорию мелких и средних поместных землевладельцев[24]. К началу XVII в. в крае сложилась значительная группа русского служилого, владевшего поместьями и вотчинами, а также тяглого населения. Здесь практически были ликвидированы возможности для сепаратистских национальных движений, что показали события Смутного времени.

Значимые для территории «понизовых городов» изменения в государственной политике произошли в середине 1580-х гг. Внешнеполитические неудачи вынудили правительство перейти к более активным действиям на

юго-востоке. Эта новая тенденция в самом общем виде получила отражение в летописных памятниках. Авторы «Нового летописца» писали: «... государь праведной (Федор Иванович – Е.М.) чая от них (народов Среднего Поволжья – Е.М.) впредь измены ... повеле ставити ... городы, ... и насади их Рускими людми и тем он государь укрепил все Царство Казанское»[25]. «Пискаревский летописец» под 1684 г. сообщает: «Приказывает (Федор Иванович – Е.М..)... городы ставити на Поле и в Сивере и к Астрахани»[26]. И действительно правительство предприняло серьезные шаги «для своего действительного присутствия на территории Башкирии (Уфа – 1586 г.), закрепления всего волжского торгового пути и промысловой эксплуатации рыбных богатств (Самара – 1586 г., Царицын – 1589 г., Саратов – 1590 г.), контроля за устьем р. Урал (Яицкий городок – 1594/95 г.) и ближними к Астрахани районами Предкавказья (городки долины р. Терека)»[27].

Итоги реализации правительственной политики на территории всего региона проявились уже к концу XVI – началу XVII вв. Здесь сложилась система городов-крепостей, опорных пунктов; социально-политического равновесия в крае, где соседствовали коренное население Среднего Поволжья, кочевники Большой Ногайской Орды, яицкое казачество, служилое и посадское население, русские промышленники и торговцы из центральных районов страны. Однако в годы Смуты эта система была в значительной степени нарушена.

После завершения Смутного времени правительство предприняло серьезные усилия для укрепления своих позиций на европейском Юго-Востоке, и, прежде всего, в Нижнем Поволжье. В конце 1616 г. подданство России признали бии Большой Ногайской Орды. Были вновь отстроены Царицын и Саратов. К концу 1610 – началу 1620-х гг. обстановка в крае в целом стабилизировалась.

Основные контуры правительственной политики в Поволжье и Приуралье, сложившиеся в предшествующее время, сохранились и в первой половине XVII в. Характерной особенностью этого периода явилась нарастающая «милитаризация» региона, усиление в нем русского военного присутствия. Происходило не только восстановление старых городов и строительство новых, но и рост численности гарнизонов. Соответственно, наблюдалось расширение служилого землевладения на территории Казанского края. Правительство прилагало особые усилия для привлечения на государственную службу местного коренного населения, причем не только новокрещен. Характерной особенностью этого периода явился значительный «выплеск» сельских поселений в южную и юго-восточную лесостепь, за пределы ранее освоенных и хорошо защищенных районов, перемещение земледельческого населения из обжитых районов Казанского края на юг и юго-восток за пределы линии Темников – Алатырь – Тетюши и в Закамье. Причем, если в Предволжье, к югу от укреплений Тетюшско – Алатырской черты селилось в основном местное чувашское, мордовское и отчасти, татарское население, то в Заволжье, за Камой появился ряд и русских селений. Динамика развития Поволжья и Приуралья в первые десятилетия XVII в. вполне оче-

видна. Продолжалось последовательное закрепление за государством огромного региона, строительство на его территории новых военизированных поселений, расширение социальной базы для проведения более активной правительственной политики. Большинство исследователей рассматривают такие тенденции как формирование предпосылок для создания нового района интенсивной правительственной колонизации в Симбирском Поволжье и Закамье[28]. Этот район начал складываться в 1640-х гг. Но, уже вторая половина 30-х гг. XVII в. стала переломным моментом в освоении южных и юго-восточных окраин России. На границах с Диким полем строится Белгородская линия. Под ее защитой происходило массовое испомещение служилых людей. Сооружение оборонительных линий распространялось на юго-восточные окраины через Тамбовскую черту[29], В.И. Лебедев и другие исследователи приходят к выводу, что от нее далее на восток к р. Суре возводятся во второй половине 1630-х – первой половине 1640-х гг. начальные локальные сооружения сразу нескольких отдельных засек: Ломовской, Нижне-Ломовской, Инсаро-Потижской, Саранско-Атемарской[30]. Они были «развернуты» во второй половине 1640-х гг. в протяженные оборонительные линии, которые прикрывали западную часть области «понизовых городов« и способствовали началу ее массового заселения[31]. Завершением создания непрерывной системы укреплений от границ с Польшей до Башкирии, явилось строительство в конце 1640-х – 1650-х гг. Корсунской, Симбирской (Симбирско–Корсунской) и Закамской оборонительных линий[32]. Их возведение коренным образом изменило положение в лесостепной зоне правобережья Волги и в Закамье. Началось интенсивное заселение находившихся под защитой засечных черт территорий южной лесостепи. В новом регионе сложился крупный контингент преимущественно русского военизированного населения. В него входила и значительная часть служилых людей из народностей Среднего Поволжья[33]. На свободных землях вновь образованных Саранского, Симбирского и других уездов Предволжья, закамских территорий Казанского уезда получило широкое развитие мелкое и среднепоместное землевладение служилых людей. Здесь, как в южных уездах действовали нормы законодательства о «заказных городах»[34]. Центром крупного аграрного района, обеспечивавшего продукцией сельского хозяйства не только свое служилое и торгово-промысловое население, но и поставлявшим хлеб в другие города и промысловые центры региона становится Симбирск.

Во второй половине 1660-х гг., защищенное укрепленной линией, Симбирское Предволжье уже не могло вместить новые контингенты переселенцев. Миграционные потоки, раздачи земель перешагнули «за вал» Симбирско-Корсунской черты и начали спускаться далее на юг. Для защиты новых селений, ниже Симбирска в 1660-х гг. была построена прилегающая к Волге небольшая укрепленная линия, должная обезопасить, возникшую здесь Арбугинскую дворцовую волость. Колонизация местности к югу от черты начало приобретать массовый характер[35].

Менее интенсивно процессы заселения новых земель происходили в Заволжье, под защитой Закамской черты. Но и здесь во второй полови-

не XVII в. под прикрытием ее гарнизонов сложился крупный сельский район[36].

Массовое антикрепостническое движение под предводительством С. Разина, охватившее осенью 1670 – 1671 гг. южные районы Среднего Поволжья, заставило правительство по-новому взглянуть на обеспечение безопасности в регионе, но уже не от кочевников, а от мощных выступлений местного населения. Наряду с военно-административными действиями, усилением гарнизонов, строительством новых укрепленных пунктов, унификацией системы местного управления, ростом полномочий местных властей и т.д., правительство приняло ряд мер, направленных на защиту русского тяглого и коренного ясачного населения.

Новый этап в расширении ареала сельского расселения на территории «понизовых городов» начался в конце 1670-х гг. В это времени государство приступило к созданию еще одной совокупности протяженных оборонительных систем. Они возводились для того, чтобы обезопасить границу со степью и обеспечить дальнейшее продвижение оседлого населения на юг и юго-восток. В годы Чигиринской войны к югу от Белгородской была построена Изюмская линия[37]. Практически одновременно, во второй половине 1670-х гг. на противоположном фланге границы со степью возводится еще одна черта – Пензенская[38]. Тем самым были укреплены наиболее слабые участки по всему периметру лесостепного европейского фронтира России. Совершенно очевидно, что следующим шагом должно было стать продолжение Пензенской линии дальше на восток за Суру, к Волге. Волго-сурское пограничье необходимо было серьезно укрепить от набегов крымцев и малых ногаев, а также калмыков[39]. Однако новая система укреплений не была построена[40]. Известный исследователь засечных линий европейского юго-востока России В.И. Лебедев доказывает, что, несмотря на принятое весной 1686 г. решение о создании черты, правительство отказалось от этого проекта[41]. Накануне новой войны с Крымом, государство решило сэкономить. Оно ограничилось возведением единичных укрепленных центров с прилегающими к ним сельскими военизированными поселениями. В 1680-х гг. междуречье Суры и Волги практически было перекрыто гарнизонами ряда новых городов, а также поселенных здесь слобод, сел и деревень. Начиная с 1683 г. строятся Сызрань, Кашпир, ряд слобод, населенных служилыми людьми, что позволило перейти к интенсивному заселению всей территории между Симбирском, Сызранью и Пензой[42].

В 1680-е – 1690-е гг. район сельского расселения на волжском Правобережье стал стремительно расширяться к югу, вплоть до широты Саратова и ниже. Этому способствовали походы 1695-1696 гг., завершившиеся взятием Азова, а также дальнейшее укрепление волго-донского междуречья, где в 1697 г. были начаты работы по сооружению канала между Камышинкой и Иловлей[43] и одновременно построен город Дмитриевск[44]. К началу XVIII в. на этих территориях, входивших в огромный Симбирский уезд, насчитывалось уже более 300 населенных пунктов[45].

На рубеже 1680-х – 1690-х гг. правительство начинает рассматривать земли Правобережья как относительно безопасные территории. Об этом сви-

детельствует отмена законодательства о «заказных городах»[46]. Здесь начинают складываться весьма значительные по размерам вотчины крупнейших светских феодалов и центральных монастырей России. С гораздо большими трудностями происходило оседлое освоение Левобережья. Но и там к югу от укреплений Закамской линии вдоль Волги, в нижнем течении рек Б. Черемшана, Сока и Самары стали появляться новые укрепленные городки и сельские поселения.

Можно сделать вывод, что к концу XVII – началу XVIII вв. территория бывшего Казанского ханства практически становится внутренним районом страны, окруженным с юга и юго – востока вновь освоенными и закрепленными за Россией землями[47].

Рубеж XVII-XVIII вв. явился итоговым, решающим для территории «понизовых городов» по целому ряду факторов. Завершился определенный период в его развитии. Государство смогло поставить под свой контроль основные силы, находившиеся как внутри региона, так и на его границах – яицкое и донское казачество, калмыков.

* * *

Одним из самых сложных и до конца нерешенных вопросов истории рассматриваемого нами региона, является проблема его юрисдикции, подчиненности, управления центральными и местными учреждениями. Общеизвестен факт, что данная территория находилась в ведении приказа Казанского Дворца. Он был создан как часть общей системы управления, сложившейся во второй половине XVI в. Специалисты считают, что приказ являлся не только территориально-административным учреждением, осуществлявшим властные функции на юго-восточных окраинах Российского государства. Он контролировал все стороны функционирования здесь центральной власти, обладал исключительной автономией. Приказ отвечал за сбор налогов, податей, функционирование создаваемых на Волге во второй половине XVI – XVII вв. городов. Его администрация осуществляла судебные функции и ведала вооружёнными силами этой огромной территории. Уникальность приказа Казанского Дворца заключалась в том, что он изначально сосредоточил в себе функции ряда других общероссийских приказов.

В энциклопедической статье, подготовленной Ю.М. Эскиным, говорится, что приказ осуществлял: «…адм., воен., суд., финанс. управление населением всех народов Поволжья, имел внешнеполит. функции ввиду погранич. положения (сношения с киргиз-кайсацкими, ногайскими, сибирскими и др. правителями), ведал сбором ясака и служилыми людьми»[48]. Однако, от делопроизводства этого центрального учреждения практически ничего не сохранилось. Историки ссылаются на пожары начала XVIII в., фактически полностью уничтожившие его архив и текущее делопроизводство. Отдельные документы, сохранившиеся в фондах других центральных учреждений, съезжих и приказных изб «понизовых» городов, подведомственных приказу; коллекциях источников, отложившихся в столичных архивах

и т.д., не позволяют сколько-нибудь полно воспроизвести его постоянную работу; текущие вопросы, которые приходилось решать приказной администрации, ее структуру, штаты и т.д. Наиболее плодотворную и практически единственную в отечественной историографии попытку реконструкции структуры и штатов, полномочий и деятельности приказа Казанского Дворца в результате длительной кропотливой работы осуществил известный современный исследователь И.П. Ермолаев[49]. Историк писал, что его источниковедческая методика заключалась во фронтальном просмотре значительного количества фондов Российского государственного архива древних актов и других архивохранилищ[50]. Вплоть до настоящего времени, реконструкция И.П. Ермолаева является единственной соответствующей требованиям современных научных исследований. Его работа получила высокую оценку специалистов по отечественной истории. Поэтому последующая краткая характеристика различных сторон деятельности и компетенций приказа является фактически реферативным изложением основных выводов И.П. Ермолаева.

После завоевания в 50-80-е гг. XVI в. огромных пространств Казанского, Астраханского и Сибирского ханств перед Российским государством встала проблема управления этими территориями. Изначально оно было поручено Посольскому приказу, но с 1599 г. эта территория отошла к приказу Казанского Дворца[51]. Его прообразом была Казанская изба (Казанский дворец, Казанский и Мещерский дворец и т.д.), существовавшая с 50-х годов XVI в. На первых порах под началом приказа находились все земли бывших волжских ханств. Приказная администрация управляла не только Средним и Нижним Поволжьем, Приуральем, но также Западной Сибирью и «мещерскими городами» по Оке. В 1637 г. сибирские земли были переданы в распоряжение специально созданного Сибирского приказа. Его возникновение было обусловлено сложностью управления огромного пространства от Волги до Восточной Сибири. В середине XVII в. Астрахань с прилегающими к ней городами и территориями перевели под юрисдикцию Посольского приказа. Под началом приказа Казанского Дворца остались Среднее и часть Нижнего Поволжья, а также Приуралье (Башкирия)[52].

Для представления о территории Поволжья, находившейся в ведении приказа, обратимся к указанной выше трактовке И.П. Ермолаева. По его мнению территория, входившая в компетенцию приказа Казанского Дворца, сформировалась первоначально из основной части бывшего Казанского ханства. К рубежу XVI – XVII вв. в нее входили новые крепости по Волге (ниже устья Камы), а также Астрахань с прилегающими к ней городами и территориями. В дальнейшем происходило увеличение числа городов, в первую очередь связанное со строительством оборонительных засечных линий, но никаких серьезных территориальных изменений уже не было. Таким образом, район «понизовых городов» можно считать сформировавшимся ещё к началу XVII в. Он включал в себя следующие территории и города:

1. Свияжск и Казань с пригородами (Тетюши, Арск, Лаишев, Алаты, Малмыж, Оса — все упоминаются в составе казанских пригородов со второй половины XVI в.).

2. Сурско-Волжское междуречье (Васильсурск, Чебоксары, Алатырь, Курмыш, Козьмодемьянск, Ядрин, Цивильск, позднее Симбирск с пригородами и Пенза).

3. Левобережная Самара с Самарским уездом на Самарской Луке.

4. «Луговая сторона» или волжское левобережье (Кокшайск, Царевококшайск, Царевосанчурск, Яранск).

5. Приуралье (Уфа, позднее — Бирск).

6. Нижняя Волга (Астрахань, Терки, Царицын, Саратов, позднее — Черный Яр, Дмитриевск, Камышин и др.).

7. «Мещерские города» (Шацк, Касимов, Кадом, Темников)[53].

По мере создания во второй половине XVI – XVII вв. новых городов, они с прилегающими территориями уездов включались в состав пространства, состоявшего в ведении приказа Казанского Дворца, и в них назначались воеводы. О развитии вооруженных сил региона, находившегося под управлением приказа, свидетельствуют, прежде всего, разрядные книги[54]. Центром его была Казань. Приказ Казанского Дворца действовал до административно-территориальной реформы Петра I и перестал существовать после создания Казанской губернии в 1708 г. В состав новой губернии вошли почти все территории этого бывшего центрального учреждения[55].

Полномочия и деятельность приказа Казанского Дворца обуславливались не только размерами территории, находившейся в сфере его компетенции, но и особенностями взаимодействия с другими органами центральной власти. Он был не просто территориальным приказом, но и центральным учреждением по управлению всеми вопросами и сторонами жизни Поволжья. Г. Котошихин писал о чрезвычайно широкой сфере полномочий приказной администрации на юго-востоке европейской части Московского государства[56]. Приказ осуществлял полное административное, финансовое, судебное управление. Кроме того он являлся едва ли не единственным центральным учреждением, обладавшим военно-организационными функциями на подведомственной ему территории, обычно полностью принадлежавшими Разрядному приказу[57]. Ему подчинялись почти все категории служилых людей, в том числе стрельцы. Он руководил уголовным сыском и осуществлением наказаний, что должно было входить в компетенцию Стрелецкого и Разбойного приказов соответственно. По свидетельству того же Котошихина приказ даже ведал охраной границ с Турцией и Персией, а также защитой от калмыков и башкир[58]. Приказ Казанского Дворца собирал все подати, таможенные сборы, наблюдал за исполнением населением невоенных повинностей.

В первой половине XVII в. приказ Казанского Дворца по составу своего подьяческого штата относился к числу крупнейших центральных учреждений[59]. Позднее, он несколько утрачивает свои позиции по данному показателю, возглавив, по словам Н.Ф. Демидовой, «среднюю группу прика-

зов»[60]. Но и во второй половине столетия приказ оставался одним из важнейших центральных учреждений страны. Об этом свидетельствует, хотя бы то, что он в 1669 г. попадает в сравнительно небольшую группу приказов, дела которых вносили в особый день (в среду) «к слушанью и вершенью» в Боярскую думу[61]. Его руководство и состав подьячих находились под жестким контролем правительства. Стоит отметить, что штат приказных людей достаточно часто обновлялся, особенно судьи[62].

И.П. Ермолаев особо отмечает «уникальную» по сравнению с другими приказами «национальную» специфику данного учреждения. Приказ по его словам должен был «формировать общую, так сказать, «национальную» (в общегосударственном масштабе) политику России»[63].

По полноте своих компетенций, праву распоряжаться подвластной ему территорией, многообразию решаемых задач с Казанским не мог сравниться ни один из других областных приказов страны[64].

Вместе с тем, нельзя признать совершенно автономными территории, которыми ведал приказ Казанского Дворца. Исследователи считают, что и другие центральные учреждения принимали определенное участие в управлении поволжскими и приуральскими землями, однако установить, насколько это было «узаконено и регламентировано» невозможно из-за отсутствия репрезентативных источников[65].

Особое значение имели военные функции приказа. Система вооруженных сил на территории подведомственной приказу Казанского Дворца была также автономна, но в целом она повторяла подобную организацию всего Российского государства. Разумеется, при всей «автономии», руководство приказа должно было делить свои полномочия в данном вопросе с Разрядным, Стрелецким и другими военными приказами.

Вопросы организации и управления вооруженными силами территорий, находящихся под юрисдикцией приказа Казанского Дворца рассматриваются в других разделах данной работы, поэтому здесь мы не будем специально на них останавливаться. Отметим лишь, что интенсивное освоение окраинных районов, необходимость непрестанной защиты их от нападений, способствовало поддержанию постоянной боеготовности местных вооружённых сил. Нельзя не согласиться с И.П. Ермолаевым, который считал Казанский разряд военным округом. Это значение Казанского разряда, по его мнению, проявилось во второй половине XVII в. и выразилось скорее не в противодействии внешним опасностям, а в предотвращении народных выступлений. Велика была роль ратных сил «понизовых городов» в борьбе мощными социальными движениями («Разинщина»), башкирскими восстаниями. На их предотвращение нередко не хватало «своих» ратных ресурсов, приходилось привлекать военные части из других регионов страны[66]. Борьба с подобными социальными движениями, стала решающим фактором для политическое развития Московского царства. Кроме того она повлияла на изменения структуры центрального и местного управления[67].

Важную роль в укреплении военного потенциала сыграли реформы Фёдора Алексеевича, приведшие к реорганизации военных полномочий различных приказов в данном регионе.

Таким образом, изучение состояния вооруженных сил, подведомственных администрации приказа Казанского Дворца, позволяет выйти на разработку более общих вопросов развития российской государственности. Мероприятия правительства, направленные на модернизацию армии, на протяжении всего XVII столетия после Смутного времени были связаны с комплексом мер по укреплению границ, усовершенствованию административно-территориального устройства. Специфика пограничного региона, где со второй половины XVI в. шел непрерывный процесс хозяйственного освоения, колонизации новых земель, влияла на особенности его управления, формирования контингентов ратных людей, их боеспособности и руководства местными служилыми людьми.

Примечания

[1] См., например: Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. 2-е изд. М.,. 1937; Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. Учебное пособие. М., 1973. С. 102; др. работы.

[2] Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. 5-е издание. М., 1995. С. 8-9.

[3] Демидова Н.Ф. Федор Алексеевич // Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 187, 191; Волков М.Я. Об отмене местничества в России // История СССР. 1977. № 2. С. 56.

[4] См., например: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 5-е изд., доп. М., 2008. С. 57-64.

[5] Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. С. 7-80.

[6] Там же. С. 69. Несколько иное обозначение данной области приведено в учебном пособии, подготовленном В.З. Дробижевым, И.Д. Ковальченко и А.В. Муравьевым. Авторы пишут: «В области «Низовых городов» входила значительная часть территории, протянувшейся по обоим берегам Средней Волги, примерно от Нижнего Новгорода до Камы. Сюда относились не только поволжские города, но и земли мордвы, чувашей, черемисы. В XVI – XVII вв. понятие «Низовых городов», «Низа» было различным. Оно могло охватывать как непосредственно прилегающие к Замосковному краю земли, так и поволжские земли, тянувшиеся к Каспийскому морю». См.: Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. С. 105. Нам все же ближе то определение, которое дает С.Ф. Платонов.

[7] В частности, в Соборном Уложении 1649 г. в главе 13 «О Монастырском приказе» в статье 3 дано определение «понизовым городам», через их подчиненность центральному учреждению – приказу Казанского Дворца: «... опричь понизовых городов, которые городы ведают в Казанском Дворце». См.: Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Ленинград, 1987. С. 70.

[8] См., например: Книги Разрядные. СПб., 1853-1855. Т. 1-2; Григорий Котошихин. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI – XVII веков. М., 1984. С. 245, 281;

[9] См., например: Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. С. 102, 105.

[10] Ермолаев И.П. Территориально-административная сфера деятельности Приказа Казанского дворца. К постановке вопроса // Классы и сословия России в период абсолютизма. Межвузовский сборник статей. Куйбышев, 1989. С. 9.

[11] Там же. С. 7.

[12] Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. С. 69.

[13] Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

[14] Строго говоря, и у Г.И. Перетятковича изучаемый им регион к началу XVIII в. на Правобережье значительно выходит за южные границы Среднего Поволжья.

[15] Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI - XVII вв. Самара, 1999. С. 5-6; Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI - начало XX вв. Самара, 2007. С. 10.

[16] Нижняя Волга и прилегающие к ней соседние территории (Притеречье, низовья р. Урал и т.д.) исходя из современного географического деления.

[17] См., например: Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII - начала XVIII в. М., 1982

[18] Исхаков Д.М. Динамика численности и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI – начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 259-260.

[19] Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 36.

[20] Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 13-17; Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре. Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI – XVII вв. Чебоксары, 2012. С. 18-25; др. работы.

[21] Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем). С. 52

[22] Димитриев В.Д. Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во второй половине XVI – начале XVII веков // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары, 1981. С. 20.

[23] Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем). С. 65.

[24] Мустафина Д.А. Поместное землевладение в Казанском уезде по ввозным грамотам второй половины XVI – XVII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 10-14.

[25] ПСРЛ. Т. 14. С. 36.

[26] Пискаревский летописец // Материалы истории СССР. II. Документы по истории XV - XVII вв. М., 1955. С. 88.

[27] Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010. С. 55.

[28] См., например: Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI-XVII вв. Самара, 1999. С. 47-62.

[29] Мизис Ю. А. Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII вв. Тамбов, 1986.

[30] Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 18-34, 86; Кадерова Т.Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в Мордовском крае во второй половине XVI - XVII веков: дис. . . . канд. ист. наук. Саранск, 2006. С. 94.

[31] Кадерова Т.Н. Служилые люди «по прибору» в Мордовском крае в XVII в. // Центр и периферия. 2012. № 2. С. 18-23; Ее же. Организация обороны юго-восточных границ Рос-

сийского государства и служилые люди в Мордовском крае во второй половине XVI - XVII веков: автореф.… дис. канд. ист. наук. Саранск, 2006.

[32] Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века: автореф. дис.… канд. ист. наук. Воронеж, 1981. С. 10. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 131.

[33] Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 74-80, 140-176;

[34] Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 19-25.

[35] Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск, 1902; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Очерки из истории колонизации края). С. 199.

[36] Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. С. 12.

[37] Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980.

[38] Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 44-49;

[39] Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994. С. 113.

[40] В отечественной историографии второй половины XIX –XX вв. сложилось устойчивое мнение о том, что Пензенская черта, доведенная до р. Суры в середине 1680-х гг., была продолжена Сызранской и доведена до Волги в районе Сызрани или Надеинского Усолья. Такая точка зрения, не имеющая под собой фактически никакой серьезной источниковой базы, получила широкое распространение, как у региональных, так и у столичных исследователей. См., например: Невоструев К. Сведения о построении города Сызрани // ЖМВД. Ч. XXVIII. Декабрь, Кн. 12. 1849. С. 473-475; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVI и начале XVIII веков (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 237, 239, 241, 247; Очерки русской культуры XVII века. Часть первая. М., 1979. С. 493; др. работы.

[41] См.: Лебедев В.И. Из истории правительственной колонизации Среднего Поволжья в конце XVII в. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 54-60; Он же: Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986. С. 113-120; Он же: Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 73-77; Он же. К вопросу о так называемых Сенгилеевской и Сызранской чертах XVII века // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1990. Вып. II. С. 113-129.

[42] Перетяткович Г.И. Поволжье в XVI и начале XVIII веков (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С.208; Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Известия СНЦ РАН. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 326-332; он же. Юго – Восток Европейской России. Часть 1. Поволжский фронтир в середине XVI – XVII в. Очерки истории. Самара, 2012. С. 204-224.

[43] Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871; Бернштейн-Коган С.В. Волга-Дон. Историко-географический очерк. М., 1954.

[44] Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. Саратов; М., 1923. С. 269-271.

[45] РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX.

[46]Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско - Самарском Поволжье в XVII - начале XVIII вв. С. 19-24.

[47]Мустафина Д.А. Социальное положение крестьян Казанского уезда во второй половине XVII в. // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С. 52; Она же. Землевладение в деревне Казанского уезда второй половины XVII века // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С. 22.

[48] Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. Т. 2: Д-К / Редкол.: В.Л. Янин (гл. ред) и др. М., 1996. С. 446.

[49] Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. (Управление Казанским краем); он же. «Казанский разряд» как элемент государственного управления Средним Поволжьем // У источника. Сборник статей в честь члена-корреспондента РАН С. М. Каштанова. Часть II. М., 1997. С. 393-417; он же. Приказ Казанского дворца. (К историографии вопроса) // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье. Дореволюционный период. (Межвузовский сборник статей). Уфа, 1988. С. 5-11; др. работы.

[50] Ермолаев И.П. Территориально-административная сфера деятельности Приказа Казанского дворца. К постановке вопроса // Классы и сословия России в период абсолютизма. Межвузовский сборник статей. Куйбышев, 1989. С. 6.

[51] Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. (Управление Казанским краем). С. 52.

[52] Там же. С. 53.

[53] Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. (Управление Казанским краем). С. 57. Подчеркнем, что отнесение к понизовым городам Астрахани и Терков и, особенно, мещерских городов — вопрос сложный и неоднозначный. Мы считаем, что Ермолаев прав, включая их в эту общую группу городов. Источники — разрядные книги, различные сметные списки и росписи, на протяжении всего XVII и начала XVIII вв. относят эти города к группе «понизовых». Кроме того отметим, что в отдельных разрядных списках могли появляться и другие, пограничные с «понизовыми, города.

[54] Анализ данных разрядных книг по территориям, находившимся в управлении приказа Казанского Дворца, и их характеристика даны во второй главе данной работы.

[55] Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 55.

[56] Котошихин Г. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI-XVII вв. М. 1984. С. 245.

[57]Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. (Управление Казанским краем). С. 125; Гераклитов И.А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. С. 43.

[58]Котошихин Г.О Московском государстве в середине XVII столетия. С. 245-246.

[59] Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 24.

[60] Там же. С. 44.

[61] ПСЗ-I. Т. 1. № 460. 29 ноября 1669 г. См., также: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 36-37.

[62] Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI-XVII вв. М, 2006. С. 75-78.

[63] Ермолаев И.П. Территориально-административная сфера деятельности Приказа Казанского дворца. К постановке вопроса. С. 11.

[64] За исключением, пожалуй, Сибирского приказа.

[65] Ермолаев И.П. Территориально-административная сфера деятельности Приказа Казанского дворца. К постановке вопроса. С. 12.

[66] Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. (Управление Казанским краем). С. 143-155; Он же. «Казанский разряд» как элемент государственного управления Средним Поволжьем. С. 400, 412-413 и др.

[67] Ермолаев И.П. «Казанский разряд» как элемент государственного управления Средним Поволжьем. С. 417.

О.Б.Леонтьева*

ВОЛГА КАК «МЕСТО ПАМЯТИ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.

Образ Волги прочно вплетен в ткань отечественной культуры: от ее глубоких фольклорных пластов до современной массовой культуры. Волгу без преувеличения можно назвать самой песенной из российских рек; едва ли какой-нибудь другой реке посвящено столько песен – от проникновенных народных «Вниз по Волге-реке», «Вниз по матушке по Волге», «Волга-реченька глубока» и знаменитой «Из-за острова на стрежень» Д.Садовникова до таких шедевров песенной культуры XX в., как «Песня о Волге» И.Дунаевского и В.Лебедева-Кумача и «Издалека, долго течет река Волга» М.Фрадкина и Л.Ошанина. Волжские пейзажи И.И.Левитана, И.Е.Репина или М.В.Нестерова воспринимаются как типично русские ландшафты; сравнения могучей и величавой реки с русским народным характером стали расхожим литературным приемом. Все это наглядно свидетельствует, что Волга для российской культуры является «местом памяти» – не только географическим, но и символическим объектом, одной из важных составляющих российской/русской идентичности.

Но было ли так всегда?.. Какую роль играл образ Волги в сознании российского общества сто или двести лет тому назад?.. Какое место занимала великая река на «ментальной карте» Российской империи – в сфере географических и исторических представлений россиян того времени?.. С какими сюжетами и образами была связана Волга в исторической памяти общества, и какую роль сыграли эти образы в формировании коллективной идентичности?.. Поиск ответов на эти вопросы, как нам представляется, позволит глубже и многограннее оценить особенности того исторического пути, который прошло Поволжье со времени вхождения этого огромного региона в состав Российского государства.

В последние десятилетия для исторической науки стала актуальной проблема того, как формируется самосознание общества; как и почему – в силу каких причин – люди начинают осознавать себя членами тех или иных сообществ (здесь можно вспомнить такие классические исследования, как «Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма» Б.Андерсона или «Из крестьян во французы: модернизация сельской Франции, 1870-1914» Ю.Вебера)[1]. Яркие и интересные работы по-

* © Леонтьева О.Б. – доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «"Обретение родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

священы формированию в обществе представления о «своих» и «чужих», о разделяющей их грани; первопроходцем в этой сфере исследований стал американский ученый Э.Саид, проследивший в своей классической работе «Ориентализм» историю формирования образов Востока, стереотипов его восприятия в культуре Запада[2]. Наконец, особым направлением современной науки стало изучение так называемой «воображаемой географии» – образов определенных регионов и населяющих их народов, сложившихся в сознании людей той или иной эпохи[3].

На наш взгляд, интересная перспектива изучения образов различных регионов открывается, если исследовать их в контексте формирования исторического сознания XIX – начала XX в. Под историческим сознанием мы, вслед за М.А.Баргом и Л.П.Репиной, понимаем сложное, многоуровневое единство исторической мысли, профессионального историописания и мира художественных, образных представлений о прошлом, свойственных той или иной эпохе[4]. Такой подход позволяет исследователю не отделять друг от друга профессиональную историческую науку и художественную культуру, а, напротив, выявлять то, что их объединяло, прослеживать развитие тех или иных сюжетов, тем или образов – от научных исследований до художественных текстов и даже произведений изобразительного искусства. Проследив, как те или иные географические образы приобретали в общественном сознании статус «мест памяти», мы приблизимся к пониманию внутренних механизмов формирования коллективной идентичности: не только региональной, но также национальной и общегосударственной (применительно к XIX в. – имперской).

При рассмотрении этих проблем следует учитывать двойственное положение Поволжья в геополитической, административно-управленческой и социально-экономической структуре империи – как «внутренней окраины», где вплоть до начала XX в. шли процессы «внутренней колонизации», решались проблемы аккультурации «инородцев» и поиска оптимальной формулы имперской национальной и культурной политики. Как пишет об этом современный историк, «важным условием адаптации присоединенных территорий было их ментальное освоение, т.е. «привыкание» к их факту пребывания в составе государства, расширение знаний о них, формирование образов и стереотипов различных местностей в общественном сознании и культуре России»[5]. Наша задача состоит в том, чтобы выяснить, как отразился двойственный статус «внутренней окраины» на том образе Волги, Поволжья и волжан, который конструировался в российской исторической культуре на протяжении XIX – начала XX вв.

Следует учитывать, что в культуре изучаемого периода, безусловно, сохранялись «геологические напластования», унаследованные от более ранних эпох. Древнейшим из этих культурных пластов были мифологические представления местных финно-угорских, тюркских и славянских народов. Так, предпринятое В.В.Трепавловым изучение образа Волги в мифологии и фольклоре местных народов (русских, чувашей, марийцев, мордвы, татар, башкир, ногаев и других) показывает, что для всех этих народов был харак-

терен своеобразный культ Волги, что образ реки входил в их «сакральную топографию» – систему религиозно-мифологических и космологических представлений. Во-первых, Волга выступала в фольклоре в качестве мифологического антропоморфного персонажа, который находится в родственных отношениях с другими потоками и водоемами. Во-вторых, распространенной темой этногонических преданий был сюжет «обретения родины на Волге»: Волга представала не как изначальная колыбель того или иного народа, но скорее как «край ойкумены», куда пришел странствующий народ (например, чуваши или ногаи) после долгих испытаний. И наконец, Волга выступала в качестве символического рубежа, границы между различными и часто враждебными друг другу мирами. Так, в раннем русском фольклоре левый берег Волги фигурировал как место кочевий кипчаков и золотоордынцев, поэтому «переправа с правого берега на левый означала для русских вступление в пространство зла и хаоса, а обратная переправа сулила возвращение на родину». В фольклоре более позднего периода, отразившем «разбойную «колонизацию» безлюдного Поволжья» силами вольных казаков, изгоев и беглецов, Волга выступала как символическая граница «между несвободой (порядком, государственностью) и волей (хаосом)»[6].

Как мы увидим далее, все эти мифологические и символические мотивы перешли и в культуру более поздних периодов. Так, в исторических произведениях эпохи становления централизованного Московского государства – в первую очередь, в «Казанской истории» и в других повестях и сказаниях о «Казанском взятии», которые были чрезвычайно важны для обоснования политической легитимности молодого государства, – Волга представала прежде всего как территория политического и религиозного противостояния между Русью и Ордой, как граница между миром православного христианства и иноверия. Соответственно и победа царя Ивана Васильевича над Казанью интерпретировалась как полная и радикальная смена статуса средневолжских земель в религиозной картине мироздания: начало превращения «темного и нечестивого царства» в «царство благочестивое», где отныне должны стоять «церкви Божии христианские»[7].

Показательно, что два столетия спустя поворот Екатерины II к политике религиозной толерантности был связан с ее путешествием по Волге в 1767 г., включавшим посещение Казани, чье «многонародие» приятно поразило императрицу. Как отмечает Г.В.Ибнеева, во время путешествия Екатерина II «символично «покоряла» подвластные ей земли, но, в отличие от Ивана Грозного, покоряла не огнем и мечом, а своим обаянием и распространением благотворных идей Просвещения»[8]. Широко известно, что во время Пугачевского восстания Екатерина называла себя «казанской помещицей», подчеркивая свою солидарность с местным дворянством; в 1773 году был создан портрет императрицы в образе «казанской помещицы» работы английского гравера У.Дикинсона с оригинала В.Эриксена[9]. Эти действия символически маркировали территорию Поволжья как «свою», как неотъемлемую часть многоликого и разнообразного пространства Российской империи.

В исторических трудах XVIII в. – от В.Н.Татищева до М.М.Щербатова и И.Н.Болтина – при обращении к волжским сюжетам на первый план выходил мотив поиска прародины и этнокультурных корней: Волга фигурировала там как территория древнего обитания и зона миграций многих народов Европы и Азии (от сармат и скифов до болгар, хазар и половцев), знание истории которых «весьма потребно к изъяснению начал российских», – в том числе и как место, где «славяне… весьма давно обитали»[10].

В «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина – произведения, которое на многие десятилетия вперед сформировало круг представлений о родной истории в сознании образованных россиян, – Волга выступает как демаркационная линия между «образованной Европой» и грозной, непредсказуемой Азией: «Восточная страна нынешней Российской Монархии, где текут реки Иртыш, Тобол, Урал, Волга, в продолжение многих столетий ужасала Европу грозным явлением народов, которые один за другим выходили из ее степей обширных, различные, может быть, языком, но сходные характером, образом жизни и свирепостию. Все были кочующие; все питались скотоводством и звериною ловлею: Гунны, Угры, Болгары, Авары, Турки – и все они исчезли в Европе, кроме Угров и Турков»[11]. При этом волжское пространство в восприятии историка явным образом распадается на две неравные части. Верхняя Волга – от истоков до Нижнего Новгорода, – представлена в «Истории государства Российского» как «свое» пространство, часть русской земли, территория, где, если и шла борьба за политическое верховенство – это была борьба между самими русскими: Суздалем и Великим Новгородом, Москвой и Тверью. Среднее же и нижнее течение Волги – от Нижнего Новгорода и до устья – предстает в «Истории государства Российского» как «неприятельская земля», «земля, столь долго для нас бедственная»[12], которую Российское государство должно было «покорить», радея о собственной безопасности. Завоевание Казанского и Астраханского ханств интерпретировалось историком как поворотный момент в судьбе Российского государства, сумевшего восторжествовать над недавними противниками и расширить свои владения: Карамзин сравнивал «достопамятную осаду Казанскую» с «Мамаевою битвою» как «славнейший подвиг древности, известный всем Россиянам»[13]. Но и после «покорения», подчеркивал историк, Российскому государству приходилось «усмирять» и «обуздывать» на берегах Волги бунты «свирепых, диких» народов – «мятежную Черемису, Астрахань, Ногаев», а заодно и «хищных Козаков»[14]. Так или иначе, Волга на страницах всей «Истории государства Российского» выступала в качестве границы между «своим» и «чужим», между миром порядка и миром хаоса.

Образ Волги обогатился новыми оттенками в первой половине XIX в., когда в российской исторической памяти особую роль стали играть сюжеты, связанные со Смутным временем. Как отмечает А.Л.Зорин, за период с 1806-1807 гг. по 1830-е гг. (то был бурный отрезок отечественной истории – от Тильзитского мира до Польского восстания) «поход Минина и Пожарского на Москву и Земский собор 1613 г. были окончательно канонизирова-

ны как мифологическое возникновение российской государственности», как «ключевое событие народной истории», показательный пример «народного единодушия» перед лицом общей угрозы[15]. Воспоминания о Костроме и Верхней Волге как о символической колыбели дома Романовых играли важную роль в сценариях династической лояльности, в частности, при выборе маршрутов монарших путешествий по империи: как говорил император Александр II, «Кострома близка семье моей, и мы считаем ее родной»[16]. Тот факт, что народное ополчение под командованием Минина и Пожарского было создано именно в Поволжье, и что еще один официально канонизированный «спаситель престола» – Иван Сусанин – также был волжанином, существенно повлиял на образ Волги в исторической культуре. В XIX в. образы героев Смутного времени получили зримое мемориальное воплощение, причем не только в первопрестольной столице, но и на Волге: в 1818 г. на Красной площади в Москве был воздвигнут знаменитый памятник «гражданину Минину и князю Пожарскому» работы И.П.Мартоса; в 1828 г. обелиск в честь Минина и Пожарского был установлен на территории Нижегородского Кремля; в 1851 г. в Костроме появился памятник царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину работы В.И.Демут-Малиновского (в 1967 г. его заменили другим памятником, где представлен только Сусанин, без царя). Наконец, в 1862 г. Михаил Федорович, князь Пожарский, Козьма Минин и Иван Сусанин были увековечены среди других исторических персонажей на втором и третьем ярусах монумента «Тысячелетие России» работы М.О.Микешина, И.Н.Шредера и В.А.Гартмана, воздвигнутого в Великом Новгороде.

Декабристы, предлагавшие перенести столицу в Нижний Новгород, руководствовались не только экономическими и географическими соображениями (тем, «что сей Город в средине России расположен», «что стоя на Волге и Оке он всех прочих удобнее для внутренной Торговли», «что Макарьевская Ярмонка соединяет Европу с Азиею»), но и национально-патриотическими идеями, представлением об особой роли этого волжского города в истории России: тем, «что освобождение России от ига иноплеменнаго чрез Минина и Пожарскаго из сего города изошло»[17]. Следовательно, образ Верхней Волги был включен в формирующийся национально-романтический дискурс, стержнем которого были идеи единодушной, доблестной и стоической борьбы народа-нации с внешним врагом.

В середине XIX в. в исторической науке России происходят существенные перемены: существенную роль в теоретико-методологических построениях российских историков стали играть идеи географического детерминизма. Вопрос о значении природно-климатического и географического факторов истории был глубоко разработан в трудах крупнейшего российского историка XIX в. – С.М.Соловьева; ученый считал «природу страны» одной из определяющих сил истории, а колонизацию новых пространств – стержневой линией российской истории (вспомним его знаменитое определение: «древняя русская история есть история страны, которая колонизуется»)[18]. В знаменитой главе «Россия перед эпохою преобразований», от-

крывавшей тринадцатый том его труда «История России с древнейших времен», Соловьев, определяя особенности «движения русской истории» в XIII-XIV вв., дал образную характеристику роли Волги в отечественной истории. «Как скоро историческая жизнь отливает на восток, в области верхней Волги, – писал он, – то связь с Европою, с Западом, необходимо ослабевает и порывается не вследствие мнимого влияния татарского ига, а вследствие могущественных природных влияний: куда течет Волга, главная река новой государственной области, туда, следовательно на восток, обращено все»[19]. Точность исторического наблюдения – река задает направление колонизационному движению народа – сочеталась здесь с метафоричностью: течение могучей реки представало как олицетворение хода самой русской истории.

Само завоевание Россией волжских просторов, по мысли Соловьева, проходило в атмосфере непрерывной борьбы – как с внешними, так и с внутренними опасностями. Он подчеркивал, что и после завоевания Казани и Астрахани Поволжье не было усмирено: «вместо татар немедленно же поднимается здесь козачество», чье «гулянье по Волге не давало безопасности ни своим, ни чужим». Казаки на страницах «Истории России с древнейших времен» представали как одна из важнейших угроз для крепнувшего Российского государства, Волга – как постоянный источник нестабильности, опасности, грозящей «опрокинуться на государство»[20]. Соловьев, в отличие от многих деятелей культуры XIX века, не питал никаких симпатий к казачеству: он говорил о нем как о праздной массе, «охотниках до гулянья», «людях, которые хотели жить на чужой счет» и чинили разбой «в самых ужасающих размерах, с неслыханной ненавистью к мирному труду, к гражданину-труженику, к земскому человеку»[21]. Берега Волги на страницах соловьевской «Истории России» превращались в арену решающего, кровавого столкновения формирующихся государственных отношений с отжившей свое, но цепко державшейся за жизнь анархической казачьей вольницей; Волга, как и в фольклорных текстах, выступала в качестве одного из символических рубежей между миром порядка и миром хаоса.

Идеи Соловьева о значении для русской истории колонизационных процессов, в том числе и колонизации Поволжья, сыграли огромную роль в дальнейшем развитии отечественной исторической науки. Значение колонизации новых пространств для формирования государственности и социального устройства, этнографического типа и хозяйственного уклада русского народа подчеркивали В.О.Ключевский и А.П.Щапов, М.К.Любавский и С.Ф.Платонов. (Как известно, Ключевский был убежден, что именно расселение выходцев из Киевской Руси в междуречье Оки и Верхней Волги – с его коренным финно-угорским населением, со скудной природой и капризным, переменчивым климатом – решающим образом повлияло на становление «психологического облика великоросса»)[22].

В программном историческом очерке С.В.Ешевского колонизация русским народом «громадной равнины северо-восточной Европы» рассматривалась не только как расселение «вширь», но прежде всего как процесс

формирования «русского племени» за счет его «слияния» с «теми племенами, которые встречались ему на пути». Историк считал, что, «принимая в себя чуждые племена, претворяя их в свою плоть и кровь», русский народ выполнял великую историческую миссию – распространения на Восток европейской цивилизации, несущей миру «двойной светоч христианства и образования»[23].

В Поволжье, по мнению Ешевского, эта историческая задача решалась пошагово, в несколько этапов. Колонизация русскими Верхнего Поволжья, а также нижнего и среднего течения Оки, как писал ученый, не носила насильственного характера: «финские племена», издревле проживавшие в этих краях, «обрусели» сами вследствие долговременного соседства с русскими[24]. Напротив, в Среднем Поволжье, подчеркивал Ешевский, дорогу русской колонизации приходилось проторять оружием; в силу этого труднее шли процессы «подчинения племен средней Волги влиянию русской народности и русской гражданственности». «Обрусение» финно-угорских народов в регионе происходило почти так же легко, как и на Верхней Волге: они перенимали «с христианством и русский язык, и русские нравы». Но там, где русское население «соприкасалось с народностью, уже резко обозначенною, … с племенем, в религиозных верованиях сознававшим основу своей особенности» (например, с татарами), – оно «не пыталось насильственно сломить это упорное сопротивление», предоставляя завоеванным народам оставаться самими собой. Тем самым сохранялась и закреплялась на будущее пестрота национального состава региона, «чересполосный» характер расселения разных народов[25]. Наконец, в Нижнем Поволжье, подчеркивал историк, колонизация была наиболее трудна: здесь государству и русским поселенцам противостояли «подвижные орды кочевников», которые лишь с большим трудом удалось оттеснить в степь к югу и юго-востоку[26]. В целом же освоение Поволжья представало под пером Ешевского как длительный, комплексный процесс, включавший в себя завоевание, заселение и «обезопасение» вновь присоединенных земель, а также поэтапное и осторожное вовлечение местного населения в орбиту влияния «славянской народности» и европейской цивилизации. Волга, как и у Карамзина, фигурировала здесь в качестве условной границы между Европой и Азией; но эта граница трактовалась Ешевским как подвижная и гибкая, постепенно отодвигавшаяся все дальше к юго-востоку.

В то время как С.М.Соловьев и С.В.Ешевский рассматривали присоединение Поволжья к России с точки зрения государственных интересов, альтернативный подход представили приверженцы народнически-демократического дискурса, сформировавшегося в исторической культуре пореформенной России. С их точки зрения, интересы народа и государства в отечественной истории часто противоречили друг другу; термин «народ» в те годы все чаще употреблялся не в значении «народ-нация», а в значении «низший слой населения, преимущественно крестьянство»[27]. Поэзия Н.А.Некрасова (которого наряду с П.Л.Лавровым и М.А.Бакуниным можно по праву считать отцом-основателем народничества), живопись передвиж-

ников, проза и публицистика «Современника» и «Отечественных записок» закрепили в сознании образованного читателя представление о родной истории как о хронике народных страданий, где роль врага-угнетателя играли не иноземные захватчики, а собственное крепостническое государство или же «высшие классы». В художественной культуре пореформенного общества был ярко воплощен образ Волги как средоточия скованной народной мощи: достаточно вспомнить, например, «бурлацкую тему» в творчестве Н.А.Некрасова и И.Е.Репина («Волга, Волга!.. Весной многоводной / Ты не так заливаешь поля, / Как великою скорбью народной / Переполнилась наша земля…»)[28].

Соответственно народными героями в глазах пореформенной интеллигенции становились те, кто поднимал восстания против собственного крепостнического государства и правящей элиты – против «бар», «панов» или «господ»; обращаясь к истории народных восстаний, деятели культуры искали в ней доказательства стихийного свободолюбия русского народа. В трудах историков демократического направления – Н.И.Костомарова, Д.Л.Мордовцева и других – Среднее и Нижнее Поволжье выступало в качестве оплота социального протеста, где, хотя бы ненадолго, могли быть воплощены казачьи демократические идеалы, народные представления о справедливости[29]. Волжская вольница стала восприниматься теперь как опыт практического воплощения народной Правды, антагонист самодержавного государства, основанного на угнетении и порабощении. Примечательно, что география «хождения в народ» в 1873-1875 гг. охватывала именно те регионы, где, по расчетам социалистов-народников, у населения должна была сохраняться историческая память о казацкой вольнице: в том числе Среднее и Нижнее Поволжье [30].

Вождю самого мощного и кровопролитного народного восстания, разыгравшегося на волжских берегах, – Степану Разину, – в пореформенной культуре было посвящено множество художественных произведений в самых разных жанрах: от исторических романов и живописных полотен до стихов и песен. Образ Разина, неразрывно связанный с Волгой и волжскими «местами памяти», трактовался как персонифицированное воплощение неукротимого народного стремления к «воле-волюшке» – и именно в силу этого стал одним из ключевых образов исторической памяти пореформенного общества. К сюжету восстания Степана Разина активно обращались народники в агитационной литературе; на вечеринках оппозиционных кружков непременно пели песню «Утес Стеньки Разина» («Есть на Волге утес…») на слова народника А.Навроцкого. Именно песне о Разине на стихи симбирского этнографа Д.Н.Садовникова «Из-за острова на стрежень» (с ее эмоциональной кульминацией – «Волга, Волга, мать родная, Волга, русская река…») суждено было стать одним из культовых текстов русской культуры, важнейших знаков-символов национальной идентичности[31].

Образ Поволжья, формировавшийся в сознании образованной элиты второй половины XIX в., явно приобретал утопические черты: простран-

ства, где можно обрести желанную волю. Характерно, что в пореформенной культуре сложился не только народнический, но и почвеннический вариант мифа о Волге как о месте воплощения народных чаяний. В дилогии П.И.Мельникова-Печерского о старообрядцах именно Заволжье (Керженские скиты в Нижегородской губернии) представало как чудом уцелевший островок «исконной, кондовой Руси», как мир древлего благочестия, где «Русь сысстари на чистоте стоит»: это была утопия, построенная вокруг идеи поиска подлинно народной религиозной веры[32]. Тем важнее подчеркнуть, что и тема разрушения традиционного народного уклада жизни в пореформенной литературе тоже зачастую разрабатывалась на поволжском материале. Волга, наряду с другими «внутренними окраинами» империи (например, Уралом и Сибирью), описывалась в русской литературе – от А.Н.Островского до А.М.Горького – как один из регионов успешного капиталистического предпринимательства; мотив непочатой мощи русского народного характера и «вольной воли» волжских просторов оборачивался в таком случае другой гранью, мир поволжских городов с их купеческими династиями представал как поле столкновения самобытных и сильных характеров (в том числе женских), готовых идти до предела в своем самоутверждении и в борьбе за место под солнцем.

Можно констатировать, что представления о месте Волги на воображаемой карте Российской империи формировались постепенно, и что этот процесс был неоднозначен по своей сути. В научной литературе, в идеологических дискурсах, в различных жанрах искусства Поволжье описывалось не как целостная территория, а скорее как совокупность нескольких исторически сложившихся регионов, которые существенно различались по характеру природы и населения, имели свою неповторимую судьбу и входили в состав Российского государства при различных исторических обстоятельствах. Если Верхняя Волга с самого начала XIX в. трактовалась в искусстве и исторической литературе как «своя» земля, то Среднее и Нижнее Поволжье (бывшая территория Золотой Орды) стали восприниматься в этом качестве лишь во второй половине XIX столетия. Это был пример успешного ментального освоения, имагинативной колонизации изначально «чужого» пространства, которое с ходом времени становится «своим».

К началу XX в. образы Волги и Поволжья вошли составной частью в самые разнообразные сценарии коллективной идентичности российского общества: имперско-династический сценарий, основанный на идее лояльности престолу; национально-романтический, построенный вокруг сюжетов героической борьбы народа-нации с внешними врагами; народнически-демократический, для которого стержневой была идея социальной справедливости, блага простого народа. Соответственно ценностное наполнение этих географических образов могло быть диаметрально противоположным: великая река представала то как щит государственности и вотчина правящей династии, то как оплот казачьей вольницы, то как край исконной народной веры… Но в любом случае Поволжье стало восприниматься как некий заповедный регион, где можно прикоснуться к истокам русской

народной души, чью широту и мощь воплощал визуальный образ могучей полноводной реки. Превращение Волги в один из ключевых символов государственной и русской национальной идентичности было успешно завершено.

Примечания

[1] Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001; Weber, Eugen J. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870-1914. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1976.

[2] Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. СПб.: «Русский мир», 2006.

[3] Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. М.: «Новое литературное обозрение», 2003.

[4] Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005. С.12-13; Репина Л.П. Историческое сознание и историописание // Там же. С.3-11.

[5] Трепавлов В.В. Введение // Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XII-XIX вв.) Тула: Гриф и К, 2011. С.4.

[6] Трепавлов В.В. Волга-матушка = Ана Идель // Образы регионов в общественном сознании и культуре России. С.14-37.

[7] Казанская история / Подгот. текста и перевод Т. Ф. Волковой, комментарии Т.Ф.Волковой и И.А.Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С.Лихачева, Л.А.Дмитриева, А.А.Алексеева, Н.В.Понырко. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век.

[8] Ибнеева Г.В. Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 г.: узнавание империи // Ab Imperio. 2000. № 2. С. 87-104. См. также: Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М.: Памятники исторической мысли, 2009.

[9] Портрет известен также как «портрет Екатерины II в кокошнике» или «портрет Екатерины II в русском костюме». – Дикинсон У. Портрет Екатерины II в русском костюме: [с ориг. В. Эриксена] // Русское искусство. 2011. № 2 (апрель-июнь). С. 20: грав. (1).

[10] Татищев В.Н. Собр. соч. в 8 т. Т.1: История Российская. Часть 1. М.: Научно-издат. центр «Ладомир», 1994. С. 184, 276, 278-279.

[11] Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринт. воспр. изд-я 5-го, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П.М.Строева. Кн.1: Тома I, II, III, IV. М.: «Книга», 1988. Т.I. С.87-88; Кн.3: Тома IX, X, XI, XII. М.: «Книга», 1989. Т.X. С.14-15.

[12] Там же. Кн.2: Тома V, VI, VII, VIII. М.: «Книга», 1989. Т.VII. С.79.

[13] Там же. Т.VIII. С.95.

[14] Там же. Кн.3: Тома IX, X, XI, XII. Т.IX. С.129-130, 245-246; Т.X. С.14-15.

[15] Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла… Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: «Новое литературное обозрение», 2001. С.159-186, цит.с.161.

[16] Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х т. М.: ОГИ, 2004. Т.2: От Александра II до отречения Николая II. С.98 (путешествие Александра II в 1858 г.), 153-154 (путешествие наследника престола Николая Александровича в 1863 г.), 288-290 (путешествие Александра III в 1881 г.), 628-642 (поездка Николая II в 1913 г. как часть празднования 300-летия дома Романовых).

[17] Пестель П.И. Русская Правда или Заповедная Государственная Грамота Великаго Народа Российскаго служащая Заветом для Усовершенствования Государственнаго Устройства России и содержащая Верный Наказ как для Народа так и для Временнаго Верховнаго Правления // Восстание декабристов. Документы. М.: Госполитиздат, 1958. Т.7. С.213.

[18] Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т.3-4. История России с древнейших времен. М.: «Мысль», 1988. С.631.

[19] Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VII. Т.13-14. История России с древнейших времен. М.: «Мысль», 1991. С.24.

[20] Там же. С.43-44.

[21] Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России / Сост. и вступ. ст. С.С.Дмитриева. М.: Правда, 1989. С.437; Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. Кн.IV: История России с древнейших времен. Т.7-8. М.: «Мысль», 1989. С.380.

[22] Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в 3 кн. Кн.1. М.: «Мысль», 1993. С.276-280.

[23] Ешевский С.В. Русская колонизация Северо-Восточного края // Вестник Европы. 1866. № 1. С.216-217.

[24] Там же. С.234.

[25] Там же. С.234, 242.

[26] Там же. С.242, 253.

[27] См., напр.: Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет. Антология / П.Верт, П.Кабытов, А.Миллер, сост. М.: Новое издательство, 2005.С.444.

[28] Некрасов Н.А. Размышления у парадного подъезда // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем в 15 т. Т.2: Стихотворения 1855-1866 гг. Л.: «Наука» - Ленинградское отд-ние, 1981. С.49.

[29] Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина: Исторические монографии и исследования. М.: «Чарли», 1994. С.336; Мордовцев Д.Л. Самозванцы и понизовая вольница. В 2 т. СПб., 1867. Т.2: Понизовая вольница. С.7.

[30] Etkind, Alexander. Whirling with the Other: Russian Populism and Religious Sects // The Russian Review 62 (October 2003). P.565-588.

[31] Одесский М.П. Волга – колдовская река: от «Двенадцати стульев» к «Повести временных лет» // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Сост.: Абашев В., Белоусов А., Цивьян Т. М.: Языки славянской культуры, 2004.

[32] Мельников-Печерский П.И. В лесах. Роман в 2-х кн. Кн.1. М.: «РИПОЛ», 1994. С.3-4.

Я.М. Цыганова*

ОБРАЗЫ ВОЛГИ И ВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Волга – великая русская река. Так считается сейчас, таковой Волгу считали и лет сто – сто пятьдесят назад. Однако во второй половине XIX – начале XX вв., когда речь заходила о Волге как о русской реке, имелся в виду лишь её тогдашний статус. Всем, кто хоть немного знал историю, было известно, что Волга не всегда была русской рекой. Даже к началу XIX века она не была вполне таковой, а её название, вероятнее всего финно-угорского происхождения и означает «святая, священная река». Священной рекой Волга была не только для русских, но и для всех других народов, населяющих её берега. Соответственно, её место в исторической памяти менялось в зависимости от хода истории. Так как память по сути своей образна, то именно образы событий прошлого являлись основой обыденных представлений о прошлом этого региона[1].

Образ любого региона складывается благодаря ряду факторов. Эта тема была тщательно исследована в работах основоположника одного из направлений гуманитарной географии – Д.Н. Замятина. Он отмечал, что географические образы – образы городов и территорий – «могут принимать различные формы, в зависимости от целей и задач, условий их создания», являясь в то же время «совокупностью устойчивых представлений и ключевых символов, которые аккумулируют наиболее интересные с образной точки зрения черты и характеристики исследуемых географических пространств»[2].

Как представляется, географические образы зачастую содержат и такой важный компонент, как историческая память – образные представления о тех ключевых событиях, которые были связаны с прошлым данного региона. Историческая память формировалась под влиянием ментальных установок и стереотипов, мифов, социокультурных особенностей той или иной эпохи, идеологии, а также личных представлений тех, кто писал об этом регионе. Образы, как известно, изменяются гораздо медленнее самой исторической ситуации. Это означает, что в тех представлениях о конкретном регионе, которые сформировались в российском обществе XIX века, бытовала, прежде всего, память, унаследованная от современников и свидете-

* © Цыганова Я.М. – аспирант кафедры Российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «"Обретение родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

лей тех или иных ключевых событий прошлого. Если же говорить о регионах России, то трансформация представлений о них, проходившая нередко несколько десятилетий, зависела от реакции центра на новые условия развития регионов, которая проявлялась в формировании новых региональных географических образов в самом центре[3].

Образы Волги в исторической памяти российского общества постоянно изменялись, дополнялись новым содержанием. Особенно бурно этот процесс проходил в пореформенную эпоху: одной из причин этого (и в то же время – следствием) стали входившие в моду путешествия по России. Как правило, поскольку туристическая культура делала лишь первые шаги в своём развитии, основной поток путешествовавшей публики отправлялся в уже известные, прославленные места туристического паломничества, как, например, Крым. Однако уже к концу века одним из самых популярных туристических маршрутов становится ВолгаI. Путешествия по великой русской реке, посещение поволжских городов действительно оставляли массу впечатлений у туристов. Следствием этого стало появление путеводителей и путевых заметок, составленных во время или после поездок по Волге. Именно эти путеводители и составили источниковую базу нашего исследования, так как именно путешествия являлись одним из основных и важнейших источников формирования образа того или иного региона в общественном сознании. Описания путешествий по Волге в конце XIX – начале XX вв. дают подробное представление о том, что это были за образы, которые можно условно разделить на исторические и современные. Исторический – образ прошлого, то, что запечатлелось в памяти о давно минувших днях в истории данного края. Современный образ (применительно к пореформенной эпохе) определялся тем, что стало значить Поволжье для России в XIX веке в политическом, экономическом и культурном плане.

Первый путеводитель по Волге был издан Н.П. Боголюбовым в 1862 году[4]. Этот путеводитель можно смело назвать своеобразной энциклопедией сведений о Волге и Поволжье. В нём представлены многие аспекты, которые могли бы заинтересовать читателей. В первую очередь, история как Поволжья в целом, так и каждого крупного города, на котором автор останавливал своё внимание. В путеводителе также давалось подробное описание самих городов, их достопримечательностей, военных, промышленных и культурных учреждений, экономики.

Подобная схема изложения была свойственна практически всем последующим путеводителям и путевым заметкам. Наиболее известные среди них написаны С.И. Монастырским, В.И. Немировичем-Данченко, В. Сидоровым, Г.П. Демьяновым, А. Батуевым[5]. При их изучении сразу бросается в глаза практически одинаковая структура, довольно часто схожие представления о великой русской реке, её символичном значении в самосознании россиян и впечатления от посещения того или иного города. При этом жанры путеводителей и путевых заметок обладали своей спецификой.

Путеводители были предназначены, в первую очередь, для читателей, интересующихся Поволжьем и будущих путешественников по Волге. В свя-

зи с этим некоторые авторы (С.И. Монастырский, Г.П. Демьянов) преимущественно ограничивались сухим подробным описанием энциклопедического характера: внешний вид местности и городов, краткая история городов, губерний, в некоторых случаях – анализ хозяйственного состояния того или иного региона.

Путевые заметки, которые писали В.И. Немирович-Данченко, В. Сидоров, А. Батуев, представляли собой собственные мысли авторов о Волге и её городах, описание того, что они сами видели, из истории же авторы отмечали только то, что знали или вспоминали о конкретном городе. Например, В. Сидоров в своих заметках не обращался к фактическим данным, но рассказывал о своих представлениях о том или ином городе, своих впечатлениях, обращался к тем историческим событиям, с которыми определённый город ассоциировался, то есть практически прямым текстом говорил о том, что для него значили и Волга и её города как «место памяти».

Отметим такой важный момент, что все путеводители – это взгляд со стороны. Они дают возможность реконструировать место Волги в историко-культурном пространстве России пореформенной эпохи. Сам же факт их появления в довольно большом количестве свидетельствует о том, что Волга в то время вызывала интерес. У людей появилась потребность «познакомиться со своей обширной и прекрасной родиной»[6].

Волга поражала путешествующих по ней своими необычайно широкими просторами. «Начинается Волга в царстве хвойного леса..., а оканчивается среди сожжённых солнцем азиатских степей»[7]. Будучи несравненно длинной и к тому же удобной для сравнительно дешёвых путешествий, Волга притягивала к себе россиян. Как никакая другая река в Европейской части России Волга соответствовала образу так называемой «русской души» и, помимо этого, символизировала сочетание непохожих народных культур, делая регионы различными не только по ландшафту, но и по своей внутренней историко-культурной специфике.

Путешествующие по Волге, как отмечалось выше, довольно много внимания уделяли именно историческим событиям, произошедшим в Поволжье, что позволяет говорить об осознании значимости региона, прежде всего, в историческом плане.

В сознании российского народа Волга всегда понималась в нескольких значениях. Первое из них вполне логично объясняется естественной тягой человека к воде. В исторической памяти и культуре практически всех народов особое место занимает, как правило, самая большая и главная река, водами которой орошаются земли: например, в Древнем Египте – Нил, в Индии – Ганг, в Германии – Рейн, в Англии – Темза. В России эта роль была отведена Волге. Эта река притягивала к себе многие народы: татар, чувашей, башкир, мордву, русских, которые заселили берега её нижнего течения одними из последних.

Во-вторых, это территория вдоль реки – Поволжье. Регион большой, неоднородный как по климатическим, территориальным особенностям, так и по пройденному им историческому пути. Россия много веков боро-

лась за ключевые пункты Поволжья: устья Оки, Камы и самой Волги. Эта борьба стала определяющим аспектом в формировании первоначальных образов Волги, о которых речь пойдёт ниже.

В целом в исторических представлениях, которые сложились во второй половине XIX – начале XX вв., можно условно выделить следующие образы Волги, отражавшие реалии тех или других давних эпох.

Первый образ Волги (от древних времён до середины XVI века) вполне логично сложился исходя из геополитической ситуации той эпохи. Территории Верхней Волги русскими землями стали ещё со времён Ярослава Мудрого. Среднее и Нижнее Поволжье ещё долго оставались землями кочевников, вражескими, дикими, на которых постоянно «проливалась кровь». Не будем подробно касаться истории Поволжского региона. Отметим лишь, что факт вхождения этих земель в состав враждебной Золотой Орды повлиял на восприятие их соответственно, причём не только в сознании людей золотоордынского периода, но и в представлениях XIX века Среднее и Нижнее Поволжье ассоциировалось не иначе как с «обиталищем варваров»[8].

Огромную роль в истории Поволжья играет фигура Ивана Грозного. При нём после долгой, упорной и кровопролитной борьбы, окончившейся покорением Казани в 1552 году и Астрахани в 1556 году, «вся Волга от начала до конца по обе стороны стала русской рекой»[9].

Здесь не будет лишним отметить и ещё один интересный момент в сложившемся историческом образе Волги. В первом путеводителе по Волге, составленном Н.П. Боголюбовым, говорится о завоевании Астрахани: «Иоанн IV присоединил к державе русской Астрахань и очистил Волгу от постороннего владычества»[10], то есть к XIX веку Волга стала окончательно русской не только с геополитической точки зрения, но и в сознании людей настолько, что даже исконные её народы, пусть и обитавшие здесь до покорения Российским государством, считались «посторонними».

Второй исторический образ Поволжья, сложившийся под влиянием событий следующей эпохи, ещё более интересен. Теперь это официально была территория Российского государства. Но одно дело завоевать, другое – покорить. Средняя и Нижняя Волга оставались оплотом чуждых культур и порядков. В добавление к этому в Смутное время туда стали стекаться беглые крепостные, бродяги. Берега великой реки превратились в места грабежей и разбоев, то есть, Поволжье XVI – XVIII вв. стало краем, который необходимо было усмирить.

Однако и здесь образ «беспокойного края» имел разные оценки. Напомним, что неразрывно связаны с Волгой имена Степана Разина и Емельяна Пугачёва, оставившие довольно яркий след в исторической памяти россиян. Для властей, высшего сословия и торговых людей Поволжье, как уже говорилось, – оплот разбойников. Однако, с другой стороны, в сознании простого народа эти громадные волжские просторы ассоциировались с вольной жизнью как одним из объектов мечтания русского народа, воспринимались как граница между несвободой и волей[11]. В исторической памяти,

как видно из культуры XIX века, именно образ «волжской вольницы» запечатлелся наиболее сильно.

В ходе непрерывного заселения этих земель русскими к XIX столетию на территории Среднего и Нижнего Поволжья благодаря её историческим и географическим особенностям сформировалась особая этнокультурная общность – волжане, отличительной чертой которой являлось сочетание и взаимодействие культур различных народов. «Сюда бежал и здесь селился народ отовсюду, и в России, кажется, нет губерний, где была бы такая смесь всяких людей… Хохлы, русские, татары, немцы; здесь вы найдёте и потомков стрельцов, и потомков казаков, и потомков беглых солдат и раскольников. По религиям смесь ещё больше: молокане, раскольники, православные, магометане, католики, лютеране»[12].

В эту же непростую эпоху Верхняя Волга, уже русская во всех отношениях, теперь приобретает ещё и символическое значение в идеолого-политическом плане пореформенного периода. На берегах Волги явился «спаситель России»[13] – Кузьма Минин из Нижнего Новгорода, Ярославль был связан с именем князя Дмитрия Пожарского, а Кострома получила почётное звание «колыбели» правящей династии.

Кроме подобного историко-идеологического аспекта, на формирование образа Волги как истинно русской реки гораздо больше повлиял, на наш взгляд, также «меркантильный интерес». Укоренившийся в народе эпитет «матушки-кормилицы» по отношению к Волге наверняка не случаен.

Поволжье – огромная территория, климатические особенности которой обеспечивали ей разнообразие и богатство ресурсов, и которая, к тому же обладает огромными водными ресурсами в лице полноводной Волги. Губернии Верхнего Поволжья плодородностью не отличались. Но этот малоприятный факт способствовал развитию в них промышленного производства, ремёсел и промыслов. Произведённые здесь товары поступали в столицы. Известная Макарьевская ярмарка в Нижнем Новгороде – один из главных узлов внутренней торговли. В губерниях Среднего Поволжья также развивалась промышленность.

Благодаря более тёплому климату почва средневолжских местностей значительно разнилась от верхневолжских равнин. Казанская, Симбирская, Самарская и Саратовская губернии были самым плодородными в России. Для страны, где экономика большей частью основывалась на аграрном производстве, этот регион был едва ли не «жемчужиной России».

Не уступали в этом отношении и земли Астраханской губернии, где в изобилии росли садовые культуры, а также наибольшее развитие получили рыбные промыслы – Астрахань составляла средоточие всего каспийского рыболовства. Более того, Астрахань – крупный порт, через который осуществлялась торговля с прикаспийскими странами.

Что касается торговли, то это был главный и ключевой критерий развития региона. Волга – один из важнейших внутренних водных торговых путей, «длинная, дешёвая и удобная дорога»[14], в отличие от XVI – XVIII вв. безопасная. С давних времён это был путь, соединяющий Запад (через се-

верные губернии и Архангельские порты) и Восток (через Каспийское море). Купцы на судах по реке перевозили разнообразные товары: пшеницу, рожь, овёс, ячмень и другие земледельческие культуры, соль, рыбу, смолу, инвентарь, товары мануфактурного производства Московской, Тульской, Владимирской, Ярославской и Нижегородской губерний, товары из Кавказа и Персии, уральское железо и медь, китайский чай и сибирское золото[15].

Таким образом, Поволжье в целом (за исключением некоторых неразвитых уездов) сложилось как довольно богатый регион, который являлся важнейшей экономической базой России. Считать эти территории, особенно плодородные средневолжские губернии, враждебными, как это было века два назад, было, по меньшей мере, невыгодным для власти. Что касается народного образа, то в нём отразилось естественное возвеличивание реки, которая обеспечивала жизнедеятельность.

Исходя из выше сказанного, можно утверждать, что к XIX веку Волга осознаётся как чисто русская река, как один из важнейших символов нашей страны. Без Волги Россия была уже не мыслима. В путеводителях и путевых заметках нередко встречались такие высказывания: «Долг и обязанность всякого русского человека ознакомиться с этой великой рекой, это также необходимо, как школьное образование»[16]. «Тот, кто хочет узнать настоящую, коренную Россию, должен побывать на Волге. Стыдно русскому человеку не знать свою великую реку «кормилицу-матушку»! Без преувеличения можно сказать, что она обвивает своей серебристой лентой сердце русской земли, и пока мы владеем такой великой драгоценной рекой – будет славна, богата и красива наша Русь-матушка!»[17].

Не менее чем сама река Волга, значимы были и города, основанные на ней. Интересен в этом отношении и образ каждого отдельного города. Волга, а точнее Поволжье, представляет собой комплекс различных идентичностей. Каждый волжский город – это отдельный своеобразный мир, занимающий своё непохожее место в исторической памяти россиян. На Волге города, словно нанизанные на ниточке бусины, различающиеся между собой как исторической судьбой, так и образами. Отдельные города, особенно Казань и Астрахань, не только сами становились «местами памяти», но и определяли восприятие целых регионов в историческом сознании.

Самым большим сходством между собой в исторической памяти, возможно, обладали города Верхнего Поволжья. Самые крупные из них (Тверь, Ярославль, Нижний Новгород) – исконные древние русские города, славящиеся остатками былой старины и своей ролью в тех или иных исторических событиях. В них сосредотачивалась память об исконной допетровской Руси. Многочисленные старинные православные храмы становились основными хранителями этой памяти и, соответственно, являлись, как правило, главными достопримечательностями. Бесчисленные пожары, набеги ордынцев, войны с другими крупными городами Руси, и наконец, подчинение Москве – стандартная схема, которая ложилась в основу исторической памяти о многих старых русских, и не только поволжских, городах. Начиная с XIX века внешний вид, быт, повседневный уклад жизни этих городов ста-

ли классикой провинциальности, формируя типичный образ губернского города.

Тверь – тихий скучный губернский город, в котором ещё жила память о былом могуществе, славе, красоте и многих бедствиях: разорениях, пожарах. Как писал один из путешественников, «надо удивляться, как он уцелел, и как на месте его не осталось брошенное и сожжённое городище, каких так много на Волге, город, про который сложилась поговорка: «Тверь-городок, Москвы уголок»». В XIX веке этот живописный город, раскинувшийся по обеим сторонам Волги, с многочисленными древними церквами навевал на путешественников воспоминания о том времени, когда в нём «клокотала бурная жизнь, улицы оглашались криками волнений, когда здесь было сосредоточие кипучей деятельности и больших политических событий. Нынешняя Тверь… сама памятник на могиле прекрасного княжества…»[18]. Исторический образ складывался, как правило, на основе памяти о наиболее значимых событиях прошлого и наиболее известном герое. В случае Твери главным героем её истории считался князь Михаил Тверской. Его трагическая судьба, как это часто бывает, отозвалась глубоким почтением в памяти последующих поколений, а его княжение в миниатюре символизировало судьбу всего города, которому приходилось защищаться и от нападений Орды, и от возмутившихся новгородцев, и от нападений великого князя московского[19]. Поэтому, если считать, что каждый город – это своеобразное напоминание о какой-либо эпохе или даже нескольких эпохах, то Тверь являлась памятником периода феодальной раздробленности.

Ярославль – один из самых древних и красивых русских городов, «полный чарующей старинной фантастичности, полный прихотливого поэтичного зодчества»[20]. Ярославль символизировал собой весь блеск допетровской Руси. Бурное прошлое этого города в самых общих чертах напоминало историческую судьбу Твери. Тем не менее, Ярославль оставил и свой уникальный след в исторической памяти. Главным героем здешних легенд являлся основатель города Ярослав Мудрый. Для тех, кто знал историю, прошлое Ярославля связывалось также с эпохой Смуты и неоднозначной ролью города в её событиях. Причём Ярославль справедливо оставался в представлениях россиян не только символом исконной Руси, но и крупным центром, достаточно развитым и имеющим право гордиться первой полотняной фабрикой, первой частной газетой, первым русским театром. Этот город умело сочетал в себе историческую ценность с элементами столичности в понимании XIX века.

Кострома – типичный губернский город, сохранивший много памятников глубокой старины. Те, кто не бывал в Костроме, представляли себе «страшную глушь, тёмные леса, холод, жалкий, далёкий и пустынный городишка, лежащий где-то там, чуть не на конце света». Для большого города с множеством красивых каменных зданий и нарядных улиц, подобные эпитеты были преувеличением, тем не менее, Кострома «не составляла исключения из общего правила провинциальных городов, живущих большой рекой»[21]. Кострома, которая находилась якобы «на краю света», была

городом ссыльных, городом, куда удалялись князья, отыскивая спасения: Дмитрий Донской – от Тохтамыша, Василий I Дмитриевич – от Едигея. Но самый главный и известный факт из истории города авторы путеводителей выделяли особо, жирным шрифтом: «*Въ 1613 г. 14 марта костромской боярин Михаилъ Федоровичъ Романовъ былъ избранъ на царство*»[22]. Кострома, таким образом, повторила судьбу многих старинных русских городов – запечатлелась в исторической памяти былой славой и символичной ролью в важнейших событиях, оставшись в положении провинции не только официально, но и по сути.

Нижний Новгород – «ярмарка всея Руси». Нижний Новгород своими живописными видами не уступал Ярославлю и Твери. Однако в путевых заметках, в первую очередь, обращала на себя внимание Макарьевская часть города, где располагались торговые ряды. Торговля, как уже отмечалось, – одна из форм эксплуатации Волги с давних времён. Нижний Новгород ещё в XVI – XVII вв. стал важнейшим торговым пунктом. Крупнейшая в России ярмарка способствовала тому, что Нижний Новгород стал одним из богатых и развитых городов не только в Поволжье, но и в России. «Быстро вырос большой и оригинальный город, живущий неведомою для других городов жизнью всего три месяца в году. С первых же дней своего возрождения этот своеобразный город, или так называемая ярмарка, сделался предметом постоянных забот правительства, которое не жалело затрат, чтобы помочь его процветанию»[23]. Макарьевская ярмарка стала символом Нижнего Новгорода, а сам город стал символом торгового процветания страны, «торговым тузом, столицей Северного Поволжья»[24].

Среднее и Нижнее Поволжье, будучи территории сравнительно недавно присоединёнными к России (в середине XVI века), разительно отличались своими образами в исторической памяти. Два крупнейших города, Казань и Астрахань, – наиболее интересны в плане изменения их мест в российской исторической памяти. В историческом образе, прежде всего, это память о том, что Казань и Астрахань – столицы некогда враждебных России государств, с которыми шла длительная и тяжёлая борьба. Современный их образ определялся тем, что в XIX веке оба города уже как именно российские имели каждый своё особое значение.

Казань – «умственный центр Поволжья». Её образ в сознании русского народа изменялся вместе с образом всего Среднего Поволжья, и последний прямо зависел от первого. К началу XX века Казань – крупный, развитый город, в котором были сосредоточены многие аспекты российской национальной идентичности. Это город «со столичной жизнью, сохранивший свою полувосточную физиономию рядом с блеском прекрасного современного города, окутавшим своё прошлое поэтичною вуалью и окружила его рядом сказаний и легенд»[25]. С Казанью неразрывно была связана и память о ней как о столице некогда враждебного государства, заклятого врага. Вот наглядный пример проявления образа Казани в представлениях россиян: «Узенькой лентой представляется с Волги эта древняя татарская столица… Когда-то здесь было страшное место – гнездо змеево, откуда вылетали ди-

кие полчища, обагрявшие кровью русскую землю… При взгляде на Казань припоминается вековая ожесточённая борьба двух великанов – Москвы и Казани… Воскресают имена великих князей, учинявших тесноту казанской земле… Возрастает в воображении величественный образ царя Ивана Грозного, под ударами которого пала гордая Казань»[26]. Это память о временах многовековой давности. В XIX веке присутствует совершенно другой подход к осознанию Казани как одного из крупнейших российских городов тогдашнего времени – «из разбойничьего гнезда она превратилась в центр промышленности, торговли»[27], самым же главным в городе является университет, один из старейших в стране, давший «России много выдающихся научных имён»[28]. Казань, таким образом, можно назвать символичной столицей Средневолжского региона.

Самые крупные поволжские города на отрезке от Казани до Астрахани (Симбирск, Самара, Саратов, Царицын) были сравнительно молодыми. В отличие от двух старых ханских столиц, они изначально были русскими крепостями, и их образы складывались из осознания их как оборонительных пунктов уже не во вражеском, а в мятежном крае. В исторической памяти пореформенного периода их прошлое было связано с XVII–XVIII вв., когда в Поволжье гремели бунты. Особенности расположения на Волге, местности и исторической ситуации сформировали у каждого города свой отличительный облик, а в общественном сознании превалировал образ современный.

Симбирск – «дворянин на Волге», «со славой и весельем в прошлом, с преданиями жизни прежних помещиков и важных бар, центр в былые дни провинциального блеска, всего модного и изящного»[29]; город, который «с проведением железных дорог совсем обезлюдел»[30]. Некоторым путешественникам он представлялся скучным и неинтересным. Другие же, наоборот отмечали, что Симбирск – оригинальный, приятный, тихий, спокойный и даже «сонный» город, который «при своей бедности щеголяет таким внешним благоустройством, о котором его соседи и не мечтали»[31]. Образ Симбирска в общественном сознании, как правило, складывался из целого комплекса литературных ассоциаций. От него веяло «эпохой недавнего прошлого»[32] – памятью об уроженце города Н.М. Карамзине (памятник Карамзину, карамзинская библиотека и другие места, названные именем прославленного историка не уходили от внимания ни одного из путешественников), о знаменитом герое И.А. Гончарова Обломове. Своеобразный «культурный центр» Поволжья, неумолимо бедневший, но не теряющий своей аристократической привлекательности.

Самара – «русский Чикаго». «Купчиха Самара не красна углами, а красна пирогами» – писал о ней путешествующий по Волге А. Батуев[33]. В отличие от дворянского Симбирска, лицо этого города составляли купцы и предприниматели. Российский публицист Н.В. Шелгунов писал, что «самарцы любят называть себя американцами, и, может быть, они не совсем ошибаются в своём предчувствии»[34]. Не имея культуры аристократического благородства и изящества, свойственной соседу, Самара была городом доволь-

но грязным, пыльным и неухоженным. Этот неприятный факт компенсировался сложившимся к концу XIX века образом города, в котором главное место занимал невиданный его «американский» рост: за несколько десятков лет из небольшого уездного захолустного городка она превратилась в крупный центр торговли и зерноводства. Два раза выгорев дотла, она не сохранила никаких остатков своего прошлого. «Это город будущего, это здоровый, кровь с молоком юноша, перед которым всё розовеет и золотится в лучах восходящего для него солнца»[35]. В случае с Самарой в общественном сознании пореформенной эпохи присутствовал не столько образ её прошлого, сколько, напротив, образ будущего.

Саратов – как и соседка, Самара, центр торговли. Во многом и история и, соответственно, исторический образ Саратова был очень схож с образом Самары. Будучи ещё в начале XIX века захолустьем («В деревню к тётке, в глушь, в Саратов» – А.С. Грибоедов, «Горе от ума»), к концу столетия он стал крупным развитым, особенно в торговом плане, городом, хотя и имел серьёзных конкурентов в лице Царицына и Самары. Как и многие поволжские города, Саратов навевал воспоминания о восстаниях XVII – XVIII вв., когда он много претерпел «и от калмыков, и от донских казаков под предводительством Кондрата Булавина и Некрасова, и от нашествий Разина, и от Пугачёвского погрома, и от киргиз, и от башкир»[36].

Царицын – город-крепость с тяжёлой судьбой, которому постоянно приходилось обороняться. Находящийся в степи сторожевой пункт без конца подвергался набегам кочевников, немало бедствий причиняли его жителям разбойники. Несмотря на то, что он был основан в конце XVI века, сама степная местность, где он располагался, сохраняла многочисленные легенды, связанные с золотоордынской эпохой. Образ этого крупного уездного города в общественном сознании вместе с Самарой и Саратовом определяла, прежде всего, развитая торговля, хотя Царицын и отличался от последних совсем «негородской» внешностью, представляя собой «азиатское селение»[37] и имея «вид неопрятного, душного, пыльного села, окружённого целым рядом деревень, полных бедных лачуг, неприглядных землянок, серых хибарок, жалких мазанок и покачнувшихся изб»[38]. Однако наибольшую славу в исторической памяти на тот момент ему составляли те времена, когда он находился в эпицентре крупных восстаний Разина, Булавина, Пугачёва. Собственно говоря, эти события были практически единственным, что составило Царицыну широкую известность в пореформенный период, в отличие от сегодняшнего времени, когда этот город, называемый теперь Волгоградом, является одним из главнейших символом патриотизма, городом-героем, образ которого неразрывно связан с Великой Отечественной войной.

Заканчивала череду «волжских бусин» Астрахань – этакий «полурусский город», «столица татар, город Золотой Орды, рынок и центр величайшего в мире рыболовства, пёстрый город с его вечной ярмарочной суетой и восточной грязью… сосредоточие юга и севера, запада и востока»[39], как и Казань, ещё несколько веков назад враждебная Москве. Однако не так ярко

было выражено это воспоминание в её историческом образе, возможно, потому что не столь тяжёлым оказалось покорение города, который «без кровопролития отворил ворота русским»[40]. Тем не менее, изначальную «нерусскость» Астрахани не забывали и в XIX веке. Например, С.И. Монастырский писал о ней: «Все говорят, что Астрахань полуазиатский город… С первого взгляда может показаться, что родной тип великоросса затерялся среди иноплеменного и разноязычного населения…»[41]. Однако это выражалось вовсе не в восприятии города как чуждого, а, наоборот, в восприятии его как посредника и проводника русского влияния в Закаспийские земли. Астрахань понимала своих азиатских соседей, умела с ними обращаться и влиять на них в смысле российских интересов.

Как мы видим, волжские города, располагавшиеся по всей длине огромной реки, в чём-то схожи и в чём-то различны между собой. Складывание образов каждого из них зависело от многих причин. В первую очередь, это исторический путь каждого. Все они играли большую роль в тех или иных исторических событиях, между которыми проходили целые эпохи, растянувшиеся, по меньшей мере, на шесть–семь веков.

«Проезжая теперь по Волге на пароходе, любуясь её живописными берегами, её необъятной ширью, мы видим и богатые многолюдные города и сёла с фабриками и заводами, и распахнутые поля, и цветущие сады. Всюду царствует оживление, всюду идёт хлопотливая деятельность»[42].

Можно заключить, что образ Волги и Поволжья, трансформировавшийся на протяжении веков, прочно закрепился в исторической памяти XIX века. Волга в самосознании народа стала главной рекой России, «матушкой-кормилицей», собрав в единое «место памяти» целый комплекс образов различных эпох и отдельных регионов.

Примечания

[1] Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011. С. 11.

[2] Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 92-94.

[3] Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. С. 110.

[4] Боголюбов Н.П. Волга от Твери до Астрахани. СПб.: Типография Гогенфельдена и Кэ, 1862.

[5] Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. Казань: Типо-литография Ключникова, 1884; Немирович-Данченко В.И. По Волге: (очерки и впечатления летней поездки). М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2008; Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. От Валдая до Каспия. Книга 1 «Волга». СПб: Типография А. Катанского и Кэ, 1894; Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге (от Твери до Астрахани). Изд. 4-е. Н.Новгород: Типография Губернского Правления, 1898; Батуев А. Волга от Твери до Астрахани. М.: Думнов В.В., 1915.

[6] Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 3.

[7] Черняева М. Когда и как стала Волга русской рекой. М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1904. С. 71.

[8] Благовидов Н.Ф. Волга-матушка. СПб: Типо-литография М.П. Фроловой, 1901. С. 8.

[9] Благовидов Н.Ф. Волга-матушка. С. 9.

[10] Боголюбов Н.П. Волга от Твери до Астрахани. С. 2.

[11] Трепавлов В.В. Волга-матушка = Ана Идель // Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.). Тула: Гриф и К, 2011. С. 21.

[12] Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб: Издание О.Н. Поповой, 1895. С. 371.

[13] Благовидов Н.Ф. Волга-матушка. С. 10.

[14] Благовидов Н.Ф. Волга-матушка. С. 358.

[15] Богуславский Н.А. Волга как путь сообщения. СПб: Типография брат. Пантелеевых, 1887. С. 3.

[16] Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 4.

[17] Батуев А. Волга от Твери до Астрахани. С. 3.

[18] Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 60-68.

[19] Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге (от Твери до Астрахани). С. 56.

[20] Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 98-119.

[21] Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 120-125.

[22] Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге (от Твери до Астрахани). С. 99.

[23] Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. С. 48.

[24] Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 153-160.

[25] Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 200-206.

[26] Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. С. 48.

[27] Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. С. 93-94.

[28] Батуев А. Волга от Твери до Астрахани. С. 70-71.

[29] Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 236-240.

[30] Немирович-Данченко В.И. По Волге: (очерки и впечатления летней поездки). С. 91-92.

[31] Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. С. 187.

[32] Батуев А. Волга от Твери до Астрахани. С. 77.

[33] Батуев А. Волга от Твери до Астрахани. С. 92.

[34] Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. С. 373.

[35] Немирович-Данченко В.И. По Волге: (очерки и впечатления летней поездки). С. 101-102.

[36] Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 272-285.

[37] Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. С. 213.

[38] Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 295.

[39] Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 311-320.

[40] Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге (от Твери до Астрахани). С. 300.

[41] Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. С. 298-299.

[42] Черняева М. Когда и как стала Волга русской рекой. С. 52.

П.С. Кабытов, Е.П. Баринова*

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЕЧЕСТВА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Участие купечества в работе административных и хозяйственных учреждений являлось важной формой их социальной активности. В составе земских учреждений было много купцов, которые наряду со своими товарищами – представителями других сословий – занимались сбором земских повинностей, денежных и натуральных; организовывали попечение о народном образовании, осуществляли устройство и содержание училищ и иных учебных учреждений, содействовали всем видам внешкольного образования; реализовывали попечение о народном здравии, устройство и содержание лечебных заведений (больниц, амбулаторий, аптек и т.д.); оказывали юридическую помощь населению; организовывали охрану общественного порядка и безопасности; контролировали исполнение государственных и земских повинностей, а также законных распоряжений как правительственных, так и общественных учреждений и т.д.

Купцы составляли достаточно значительный процент гласных в земских собраниях. В социальном составе губернских земских собраний в первое трёхлетие их функционирования купечество составляло в Самарской губернии – 7 человек (10,2% от количества гласных), в Саратовской губернии – 12 человек (13,95%), в Симбирской губернии – 5 человек (7,89%)[1]. Купцы в состав губернского и уездных земств проходили, как правило, по первой или второй курии, так как имущественный ценз для первой курии был определён величиной, составлявшей не менее 200 десятин земли или владение недвижимым имуществом стоимостью не менее 15 000 руб. К тому же богоугодные, благотворительные, учебные, промышленные общества, компании и товарищества могли выбирать уполномоченных для участия в выборах на особых предварительных съездах. При этом максимальное количество голосов равнялось двум: «один голос по личному праву, второй – по доверенности или уполномочию». Поэтому очень богатому купцу, если только он захотел бы попасть в состав гласных земств, труда бы особого это не составило.

---

* © Кабытов П.С. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Самарского государственного университета, 2013

Баринова Е.П. – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Самарского института Российского государственного торгово-экономического университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «"Обретение родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

В 1871 г. в Симбирское губернское земское собрание на третье трехлетие были избраны купцы П.А. Егоров, В.И. Андреев, В.А. Чебоксаров, Д.М. Карташев, И.С. Репьев П.А. Теняев, А.Д. Сачков, Х.С. Акчурин. На следующее трехлетие избранными оказались те же лица, но одновременно они же и (или) их ближайшие родственники были избраны в гласные Симбирской городской думы. В списках гласных Симбирской городской думы оказались купцы Ф.Е. Егоров, Д.М. Карташев, П.А. Теняяв, А.П. Кирпичников, И.С. Репьев, А.Д. Сачков, Н.А. Чебоксаров, М.В. Андреев. При этом Д.М. Карташев и П.А. Теняев были избраны членами городской управы, а остальные и в дальнейшем активно участвовали в городском общественном самоуправлении. Избранные в 1873 г. в уездном городе Карсуне городской голова, купец второй гильдии В.Н. Романов и купец второй гильдии И.А. Базанов, его заместитель (заступающий на место городского головы), состояли гласными Карсунского уездного земского собрания с 1871 г.

Большинство из этих общественных деятелей были крупнейшими предпринимателями и землевладельцами губернии. Купец А.Д. Сачков владел около 8 500 десятинами земли в Симбирском, Ставропольском и Карсунском уездах, семье Акчуриных принадлежал целый ряд суконных фабрик, а также свыше 4 тысяч десятин земли в Сенгилеевском, Сызранском и Карсунском уездах Симбирской губернии.

Подобную ситуацию можно было наблюдать и в 80-е гг. XIX века: в составе практически всех уездных земств были купцы, которые одновременно являлись гласными городских дум. Следует отметить, что доля купцов в составе органов городского управления неуклонно увеличивалась, а в составе земских учреждений – неуклонно снижалась, а большинство мест гласных занимали дворяне. Особенно это было свойственно Симбирской губернии, где дворяне усиливали своё представительство за счёт «купеческих мест». К концу 80-х – началу 90-х гг. XIX века купцов среди гласных Симбирского губернского собрания не осталось. Они окончательно передали свои функции либеральному дворянству. Подобная тенденция была свойственна и Самарской губернии, хотя там дворянство не занимало столь лидирующих позиций, как в Симбирской, а за купцами строго сохранялось в пределах 10% общего числа мест гласных в земских учреждениях.

Купцы, состоящие в губернских и уездных земствах, в первую очередь, лоббировали свои торгово-промышленные интересы. Так, купцы-земцы призвали обкладывать все недвижимое имущество сбором в 3%, при этом не сосредотачиваясь исключительно на имуществе купцов и других предпринимателей. В Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях за период с 1901-1916 гг. было зафиксировано ежегодное рассматривание подобных дел в губернских присутствиях. И если уездные земства как-то старались приблизиться к 3% росту сборов с недвижимых имуществ, то губернские старались доказать «действительную необходимость подобной сметной величины» и оперировали к губернатору, чтобы тот признал данный факт. Если говорить о величине превышения предельности обложения, то в Симбирской губернии она колебалась от 51,92 рубля до 16 107,87 рубля, в

Самарской губернии максимальная величина предельности обложения составляла 23 451 рубль, а в Саратовской – 27 456 рублей[2]. При этом и губернская администрация, и присутствия предлагали земствам пути решения сложившейся ситуации: сложение недоимок за несколько лет, поощрение строительства, отказ от некоторых «второстепенных расходов».

Купцы ходатайствовали об открытии новых учебных заведений нужной им направленности, ходатайствовали о выделении специальных стипендий для обучения в высших учебных заведениях. Причем для того, чтобы активизировать эти процессы, с легкостью выделяли на эти цели свои собственные средства. Так, по ходатайству купцов Симбирское губернское земство содержало стипендиатов в медицинской академии, в Казанском институте. Часть стипендий оплачивали купцы. Когда в губернии начался промышленный бум, по ходатайству купцов Акчурина и Шатрова в конце 70-х гг. XIX в. Симбирское земство выделило специальные средства на устройство обучения ремеслу при лучших сельских школах, так как суконные фабрики, составлявшие основу симбирской промышленности, размещались именно в сельской местности. Саратовские купцы посредством своего губернского земства, где они состояли гласными, провели решение об учреждении одной стипендии при Московском государственном университете, а в 1874 году провели решение о выделении земских средств для обучения мальчиков кузнечному ремеслу. В этот проект были вложены и купеческие деньги.

Купцы-земцы активнейшее участие принимали в сборе земских статистических сведений, где они возглавляли эти комиссии. В Самарской, Симбирской, Саратовской губерниях земскую статистику возглавляли, как правило, выходцы из купеческого сословия. Купцы-члены губернского и уездных земств оказывали значительную помощь в начислении земского сбора с недвижимых имуществ предпринимательского назначения: с помещений заводских, фабричных и торгово-промышленных.

В 1875 г. купцы-члены уездной Симбирской управы оценили все водяные и ветряные мельницы, обдирки, маслобойни и красильни. Совокупный доход оценённых объектов в земский бюджет составил 236,57 руб. При этом члены управы во время оценочных работ израсходовали около 130 руб. Уездное собрание приняло доклад управы по данному вопросу и постановило, что «подобная практика крайне обременительна для земства», и постановило определять доходность каждого предприятия по одному типичному заведению из каждой группы. В Саратовской, а позже и в Самарской губерниях за доходность промышленных заведений, винокуренных, медоваренных и пивоваренных заводов принимали арендную плату. В тех уездах, где она не практиковалась, уездные управы нанимали экспертов-оценщиков. При этом заведения, приносившие доход менее 50 руб. в год, не включались в ценность имуществ уезда, а доходность исчислялась из расчёта 10% капитализации предприятия.

В губернских и уездных городах купечество стало «становым хребтом» городского управления. Большинство городских глав были купцами, так

как имущественный ценз для избрания на должности членов городских управлений был очень высок, а законодательство предоставляло широкие возможности для демонстрации инициативы в делах решения городских проблем.

Власти в значительной мере опирались на деньги, знания и профессиональные навыки купцов при ликвидации стихийных бедствий, а те, в свою очередь, всегда шли в таких делах навстречу власти. Многие купцы, особенно члены городских правлений, принимали активное участие в ликвидации различных бедствий, оказывали помощь населению, были душой и организующим началом при городских правлениях городских общественных банков. Купечество, несмотря на этническую и конфессиональную принадлежность, вносило в уставной капитал городских общественных банков значительные средства, держало в них свои оборотные средства и накопленные капиталы, всячески поддерживало их финансово.

Будучи членами городской управы и гласными городских дум, представители купечества возглавляли самые ответственные комиссии: по благоустройству городов, прокладке и мощению дорог и установке телеграфно-почтовой связи, училищную, канализационную, театральную, техническую, врачебно-санитарную. Таким образом, улучшение инфраструктуры города и создание городского ландшафта во многом зависели от общественной активности купцов. В 1905 г. А.Ф. фон Вакано был избран в гласные Самарской городской думы. Он был членом нескольких комиссий: канализационной, по заведованию мостовыми работами и электро-водопроводной. Вопрос об устройстве канализации в Самаре обсуждался в городской Думе еще в сентябре 1895 года. Однако в процессе длительного обсуждения и составления приблизительных проектов выяснилось, что сооружение канализационной системы будет стоить много десятков тысяч рублей. Канализационная комиссия в 1899 г. подсчитала, что на каждого жителя Самары приходилось около 300 пудов (около полутонны) помоев и человеческих экскрементов, из них удалялось только 1/11 часть нечистот и доказала, что городу крайне необходима раздельная сплавная канализация. В дальнейшем возможность сооружения канализации городская дума рассматривала в 1899 и 1903 гг.

В составе канализационной комиссии думы А.Ф. фон Вакано на собственные средства составил проекты и чертежи по канализационной городской сети с очистительной станцией (1909 г.). В 1906 году он предложил Думе 15 тысяч рублей на составление проекта, в 1909 году предоставил городу 25 тысяч рублей безвозмездно и 15 тысяч рублей в виде беспроцентной ссуды на постройку канализационной системы. Дума приняла это предложение, а губернатор утвердил проект частичной канализации Самары. В 1910 г. канализационная линия была достроена до Панской (Ленинградской) и Саратовской (Фрунзе) улицам, осуществляя надзор за эксплуатацией всей канализационной сети. За это Альфред Филиппович не раз получал благодарности от города и от правительства: был награжден золотой медалью «За усердие». Добротно сделанные, эти канализационные сети и коллекторы служат до сих пор.

Самарский купец первой гильдии Николай Гаврилович Неклютин был купеческим старостой (1880 – 1883 гг.), с 1890 г. – членом учетного комитета при Самарском отделении Госбанка, членом общества взаимного кредита, членом правления общества «Дома трудолюбия», членом правления общества Красного Креста, почетным блюстителем Самарского реального училища, входил в совет женской гимназии А. С. Межак, был ктитором (спонсором) домовой церкви при этой гимназии. С 1875 по 1891 гг. Николай Гаврилович избирался гласным Самарской городской Думы, входил в состав Управы, а 8 февраля 1891 года стал городским головой. Избрание Николая Гавриловича было своего рода благодарностью самарского общества за его труды по борьбе с голодом 1890-1891 гг. В 1891 году купцы города предоставили городу Самаре беспроцентную ссуду на закупку хлеба для голодающих. В частности, Н.Г.Неклютин пожертвовал 5 тысяч рублей[3].

На посту городского головы Н.Г. Неклютин проявил себя с самой лучшей стороны. В этот период в Самаре появляются булыжные мостовые, набережная у пивоваренного завода[4]. Н.Г. Неклютин провел через Думу проекты строительства городской электростанции, а также об организации уличного освещения, строительства тротуаров.

Характерной чертой духовного облика купечества была широкая благотворительность. Очевидно, благотворительность следует рассматривать, с одной стороны, как проявление особой системы моральных ценностей, основанной на христианской этике, с другой, – как особую форму служения обществу, которую представители торгово-промышленного мира добровольно принимали на себя. В то же время благотворительность представляла активной части сословия возможность реализовать потребности в общественной деятельности в условиях, когда большинство иных видов социальной активности были для купечества практически недоступны. Одним из наиболее традиционных, характерных проявлений купеческой благотворительности было храмосозидание. В конце XIX – первой половине XX вв. среди купечества волжских городов появляется небольшой, но очень активный слой купцов, обладателей крупных капиталов. Как правило, именно из этой среды выделялись жертвователи на храмовое строительство. Наиболее известен среди саратовского купечества своим деятельным участием в храмосозидании вольский именитый гражданин Василий Алексеевич Злобин. Купеческое сословие принимало участие и в благоустройстве городов, и в помощи горожанам.

Если в середине XIX века традиционный путь покаяния и общественного служения заключался преимущественно в построении храма или богадельни, то в конце XIX в. благотворители открывают библиотеки и художественные галереи, создают коллекции произведений искусств, строят больницы и помогают учебным заведениям. Купец Илья Львович Санин остался он в истории Самарского края как человек, открывший на свои деньги не одну бесплатную столовую для нищих. Иван Васильевич Константинов, купец I гильдии, в 1871 году построил каменное здание Константиновской богадельни (угол улиц Спортивной и Красноармейской).

Давид Васильевич Кириллов построил трехэтажное каменное здание для людей, не имеющих крова, а его вдова на оставшиеся деньги, завещанные им, открыла ремесленное училище для бедных детей.

Необычайный всплеск филантропии наблюдался в России в конце XIX – начале XX века. Подчас благотворительность, филантропия становились обязательными для отдельных купеческих семей и вызывались нравственными причинами. В начале XX века одним из перспективных путей развития здравоохранения стало создание лечебных и научно-медицинских заведений на благотворительные пожертвования. Не случайно в одном из альбомов, посвященных наступлению двадцатого века, отмечалось: «Ни в каком другом русском городе, даже в Петербурге, нельзя найти столько благотворительных учреждений, созданных на частные средства, как в Москве. Сотни тысяч ежегодно жертвуются московским купеческом на дела благотворения. Клиники, больницы, богадельни, приюты с каждым годом приумножаются…»[5].

Крупные больницы, оборудованные по последнему слову медицины, возникали не только в столицах, но и в провинции. Среди самарского купечества наиболее известной своей благотворительной деятельностью была семья Шихобаловых. Антон Николаевич Шихобалов в ноябре 1893 года основал богадельню и странно-приютный дом (затратив 90 000 р.). В 1894 г. подарил каменный дом Самарскому Дому Труда. В 1907-1908 годах он пожертвовал более 200 тыс. руб. на строительство городской больницы на 50 коек[6]. Она была построена по проекту архитектора Щербачева и оборудована новейшими медицинскими аппаратами – рентгеновским кабинетом, кабинетами водолечения и электролечения, операционной. При больнице была даже собственная электростанция. В больнице не было аптеки: чтобы аптечные запахи не напоминали пациентам, что они находятся в больнице. Там же в коридоре располагался фонтан, который увлажнял воздух, чтобы больные в целях скорейшего выздоровления дышали влажным воздухом. Только за первый год существования больницы из 505 больных бесплатным лечением воспользовались 317 человек. После смерти А.Н. Шихобалова в 1909 году в садике перед зданием больницы был поставлен скромный бюст ее основателя работы И.Гинцбурга. Эта больница долгое время работала для жителей г. Самары как Областной онкологический диспансер (ул. Ленинская).

10 мая 1863 года купец Е.Н. Аннаев открыл на Вислом Камне кумысолечебницу, которая стала широко известна под именем Аннаевской дачи. Дача обошлась ему в 70 тысяч рублей. Около тридцати лет он благоустраивал дачу, здесь лечились и отдыхали известные люди[7]. В 1887 году Е.Н.Аннаев продал дачу, так как ее благоустройство требовало больших капиталовложений.

Купец Лаврентий Семенович Аржанов построил здание инфекционной больницы, которое сохранилось до настоящего времени (угол улиц Л.Толстого и Никитинской). Павел Михайлович Журавлев, купец первой гильдии (завод Журавлева) являлся одним из организаторов лечебно-санатор-

ных учреждений в Самарской губернии и занимался кумысолечением, бесплатно принимал в лечебнице на своей даче в 10 верстах от Самары бедных людей. Благодаря частной и общественной благотворительности стала возможным медицинская помощь беднейшим слоям населения.

Большие средства жертвовало самарское купечество на церковные нужды. Иван Андреевич Шихобалов с сыновьями организовали и опекали строительство в 30-х гг. XVIII в. на Сенной площади храма во имя Святой Живоначальной Троицы. Участие в строительстве именно этого храма было не случайным – Шихобаловы жили недалеко от Сенной площади и стали прихожанами Троицкой церкви. В 1866 г., после сообщения о покушении на жизнь императора Александра II, Антон и Емельян Шихобаловы предложили построить в Самаре кафедральный Собор в честь «чудесного» избавления государя. Был создан попечительский комитет по строительству кафедрального собора, куда кроме них вошли Я.Г.Соколов, Г.И.Курлин, И.М Плешанов и другие, и начат сбор денег на строительство. Кафедральный собор строился с 1869 года на средства города и добровольные пожертвования. При посещении Самары в 1871 году император Александр II с сыновьями положили камень в стену строящегося собора. Для собора были выполнены уникальные интерьеры (пожертвование А.Н.Шихобалова), приобретена ценная церковная утварь, позолочено 40 крестов, проведено электроосвещение. Когда в 1893 году возникли серьезные проблемы с финансированием окончательной отделки собора, городской голова, купец 1 гильдии Н.Г.Неклютин открыл подписку между «выдающимися в здешнем торговом мире лицами», в результате которой было собрано 1000 тысяч рублей[8]. Вложения А.Н. Шихобалова в строительство и освещение кафедрального собора составили 50 000 р. Воскресенский кафедральный собор оказался настолько прочной постройкой, что когда в 1930-е годы Советской властью было принято решение о его сносе, после нескольких безуспешных попыток снести здание его пришлось взорвать.

В 1886 г. А.Н. Шихобалов возглавил попечительский комитет по строительству Ильинской церкви, заложенной 20 июля 1886 г., внес 80 000 р. на строительство церкви. Участвовал он и в постройке Всесвятской церкви. Некоторые сельские церкви были построены на его деньги. Купец Г.И.Курлин также пожертвовал значительную сумму денег на строительство Ильинской церкви, часовни при Успенском храме.

В июле 1858 года самарский второй гильдии купец Е.Н. Аннаев подал губернатору прошение о разрешении постройки за его счет каменной римско-католической церкви. В августе 1861 года он получил разрешение и заказал проект архитектору Еремееву. Польское восстание сделало невозможным открытие католического храма в Самаре, и Егор Никитич подарил почти построенное здание евангелическо-лютеранскому совету, который и закончил строительство и отделку[9]. В 1908-1909 гг. купцы Я.Г. и И.Я. Соколовы построили на своей земле богадельню для стариков и пожертвовали ее городу.

Немало денег вложили купцы и в развитие образования. П.С.Субботин опекал несколько учебных заведений, неоднократно жертвовал на содер-

жание в развитие Самарского епархиального женского училища, технического железнодорожного училища, реального училища[10]. В 1881 году попечитель Казанского учебного округа изъявил благодарность купцу П.С.Субботину за пожертвование им 700 рублей на содержание в первом полугодии 1880-1881 учебного года параллельного отделения при первом классе Самарского реального училища[11]

Я.Г.Соколов, А.Н.Шихобалов и Н.Г. Неклютин были попечителями ремесленной школы имени Д.В.Кириллова. Основатель Жигулевского пивоваренного завода Альфред фон Вакано оказывал благотворительную помощь в организации образовательных и просветительных кружков, которые работали на территории современного Пушкинского сквера. Он также собрал более тысячи произведений искусства Западной Европы и Востока, переданных впоследствии Самарскому художественному музею. А.Н. Шихобалов построил на принадлежащей ему земле ремесленный приют на 30 человек, вкладывал средства в развитие коммерческого училища в Самаре. Г.И.Курлин открыл пансион-приют для малолетних слепых детей. При строительстве Трубочного завода Л.С.Аржанов передал свою дачу с садом, двухэтажным домом и другими строениями под устройство школы, библиотеки-читальни, столовой и детских площадок для рабочих и их семей. В 1904 году под новое трехклассное городское училище Я.Г.Соколов отдал один из своих домов.

Василий Ефимович Буреев, трижды избиравшийся на должность городского головы Самары, с 9 апреля 1852 г. по 1859 г. служил казначеем и директором попечительского о тюрьмах комитета. Его отличная работа на этом поприще не осталась незамеченной – 31 мая 1855 г. он получил серебряную шейную медаль на Станиславской ленте за службу в тюремном комитете. С тех пор забота о тюрьмах стала одной из его самых главных задач. Помимо службы по тюремной части, Василий Ефимович занимался общественной деятельностью и благотворительностью, параллельно он работал в попечительском совете при больнице приказа общественного призрения. 11 марта 1858 г. Василий Ефимович был награжден темно-бронзовой медалью на Анненской ленте в честь Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг. за свои пожертвования «на военные надобности». В 1856 г. на его деньги в Успенском храме был сооружен новый иконостас. За восстановление сгоревшей самарской Успенской церкви и пожертвования значительной суммы на ее украшение самарский городской голова В. Е. Буреев был награжден 19 мая 1859 г. золотой шейной медалью на Станиславской ленте. С 1862 по 1865 гг. Василий Ефимович был почетным блюстителем Самарской Духовной Семинарии. Его супруга, Анна Васильевна Буреева, в 1863-1864 гг. являлась почетной попечительницей самарского училища 2-го разряда для девиц. В.Е. Буреев с 1866 г. входил в состав строительного комитета кафедрального собора.

Многие выдающиеся личности оказывали помощь в борьбе с голодом в Самаре. Григорий Сергеевич Аксаков – государственный и общественный деятель помогал как своими деньгами, так и личным участием, объезжал

голодающие территории Самарской губернии во время голода 1873 , 1880 гг. В 1891 году купцы города предоставили городу Самаре беспроцентную ссуду на закупку хлеба для голодающих.

В частности, Н.Г.Неклютин пожертвовал 5 тысяч рублей[12]. Симбирские купцы Акчурины, составившие свое миллионное состояние сначала на торговле сырой шерстью, а затем на производстве сукна из нее, оказывали благотворительную помощь голодающим в 1880-1881 годах. В деревне Старо-Тимошкиной Тимер-булат Курамшевич Акчурин (гласный Симбирской городской думы) открыл бесплатную столовую для бедняков, где ежедневно довольствовалось от 150 до 320 человек, израсходовав на это около 7 000 рублей, за что в 1882 году купец Акчурин Т.К. был награжден серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте.

Большие средства жертвовало купечество на помощь русской армии. Во время Балканской войны значительные пожертвования сделали купцы Е.Н-.Аннаев, Н.Ф.Дунаев, И.В.Константинов. А.Н.Шихобалов пожертвовал 10 000 р. на помощь солдатам, пострадавшим в русско-японскую войну 1904-1905 гг., 3 000 р. – на Китайскую компанию в ходе военных действий, а 5 000 р. – на восстановление русского флота, большая часть которого погибла в этой войне.

В среде самарского купечества было много коллекционеров: братья Шихобаловы, А. фон Вакано, К.П. Головкин. Коллекция русского искусства, принадлежащая Самарскому художественному музею, также неразрывно связана с колоритными личностями самарских купцов. В конце XIX века В.В. Стасов отмечал: «В деле помощи искусству выступали у нас, на нашем веку, на наших глазах интеллигентные русские купцы. И этому дивиться нечего. Купеческое сословие, когда оно в силу исторических обстоятельств поднимается до степени значительного интеллектуального развития, всегда тотчас же становится могучим деятелем просвещения и просветления… Их дело и их почин преследовалось насмешками и презрением, на их деятельность указывали пальцами, как на смешной и праздный каприз богатых людей, не знающих куда девать свои деньги»[13]. В 1897 году по инициативе купца и художника К.П.Головкина было положено начало созданию музейного собрания русского искусства музея. Через журнал «Искусство и художественная промышленность» он обратился к художникам России с просьбой помочь собрать коллекцию живописи для города М.В.Нестеров, С.Ю.Жуковский, К.Ф.Юон, В.Н.Бакшеев и другие прислали свои работы в подарок самарскому музею[14].

С начала 1900-х годов Павел Иванович (1870-1929) и Вера Лаврентьевна Шихобаловы приобретали картины на выставках и в мастерских Петербурга и Москвы, руководствуясь советами живописца и искусствоведа В.В.Гундобина. М.В.Нестеров писал своему другу А.А.Турыгину: «…А бес стал приставать к самарскому купцу-мукомолу, и тот купец не выдержал – купил пейзаж, купил еще много картин в Питере. А приехал в Москву – забрался на Донскую и здесь снова был искушаем и купил у Нестерова «раба божье-

го» за 3000 рублей и увез его в Самару. Вот оно что, все это на твоем «философическом языке» называется сует, а по-нашему – все это есть «жизнь» и в ней все на потребу и мукомол самарский. Приедет он на Волгу да музей выстроит, да подарит его народу, и скажут мукомолу люди добрые спасибо, и враг будет посрамлен»[15]. В 1918 году купец П.И.Шихобалов передал музею свою коллекцию картин, среди которых были работы И.Е.Репина, В.И.Сурикова, В.Д.Поленова, К.А.Коровина. Сейчас Самарскому музею переданы особняк и усадьба Шихобаловых (ул. Венцека, 55), где воссоздана атмосфера начала XX века.

В пореформенный период благотворительность получила широкое развитие, стала важной сферой общественной жизни. Благотворительностью считалось любое благое богоугодное дело по оказанию помощи наименее защищенным социальным слоям. Она включала в себя систему призрения, меценатство, стала основой складывающейся системы социальной защиты. Следы активной деятельности купечества сохранились в поволжских городах по сегодняшний день – это и жилые дома, и церкви, водопровод и трамвай, и многое другое.

Купец Кирпичников А.П., чье состояние было одним из крупнейших в Симбирске в 70-е годы XIX века, в 1882 году пожертвовал городу два принадлежащих ему дома на углу Ярмарочной площади и Ново-Казанской улицы (ныне угол улиц Гагарина и Можайского), а затем в 1884 году – 20 000 рублей на постройку еще одного каменного двухэтажного дома и, наконец, после его кончины в 1886 году – 200 000 рублей по духовному завещанию на содержание богадельни и детского приюта, разместившихся в подаренных им ранее домах. Его брат Александр Петрович Кирпичников пожертвовал на содержание этих заведений 110 000 рублей. В настоящее время эти здания занимает Центр гражданской авиации, и до сих пор они составляют своеобразный архитектурный облик данного района.

Старожилы Самары называют особняки по именам прежних владельцев: Курлиной, Аржанова, Смирновых, Неклютиных, Шихобаловых и других. Дома были оборудованы со всем современным в то время комфортом: водоснабжением, автономной канализацией, сложными системами отопления. В одном из трех домов В. М. Сурошникова была своя электростанция. В северных лесистых пригородах Самары на арендованной у города или собственной земле строились загородные виллы; до наших дней сохранились дача Головкина («дом со слонами») и несколько вилл Соколовых (санаторий им. Чкалова).

Важным культурным гнездом Саратова является также и усадьба купца Д.М. Вакурова (ул. Московская, 9), где была открыта первая в Саратове книжная лавка. Лучшими образцами классицизма в Саратове являются: дом купца М.А. Устинова (кон. XVIII в., 1813 – ул. Лермонтова, 34), архитектор И.Ф. Колодин; дом купца Ф.В. Катенева (Котенева) (1810 – ул. Челюскинцев, 12), архитектор В.И. Суранов; дом купца С.К. Корнилова (первая треть XIX в. – ул. Московская, 17), архитектор Г.В. Петров. Первые два дома без малого 200 лет являются подлинными культурными гнездами Саратова: дом

Катенева почти 200 лет служит образованию (в разное время здесь находились духовная семинария, 2-я мужская гимназия, 2-е реальное училище, школа и снова гимназия), в доме Устинова с 1929 г. располагается Саратовский областной музей краеведения, а дом Корнилова фигурирует в воспоминаниях Н.Г. Чернышевского и К.А. Федина. Все три дома являются памятниками федерального значения.

Купеческие доходные дома приносили своим владельцам разную прибыль в зависимости от того, в какой части города располагалось здание, сколько оно имело этажей, какова его площадь и т.д. Доходные дома различались по планировочной организации: дома с замкнутым контуром, дома с полузамкнутым контуром и линейные в плане дома.

Первым доходным домом в Саратове можно назвать дом купца 1-й гильдии городского головы Хрисанфа Ивановича Образцова (1774-1847) на углу Московской и Вознесенской улиц, построенный в 1828 г. в стиле русского классицизма. По свидетельству современников, это был самый дорогой и роскошный дом в городе. Поначалу строение использовалось как гостиница, где селились знатные гости города. С 1869 по 1903 гг. здание служило резиденцией саратовских губернаторов. Усилиями губернатора П.А. Столыпина, проживавшего в доме с весны по осень 1903 г., губернаторская резиденция была перенесена из обветшавшего здания в новый дом на углу улиц Вольской и М.Сергиевской.

Большинство саратовских доходных домов построено в стиле эклектики. Примером может служить здание бывшего доходного дома купца И.Г. Кузнецова, построенного в 1867 г. на углу улиц Никольской и Царицынской (Радищева и Первомайской – сегодня это здание саратовской мэрии). Здание первоначально было построено в классицистических традициях, а в 1911 г. радикально перестроено в духе эклектики и новомодного модерна новым хозяином – купцом первой гильдии А.И. Бендером. Над обоими фасадами здания были возведены пышные фигурные аттики с нишами и фигурой льва; вход в здание украсила сугубо эклектичная скульптурная композиция в духе гробницы Лоренцо Медичи Микеланджело.

В культурном отношении примечателен еще один доходный дом в стиле кирпичной эклектики – доходный дом купца-просветителя В.Д. Вакурова, сына известного саратовского книготорговца Д.М. Вакурова, построенный в 1874 г. на углу улиц Никольской и Б.Казачьей архитектором А.М. Салько. Здесь в 1917-1921 гг. на Высших сельскохозяйственных курсах заведовал кафедрой растениеводства Николай Иванович Вавилов. Здесь Вавиловым был открыт закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, который он впервые представил научной общественности в июне 1920 г. на III Всероссийском селекционном съезде, проходившем в Физическом институте Саратовского университета. Здесь Вавиловым была выполнена его работа «Полевые культуры Юго-Востока». Так что дом Вакурова можно называть и Домом Вавилова.

Подлинным культурным гнездом Саратова стали два доходных дома приказчика Подклетнова на углу улиц Московской и Ильинской (Чапаева).

Это уже «чистый» и даже «кричащий» модерн с вычурными аттиками, затейливыми сандриками, криволинейными слуховыми окнами. Дома соединялись каменной аркой по ул. Чапаева с коваными воротами художественной работы (не сохранились). В домах Подклетнова в разное время жили хирург Н.И. Ковалевский, дантист З.С. Рейхман, профессора университета Н.С. Троицкий и К.А. Юдин, будущий народный артист СССР Б.Ф. Андреев. В декабре 1909 г. в доме по Московской на втором этаже снял квартиру из шести комнат профессор только что открытого Императорского Николаевского университета магистр физики, будущий ректор университета (1918-1921) Владимир Дмитриевич Зёрнов.

А самым большим и самым помпезным доходным домом в Саратове стал дом, построенный в стиле модерн купцом второй гильдии А.А. Ананьиным (1913 – ул. Вольская, 97, архитектор М.А. Пульман). Через год началась Первая мировая война, а через четыре года настал Великий Октябрь. Эпоха доходных домов в России закончилась, и архитектор Пульман поставил в ней свою последнюю точку. В целом купеческие доходные дома сыграли значительную градостроительную роль, в особенности в провинции. Саратову они дали масштабность, респектабельность, солидность. Доходные дома стали опорой, основой, для последующей застройки города и эталоном для эстетических дерзаний будущих поколений.

Построенное в начале XX в., здание Крытого рынка в Саратове стало подлинным детищем нового века, вобравшим в себя все его достижения и предвосхитившим будущие технические решения: гигантские торговые площади, перекрытые без единой опоры, огромные стеклянные плоскости, создававшие мягкое освещение внутреннего пространства, кружево металлических ферм, взлетающих вверх подобно нервюрам готического собора, железобетонные конструкции, сложные дренажные системы, мощные электрические холодильные камеры, мощные подъемники, богатые лепные украшения. Помимо смелых технических решений это здание в стиле рационального модерна обладает и выдающимися архитектурными достоинствами.

Купцы вкладывали душу не только в строительство собственных особняков и усадеб, не только в доходные дома и торговые заведения, но даже и в производственные сооружения. История архитектуры и ее ветвь – история промышленной архитектуры – знает немало примеров, когда заводские корпуса становились памятниками архитектуры. Прежде всего, это паровые мельницы саратовских «мучных королей» – Зейфертов, Шмидтов, Борелей, Рейнеке.

Паровые мельницы стали подлинными шедеврами промышленной переселенческой архитектуры, в их ряду наиболее примечательна паровая мельница Торгово-промышленного товарищества братьев Шмидт («Большая мельница Шмидта» – ул. Чернышевского, 90), которая и сегодня исправно выполняет свои функции. Мельница Шмидта менее всего походит на мельницу. Она напоминала скорее средневековый немецкий замок, а еще точнее стилизованный под средневековье замок Нойшванштайн Ба-

варского короля Людовика II, построенный на два десятилетия ранее. Мельница Шмидта стала и подлинным детищем наступившего XX века; она была начинена современными техническими новинками, явилась своеобразной предтечей технического и художественного совершенства саратовского Крытого рынка. Нет сомнений в том, что инженер-архитектор В.А. Люкшин творил свой проект Крытого рынка под впечатлением технического и художественного богатства мельницы Шмидта. Таким образом, двадцатисаженная мельница Шмидта стала не только архитектурной, но и культурной доминантой Саратова.

Почетным гражданином Самары в 1913 г. стал хлебопромышленник Андрей Андреевич Субботин. Звание было присвоено ему за шикарный подарок городу – здание для Реального училища на 600 учащихся, которое обошлось не менее чем в 1 млн. руб. «Вся Самара перебывала в нем, чтобы полюбоваться этим грандиозным из ряда вон выходящим по своему великолепию сооружением», – восхищались горожане при завершении строительства в 1909 г. Приезжавшие из столицы П. А. Столыпин и сенатор Георгиевский любовались постройкой, а последний даже сказал: «Ничего подобного не видел не только в России, но и за границей» (в настоящее время угол ул. Пионерской и А. Толстого). Субботин объяснил, что он считал себя нравственно обязанным отблагодарить училище, которое окончили его сыновья, поступившие дотом в высшие учебные заведения.

Купцы определяли жизнь городов, их самоуправление и даже внешний вид. Практически все представители поволжского купечества щедро жертвовали часть своих капиталов на благотворительные цели. Города Поволжья и сегодня украшают и придают ей своеобразие прекрасные особняки в самых разных стилях, построенные лучшими архитекторами на центральных улицах города для местных купцов. Большинство значительных историко-культурных памятников провинции в большей или меньшей степени (а зачастую и целиком) построены на средства купцов.

Примечания

[1] Галимова Л.Н. Деятельность провинциальных купцов Поволжья в составе земских учреждений в середине XIX - начале XX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия.1. 2011. № 3. С.117.

[2] Там же. С. 122.

[3] Рогач Ю.А. Городской голова – Николай Гаврилович Неклютин // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей: Сб. статей и материалов III Международной научно-практической конференции. Самара, 2003. С.69.

[4] Антон Николаевич Шихобалов. Его жизнь, просветительные и благотворительные учреждения его имени. М., 1912. С.233.

[5] Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860-1914. М., 1999.

[6] Антон Николаевич Шихобалов. Его жизнь, просветительные и благотворительные учреждения его имени. М., 1912. С.44.

[7] Фомичева Н.П.Самарский купец Егор Никитич Аннаев // Самарский край в контексте российской истории. Сб. статей. Самара, 2001. С.71-73.

[8] Антон Николаевич Шихобалов. Его жизнь, просветительные и благотворительные учреждения его имени. М., 1912. С.233

[9] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С.129-131.

[10] Московский О.В. Петр Субботин: предисловие к биографии// Краеведческие записки. Выпуск X. Самара, 2003. С.144-145.

[11] Народное образование Самары. Хроника событий. 1851-1917 гг. Самара, 2002. С.49.

[12] Рогач Ю.А. Городской голова – Николай Гаврилович Неклютин // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей: Сб. статей и материалов III Международной научно-практической конференции. Самара, 2003. С.69.

[13] Боханов А.Н.Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С.168.

[14] Басс А.Я. К истории собрания русского искусства конца XIX – начала XX века в Самаре // От модерна до авангарда. М., 1995. С.16-18.

[15] Нестеров М.В. Из писем. Л., 1968. С.212-213.

З.М. Кобозева*

МЕЩАНСКАЯ СТАРОСТЬ, БОЛЕЗНИ И БОГАДЕЛЕННЫЕ СТРАСТИ

Н. Рубакин отмечал, что Россия «беднее всех других стран стариками», из чего он заключал, что «в России борьба за существование с различными неблагоприятными условиями труднее, чем в других… странах»[1]. По ревизским сказкам за 1857 г. видно, что мужчины из мещанского сословия умирали приблизительно в возрасте 52 лет[2]. «Когда люди стареют, они сталкиваются с комбинацией трудносовместимых медицинских, эмоциональных и материальных проблем. Одна из главных забот пожилых людей – сохранение независимости… »[3].

За 63-х летним мещанином Максимом Максимовым Марковым числилась недоимка в 54 руб. за лечение его жены в Земской больнице г. Самары. Из-за этого, мещанская управа в течение 6 лет не выдавала ему вид на жительство. Из жалобы Маркова губернатору открывается всё его безнадёжное положение. Жена умерла. Максим Максимов пишет: *«Между тем я, будучи 63 лет и болезненного состояния, едва имею возможность съискивать себе пропитание личным трудом, при крайней своей бедности».* Марков не отказывается от платежа недоимки, а просит разрешения поэтапно отдавать долг. Из-за того, что ему не выдают паспорт, он не может устроиться на службу. В ответ на запрос губернатора о ситуации с Марковым, управа заявила, что за 7 лет он выплатил только 3 руб., следовательно *«не заслуживает уважения»* и отказали в выдаче вида на жительство[4].

Для стариков богадельня была выходом и спасением. Если в Москве богадельня Мещанского общества была одним из самых крупных благотворительных учреждений[5], то в Константиновской богадельне Самары количество мест для представителей всех сословий было ограничено. С образованием земства в Самаре, богадельни переходят в это ведомство из ведения Приказа общественного призрения. Земская богадельня в Самаре была передана земству в 1865 г. Несколько позже была образована богадельня для душевнобольных в 10 верстах от г. Самары при земской больнице. Она содержалась на средства земства и на частные пожертвования. В 1872 г. была учреждена городская общественная богадельня в память избавления государя императора от угрожавшей 25 мая 1867г. в Париже Его Величеству опасности. Она помещалась в двух домах, пожертвованных почетным гражданином И.М.Плешановым. Богадельни в уездах были значительно меньше

* © Кобозева З.М. – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «"Обретение родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

и содержались в основном за счет крестьян, как, например, богадельня в слободе Покровской Новоузенского уезда Самарской губернии, в которой к 1877 г. находилось 12 призреваемых, или на средства общества и добровольные пожертвования, как Гватентаутское убежище для сирот и бедных в приходе Гватентау Новоузенского уезда, где призревалось к 1900 г. 23 чел., а капитал ее насчитывал 9043 руб.89 коп. Или Бузулукская богадельня (основана в 1882 г.), содержавшаяся на средства города и призревавшая в 1887 году 26 чел. Со временем количество богаделен, содержащихся преимущественно на государственные средства, в Самарской губернии увеличивается. В с. Балаково была открыта богадельня во имя Александра Невского, в которой призревалось до 63 чел. обоего пола. Ее капитал в 1894 году насчитывал 91 691 руб.82 коп., а в 1895 году – 91 918 руб. 4 коп. В 1889 году в Бугуруслане была открыта богадельня на средства земства, в ней в 1900 г. призревалось 35 человек. В 1901 г. на призрении в самарской городской общественной богадельне состояло 48 мещан[6]. Попечительский совет богадельни докладывал, что призреваемые в мужском отделении не имеют тёплых брюк, *«между тем, с наступлением холодов, в таковых является крайняя необходимость, так как за неимением брюк, призреваемые во время зимы отвлекаются даже от посещения Божьего Храма»*[7]. Порой в богадельню мещане помещались супружескими парами. Серафим Осипов и Акулина Матвеева Вольские, каждому по 73 года, не имеющие родственников, *«в виду преклонных лет и бедственного положения»* были помещены в богадельню[8]. Мещанка Феврония Матвеева Казяева ходатайствовала о приёме её в богадельню, так как была бедная, *«слаба здоровьем»*, проживала *«у добрых людей из милости»*. У неё был сын Гаврила, но он сам *«слаб здоровьем», «обременён семейством», «в бедственном положении»*[9]. И таких случаев было много: пока дети были «обременены» собственными семействами, родители жили по чужим домам «из милости»[10]. Мест в самарских богадельнях было мало. И тем не менее туда попадали порой не те, кто действительно находился в безвыходном положении. 62-летний самарский мещанин Василий Иванов постоянно подвергался в богадельне замечаниям и выговорам за *«жизнь нетрезвую»*. Но это его не останавливало и 17 января он *«позволил напиться пьяным, грубил с призреваемыми и в состоянии невменяемости даже перепортил своё бельё и постель. За последний проступок Иванов был послан на работы по богадельне но с таковых без разрешения отлучился и явился опять пьяным и в таком состоянии упал в снег и едва не замёрз»*[11]. Было принято решение исключить его из богадельни. Мещанин Сусоров просился в богадельню, из которой был исключён *«за безнравственное поведение и пьянство»*, но его обратно уже не приняли[12]. Были в богадельни и женщины-«хулиганки». 75-летняя мещанка А.И.Захарова занимала *«бесплатно уголочек за печкой»*, днём *«ходит по сбору милостыни», «на вид старая и больная старческим маразмом, всё её имущество состоит из рогожи и рваного платья на ней»*, родственников нет[13]. Попечительский совет богадельни положительно решил её прошение о приёме. Но попав в богоугодное учреждение, старушка раскрылась с

другой стороны. Самовольно уйдя, купила водки, напилась в саду богадельни и начала буянить. «*В виду её неприличного поведения*», Захарову пришлось запереть в дровяник[14]. После отрезвления, она обнаружила, что исключена и может уже на законном основании отправляться за водкой и «бесплатно в уголочек за печкой». Призреваемый в богадельне отставной рядовой из самарских мещан Иван Кривин «*напился пьяным, разбил оконное стекло*». Спустя время, «*опять напился, безобразничал, в присутствии священника ещё больше безобразничал и всех стариков поносил оскорблениями*». В тот же день призреваемая самарская мещанка Т.М.Чурашева тоже «*напилась пьяной и самовольно отлучилась на свободу… явилась вечером… когда смотритель стал делать замечания… она ответила дерзостью выразив «что она не только его, но и других никого не боится»*»[15]. Обоих из богадельни исключили. Пётр Безденежнов был отпущен смотрителем в город. Назад он вернулся на извозчике «*без чувств пьяным*». Стали выяснять личность дебошира и оказалось, что «*за безнравственное поведение*» он уже был исключён из Константиновской богадельни. Поэтому его исключили и из общественной[16].

Стариков-мещан, кормящихся подаянием, живущих у чужих людей из милости, было много[17]. Все они просились в богадельни. На этом фоне относительно молодой 54-летний мещанин «*страдающий хроническими язвами голени» и «нуждающийся в хирургической операции*», тоже вынужден был ходатайствовать о месте в богадельне, так как его15-летняя дочь, работая в услужении, получала только 2 руб. в месяц и не могла оплатить лечение отца[18]. Некоторые мещане имели преимущества при приёме. Так 57-летнюю мещанку, страдающую ревматизмом и параличом, несмотря на то, что у неё имелся сын, служащий писцом в Контрольной палате и получавший 30 руб. в месяц, приняли в богадельню, так как её покойный муж служил в пожарной команде города[19]. А были и такие мещане, за которых просила городская больница. Так одна параличная мещанка продолжала находиться в больнице просто потому, что её некуда было оттуда деть: ни родственников, ни денег у неё не было, а уход требовался[20]. А молодую женщину, 47 лет, просили принять в богадельню, так как она не может ходить без посторонней помощи, а средств к жизни у неё никаких нет[21]. Ещё один мещанин, 56 лет, имущества никакого не имел, родных не имел, кроме жены, которая «*ввиду старости к труду мало способна*», сына 14 лет и дочери, обременённой своим собственным семейством, просился в богадельню. У него были парализованы левая рука и нога, следовательно – к труду не способен. Единственные деньги приносила в семью жена, которая шила мешки на мукомольную мельницу, зарабатывая этим от 15 до 20 коп. в день[22]. Частично парализованный 32-летний мещанин, чтобы заплатить 1 руб.20 коп. в месяц за квартиру, ходил с трудом собирать милостыню[23]. Это давалось ему всё труднее и он также как и многие другие обратился с просьбой о призрении в богадельне. В Попечительский совет поступило заявление священника И.Беневальского: «*Вчера у парадной двери моей квартиры улеглась ночевать самарская мещанская вдова Ксения Фё-*

доровна Филиппова, имеющая от рождения 90 лет. Раньше она жила в Шихобаловской богодельне и билет её остался там. Мне она известна. Я позволил ей ночевать в холодном помещении на дворе моей квартиры. Так она и жила у меня во дворе, но теперь, когда настало холодное время, ей жить негде. Я сам с семьёй по случаю ремонта квартиры живу в холодном помещении». Чтобы от него забрали Филиппову, священник Беневальский обращался и в Константиновскую богадельню, и в Общество попечения о бедных. Но помощи не дождался. Обращаясь в общественную богадельню, он пишет, что Филиппова *«дошла до детского состояния. Она может замёрзнуть и умереть. Прошу взять её от меня сегодня же»*[24]. 57-летний мещанин в своём прошении о принятии его в богадельню, описывал свою непростую судьбу: он *«не очень хил, но одержим болезнью и слепотой».* У него жена и две дочери. За квартиру нужно платить 1 руб. в месяц. Зарабатывать деньги он не может. Быть обузой семье тоже не хочет[25]. Ещё одну семейную драму раскрывает прошение о приёме в богадельню 65-летней мещанки Самары. Сама она работать не может и собирает подаяние. Одна её дочь живёт бедно. Замужем за служащим на железной дороги. Имеет троих детей. Другая дочь, ещё совсем ребёнок, вынуждена работать подённо на заводе Александрова за 30 коп. в день[26]. В деле Попечительского совета городской общественной богадельни прошения мещан о приёме собраны по 1910 год включительно. Во всех прошениях – приблизительно один сценарий социальной повседневности: старость, бедность, болезни, отсутствие родственников, которые могли бы взять на себя заботу о них[27].

В 1907 г. в Самаре ходатайствовала о приёме в Константиновскую богадельню мещанка г. Касимова Рязанской губернии Н.Н.Рахманова. Ей было 64 года и проживала она во дворе дома Сурикова. Родных у неё не было, на вид – дряхлая. Средств к жизни – никаких. Решили принять[28]. О приёме в богадельню своего тестя ходатайствовал самарский мещанин П.К.Поляков. Тестю было 67 лет. Зять писал, что имеет достаточно ограниченный заработок и *«не в состоянии держать его при себе»*[29]. У старика на самом деле было четверо детей, сын и три дочери. Но никто из них не мог взять на себя заботу об отце. По мнению зятя, *«сын ведёт образ жизни ненормальный, трудом не занимается, самого себя не в состоянии прокормить»*[30]. Старика приняли. В богадельню попадали и молодые люди, которые по болезни не могли найти средства к существованию. Мещанка А.И.Казакова была парализована около двух лет. Родных у неё никого не было. Её маленького 8-летнего сына *«добрые люди старались определить в детский приют»*[31]. Чтобы заплатить за квартиру 2 руб. в месяц, она вынуждена была выбираться на улицу для сбора милостыни. Имущества никакого не имела. Её так же приняли в Константиновскую богадельню. Двое супругов, самарские мещане Михайловы, также находились в безвыходном положении. Жена – паралличная. Муж – *«одержим старческой болезнью»*[32]. Средств к жизни также никаких не имели и оба просились в богадельню. О 77-летней мещанке А.С.Суховой писали в Попечительный комитет Константиновской богадельни: *«дряхлая, хилая, к труду неспособная, средств ника-*

ких не имеет»[33]. Мещанка Анна Климова ходатайствовала, чтобы в богадельню забрали её 77-летнюю родственницу А.Д.Климову. У Анны было своё дело: «Чайное дело Климовой». Раньше родственница помогала ей, но теперь стала «*неспособна к труду*». Как докладывал Попечительский комитет, *«хозяйка обременяется её содержанием»*, так как имеет двоих малолетних детей, а муж её, Василий, отбывает наказание в местной тюрьме «*за разные преступления*». Родственница никакого имущества *«кроме ветхого платья»* не имеет[34]. Самарская мещанка Н.И.Махина, тоже пожилая 70-летняя женщина, оказалась в таком положении полной безысходности, что спасти её могла только богадельня. За квартиру нужно было платить 1 руб. в месяц. Дочери у неё оказались беспутными. Одна вышла замуж и уехала в Ригу, причём *«чем она занимается, этого никто не знает»*[35]. Другая дочь Пелагея *«ведёт нетрезвую и безнравственную жизнь и содержать свою мать не хочет»*[36]. Имущества Н.И.Махина никакого не имеет, *«кроме ветхого носильного платья»*. Кормится подаянием добрых людей, *«на вид дряхлая, совершенно глухая, в бедственном положении»*[37]. 19 ноября 1907 г. самарский губернатор указывал в своём распоряжении, что *«обеспечение отца, матери, деда, бабки, братьев и сестёр – круглых сирот погибших низших воинских чинов относится к числу обязательных земских и городских повинностей»*[38]. Но количество стариков, находившихся в бедственном положении не уменьшалось, а количество мест в богадельне было ограничено. Все они писали: *«слаба здоровьем, в крайне бедственном положении»*, *«слаб здоровьем, плохо видит, добывать пропитание не может»*, *«стара, слаба, не имеет средств»*, *«слепой, не имеет средств к жизни»*, *«совершенно дряхлая, глухая»*, *«слабость здоровьем»*, *«ходит по сбору милостыни»*[39]. Были среди них и молодые, которые в силу заболеваний оказались *«к труду неспособными»*[40]. Судя по данным документам, старость и немощность наступала в 60-70 лет. С другой стороны, были и долгожители. Мещанка 92 лет получала от казны пособие 3 руб.. Но этого, безусловно, на жизнь ей не хватало[41]. Некоторых стариков держали у себя «*добрые люди из сожаления»*[42]. В 1910 г. в Александровскую богадельню Самары просился 41-летний мещанин И.В.Малкин, так как был совершенно слеп и к труду неспособен. Имущества у него тоже никакого не было. Зато было три брата, но у каждого из них своя судьба, поэтому рассчитывать на них не приходилось. Один брат работал почтальоном в Западной Сибири, другой – обер-офицер в г.Николаевске, третий – в Самаре, работал в уездном земском управлении, но был вдовцом с шестью малолетними детьми на руках и престарелой матерью[43]. Каждая история бедных мещан города трагична по-своему. 78-летняя мещанка Ф.Н.Мельникова, одинокая, не имеющая ничего *«кроме ветхого рубища»*, два месяца пролежала в больнице после того как ей проехали колесом по ноге[44]. Теперь она просилась в богадельню. Не легче была и жизнь самарской мещанки М.Н.Ефимовой, *«очень хилой, дряхлой, к труду неспособной»*[45]. На две недели её пустили в свою квартиру Зимины «*бесплатно из сожаления»*. А так она кормится, бедная, сбором милостыни на паперти церкви Троицы. Да и раньше, когда был жив муж,

умерший уже более двадцати лет назад, она не жила богато. Муж торговал ветхой одеждой на толкучем рынке. Сын умер от холеры. Стала Ефимова лепить пельмени и торговать ими на Троицкой площади. Но потом и на это сил не осталось. И племянница, у которой Ефимова поселилась, «выпроводила её на произвол судьбы»[46]. Вот и ходатайствует о месте в богадельне. Можно понять и мещанку Е.Е.Волгушеву, которая просила принять в богадельню её мужа, разбитого параличом, так как на руках у неё ещё было двое детей и старуха мать[47]. Самарские мещане Иван Будылов и Дмитрий Скворцов написали прошение в городскую думу о месте в богадельне из больницы, в которой оба находились около трёх месяцев *«не надеясь получить настоящего облегчения… мы оба желаем как безродные в преклонных летах неимущие приюта и никаких средств к пропитанию себя»*[48]. Прошение этих стариков заканчивается просьбой: *«поспешите с выпискою нас из больницы в богадельню дабы ещё не заняты другими два места»*[49].

Мещанин болеющий, стареющий, умирающий предстаёт в источниках делопроизводственного характера не как человек страдающий, а как личность сословная, подверженная и в горе учёту и контролю. Тем не менее на фоне эмоционально скупой документации совершенно явственно проступает тема одиночества человека в городе. Это во многом было связано с упадком в среде мещанства отношений общинного типа. Все данные косвенно говорят только об одном общем для мещан факторе: о низком уровне жизни большинства представителей сословия. Не было денег лечить мещанское тело. Не было денег поддерживать мещанское тело в старости. Не на что было хоронить мещанское тело. Мещанскую душу уже не грела сословность, утраченная в эпоху «чрева». Индивидуализм модернизированного города порождал одиночество. А сословие продолжало тем не менее существовать до 1917 года…

Примечания

[1] Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. М., 2010. С.51.
[2] ГУСО ЦГАСО. Ф.170ю Оп.6. Д.154. Л. 5 (Об.)-6.
[3] Гидденс Э. Социология. М., 2005. С.151.
[4] ГУСО ЦГАСО. Ф.217. Оп.1. Д.368. Л.82.
[5] Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С.223.
[6] ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.926. Л.4.
[7] Там же.
[8] Там же. Л.11.
[9] Там же. Л.11 (Об.)-12.
[10] Там же. Л.12 (Об.)-13.
[11] ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.926. Л. 13 (Об.)-14.
[12] Там же. Л.29.
[13] Там же. Л. 14 (Об.).
[14] Там же. Л.29 (Об.)-30.
[15] ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.926. Л.33 (Об.)-34.
[16] Там же. Л.62 (Об.)-63.

[17] Там же. Л.15 (Об.), 16, 17, 18, 19,22, 24 (Об.), 25 (Об), 38-61 (Об.).
[18] Там же. Л.20-21.
[19] Там же. Л.23.
[20] ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.926. Л.27.
[21] Там же. Л.33.
[22] ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д. 926. Л.64 (Об.)-65.
[23] Там же. Л.70.
[24] Там же. Л.73.
[25] Там же. Л.81 (Об.).
[26] ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.926. Л.83 (Об.).
[27] ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д. 926. Л.84 (Об.)-144 (Об.).
[28] ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.928. Л.1 (Об.).
[29] Там же. Л.2.
[30] Там же.
[31] Там же. Л.3.
[32] ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д.928. Л.6.
[33] Там же. Л.4.
[34] Там же. Л.4 (Об.).
[35] Там же. Л.5.
[36] Там же.
[37] Там же. Л.6.
[38] Там же. Л.7.
[39] ГУСО ЦГАСО. Ф. 153. Оп.1. Д.928. Л.8-20.
[40] Там же. Л. 9 (Об.), 14.
[41] Там же. Л.20.
[42] Там же. Л.36.
[43] Там же. Л.41.
[44] Там же. Л. 47 (Об.).
[45] Там же. Л.50.
[46] ГУСО ЦГАСО. Ф.153. Оп.1. Д. 928. Л.50.
[47] Там же. Л.55 (Об.).
[48] ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп.6. Д. 621. Л. 62 (Об.).
[49] Там же.

М.И. Леонов*

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ И ЗАВОЛЖЬЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

В России, патерналистской монархии традиционного типа, отношения власти – общества выстраивались по типу большой семьи. Существенным моментами этих отношений было восприятие власти как сакрального и попечение власти обо всем населении. Это обстоятельство определяло как устойчивость политической структуры, так и эвентуальность политических потрясений. К 90-м гг. XIX века система государственно-административного и местного самоуправления в регионе Средней Волги и Заволжья представлялась определенно сложившейся. Земское и городовое положения 1890 и 1892 гг., положение о губернском правлении 1900 г. не вносили принципиальных изменений в компетенции органов государственной власти и местного самоуправления и взаимоотношений между ними.

Администрацию губерний возглавляли губернаторы, по закону – хозяева (начальники) губерний. На них возлагался контроль над органами местного самоуправления, председательство в губернском по земским, городским, фабричным, воинским, питейным делам присутствиям – всего присутствий было более полутора десятков. Закон 1900 г. вернул губернаторам дореформенные обязанности верховного попечителя в обеспечения населения продовольствием, наблюдения за подчиненными, надзора за свободной и беспрепятственной торговлей съестными припасами, «устранения непомерного возвышения цен», «покровительства общеполезным предприятиям», торговле и промышленности, а также разрешения открытий фабрик, заводов и других промышленных предприятий, руководства фабричным и горным надзором, поддержание порядка, имущественного благополучия рабочих.

На рубеже XIX-XX большинство губерний Средней Волги и Заволжья возглавляли пожилые, не хватающие звезд с неба чиновники. Вверенными им губерниями они управляли по-отечески, чем снискали любовь и уважение обывателей. С 30 января 1893 г. Симбирскую губерниею возглавлял В.Н. Акинфов, человек, по общему мнению, простой, скромный и очень общительный, с которым легко было легко работать. Доставшаяся Акинфову Симбирская губерния находилась в то время в застое. С ним ладили вице-губернаторы (С.Д. Ржевский и А.П. Наумов), губернские предводители

* © Леонов М.И. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «"Обретение родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

дворянства (князь И.М. Оболенский и В.Н. Поливанов); городские головы (А.Д. Сачков и П.С.Балакирщиков), епископы (Варсонофий и Никандр). Его заботами в Симбирске летом 1894 г. было основано общество велосипедистов и построен велодром, открыт дом трудолюбия; ремесленное училище для сирот им. Лебедев, сельскохозяйственная школа, бесплатная больница для неизлечимых больных, городской ломбард, костел. Он попечительствовал ученой архивной комиссия, радел телефонизации, строительству железнодорожной ветки от станции Инза и вокзала. Когда в начале 1901 г. пошли разговоры о назначении В.Н. Акинфова на службу в другой город, симбирские дворяне, купцы, земцы и думцы обратились к нему с письмом: «Посягая на драгоценное здоровье Ваше, глубокоуважаемый Владимир Николаевич, мы решили прибегнуть к последней мере, и, обращаясь к доброму и гуманному сердцу Вашему, покорнейше и почтительнейше просить Ваше Превосходительство заставить это сердце еще раз забиться в унисон с нуждами городского населения». Губернатор был крайне растроган. 22 июля 1902 г. его назначили почетным опекуном Опекунского совета императрицы Марии в Москве. Проводы губернатора были пышными, дворяне и купцы с сожалением расстались с В.Н.Акинфовым и в 1903 г. присвоили ему звание «Почетный гражданин города Симбирска». С.Д. Ржевский, сменивший на посту губернатора В.Н. Акинфова, по общему мнению, был «добрый малый», неглупый, с ленцой; любил выпить и слегка покуролесить, покушать и сыграть «по маленькой».

Также тепло провожали 20 марта 1906 г. Оренбургского губернатора Я.Ф. Барабаша. «Это был человек с чуткой, реагирующей на всё живой душой, – живописала «Оренбургская газета». – Надо было видеть те, полные искренности, проводы, которые ему устраивали при его отъезде оренбуржцы, чтобы сказать: да, это был человек, любимый всеми, кто с ним соприкасался»[1]. А.В. Адлерберг, в бытность его губернаторства (1898 г. – 1903 гг.) в Пензе, снискал признательность пензеского общества своим отеческим попечением и тем, что при его участии были построены здания Народного театра и Первой женской гимназии, открыт памятник А.В. Суворову, создана Пензенская учёная архивная комиссия, состоялись торжества, посвященные 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

13 лет по-отечески губернаторствовал в Самаре А.С. Брянчанинов (да еще три года состоял вице-губернатором): покровительствовал либералам, не обижал революционеров, ладил с консерваторами. «Самарские губернские ведомости» отмечали: «С давних пор, по инициативе Александра Семеновича Брянчанинова и его супруги, Софьи Борисовны, в Самаре установился обычай взаимных поздравлений в день нового года в зале коммерческого собрания взамен праздничных визитов». Обыватели платили губернатору взаимностью. А.С. Брянчанинов говорил, что «всегда и во всем встречал сочувствие и благожелательное отношение к его начинаниям со стороны сословных и общественных учреждений и других ведомств, а также добросовестное и разумное содействие со стороны ближайших сотрудников»[2]. Городская дума на заседании 15-16 декабря 1904 г. единогласно избрала

Александра Семеновича почетным гражданином города Самары. Депутация именитых и почетных граждан и купцов первой гильдии во главе с П.С. Аржановым и А.Г. Курлиным утром 1 января 1905 г. просила получившего отставку губернатора разрешить учредить стипендию его имени в учебных заведениях города и посетить торжественный обед. На эти цели было собрано более пяти тысяч рублей. От обеда Брянчанинов отказался, а стипендии были учреждены. 22 января 1905 г. он покидал город. «Вокзал был переполнен народом, – сообщал самарский официоз, – и проводы имели самый сердечный характер».

Брянчанинова сменил Д.И. Засядко. Протеже В.П.Мещерского, человек образованный и рассудительный, но нерешительный, он предпочитал, как и его предшественник, патриархально управлять вверенной ему губернией. 1 февраля 1906 г. либеральный «Голос Самары» поместил фельетон «Тайны г. Присядки», лишь чуть изменив фамилию только что смещенного губернатора: «Когда же ему доносили, что в губернии погромы, мужики жгут усадьбы, грабят хлеб, режут скотину, Присядко, добродушно похлопывал себя по круглому животику, отвечая: «Ничего, это далеко отсюда, до нас не дойдет… ничего, пошумят, да когда-нибудь и успокоятся. Пусть себе грабят и режут, кого хотят, – но по моему личному приказанию не прольется ни капли крови, ни одного горчишника»[3]. Нужно признать, что в бульварном гротеске переданы некоторые реальные черты. Засядко регулярно обращался с отеческими увещеваниями к самарцам, призывая их к согласию и миру, уговаривал предпринимателей пойти на уступки. В июле 1905 г., когда в городе носились слухи о возможном еврейском погроме, он обратился с воззванием к горожанам, призывая их отказаться от насилия, евреев же просил воздержаться от появления в местах массовых собраний, в частности, в Струковском саду. В октябре 1905 г., во избежание несчастных случаев, предостерегал родителей, чтобы они не выпускали детей из дома без присмотра[4].

В дни октябрьской стачки 1905 г. Д.И. Засядко растерялся. 14 октября он направил к митингующим на луговой стороне Самарки заведующего сыскной частью полковника И.Л. Короткевича с предложением выбрать делегацию для переговоров с губернатором. Митингующие оскорбляли полковника, пытались наклеить на него прокламации, но, в конце концов, согласились с ним, избрали трех депутатов, которые потребовали освобождения политических заключенных, гарантий свободы слова, собраний, неприкосновенности личности и жилища, а также беспрепятственных похорон тех демонстрантов, кто, возможно, скончается от ран, полученных при перестрелке с казаками 13 октября. Губернатор обещал сделать все, что в его силах, наказать виновных, убрать казаков с улиц. Депутации от «самарского общества» он обещал впредь воздерживаться от применения силы. Губернатор призвал жителей «во избежание трагедии» не выпускать на улицу детей, обещал не выводить наряды казаков на улицы и наказать виновных в трагических событиях 13 октября. Депутацию от «самарского об-

щества» он уверял, что местные власти впредь будут воздерживаться от применения силы.

Д.И. Засядко сменил губернатор И.Л. Блок, волевой, целеустремленный, опытный чиновник, сторонник решительных действий. Он сразу обратился к министру внутренних дел П.А. Столыпину с просьбой вывести из Самары «пораженные мятежническим духом» Бузулукский полк и Борисовский батальон, «расформировать или освежить войска частями незапятнанной репутации»[5], содействовал подавлению волнений, многочисленным арестам, чем вызвал крайнее недовольство революционеров. 21 июля 1906 г. на углу улиц Воскресенской и Вознесенской И.Л. Блок был убит бомбой, брошенной членом летучего отряда Поволжской области рабочим-столяром Г.Н. Фроловым[6]. Вновь назначенный губернатор В.В. Якунин наставлял самарцев «бояться бога и чтить царя»[7].

В Саратове 10 лет, с 1891 по 1901 гг., губернаторствовал Б.Б. Мещерский и, как пишет биограф, «превратил его в полигон по испытанию всего нового, модного и передового». Губернатор опекал геологоразведочные работы, его стараниями были открыты рисовальное училище, фельдшерская школа, курсы фотографов-любителей, школа дорожного строительства, школа-приют для слепых детей, соединенное механическое и химико-техническое, а также коммерческое училища, женские курсы. Саратовские консерваторы жаловались на Б.Б. Мещерского царю, либеральное общество его обожало и присвоило ему звание почётного гражданина города. Сменивший Б.Б. Мещерского известный исследователь русского Севера А.П. Энгельгардт, несмотря на болезни и преклонный возраст, был деятелен: написал две брошюры об экономическом положении Поволжья (а доход от их реализации пожертвовал саратовскому земству для создания фонда по выпуску сельскохозяйственной литературы), содействовал строительству железной дороги до Астрахани, постройке здания женской гимназии. 15 февраля 1903 г. Саратовским губернатором назначили выдающегося политического деятеля России П.А. Столыпина. Петр Аркадьевич сотрудничал с органами местного самоуправления, ругулярно присутствовал на заседаниях земства, при нем началась модернизация городского водопровода, заложено новое здание Мариининской женской гимназии. Особенно велика роль П.А. Столыпина в открытии Саратовского университета. Благодарное общество почтило П.А. Столыпина званием почетного гражданина, заказало И.Е. Репину портрет губернатора, который поместила в городской думе; саратовская ученая архивная комиссия основала мемориальный музей П.А. Столыпина[8]. Одновременно П.А. Столыпин принимал жесткие иеры по подавлению крестьянских волнений, антиправительственных авступлений общества. В частности в мае 1906 г. он приказал закрыть радикально настроенное Санитарное общество. В Саратове, в целом, окончательно сложились взгляды П.А. Столыпина на пути рефомирмирования России, в особенности ее аграрного строя В конце апреля 1906 г. П.А. Столыпина назначили министром внутренних дел. На посту Саратовского губернатора его сменил С.С. Татищев. Его губернаторство было омрачено

конфликтом с неистовым Илиодором иеромонахом и 24 января 1911 г. С.С. Татищев был отрешен от должности. Как писала одна из саратовских газет, он «склонил выю перед всесильным владыкой и, по образному выражению илиодора, отправился в свое самарское имение «доить коров»[9].

События Смуты начала XX века знаменовались эксплицитным противостоянием власти с одной стороны, части земств, городских дум, дворянства, купечества, остальных страт – с другой. Однако по-прежнему администраторы Средней Волги и Заволжья, в их числе и П.А. Столыпин, предпочитали действовать патриархально – патерналистски[10]. Эта тенденция была доминантной также в период «столыпинской России» и в первые годы мировой войны[11].

Особое место в системе административного управления занимали органы политического сыска – губернские жандармские управления (ГЖУ) и их подразделения Охранные отделения (ОО) или (рангом пониже) розыскные пункты. Губернии региона значились среди спокойных. Сюда ссылали поднадзорных, а местная администрация привечала их. Среди служащих земств **региона** они составляли едва ли не треть. В их числе были видные либералы, социал-демократы, эсеры и другие радикалы[12]. По ведомству министерства внутренних дел губернские жандармские управления Средней Волги и Заволжья относились к третьей, низшей категории. Количество сотрудников в них колебалось в пределах от двадцати до пятидести человек. В Симбирском ГЖУ работали тридцать семь человек: четыре офицера (начальник управления, два его помощника в уездах и адъютант), три вахмистра, двадцать восемь унтер-офицеров и два писаря. Саратовское Охранное отделение в 1906-1907 гг. состояло из начальника, письмоводителя, двадцати двух филеров и трех околоточных надзирателя; пензенский розыскной пункт – из начальника и одиннадцати филеров, одному из которых «на ведение письменных работ» добавлялось к окладу 180 руб. в год. На все расходы Саратовскому Охранному отделению выделялось 23870 руб., Пензенскому розыскному пункту – 15540 руб. в год[13].

На рубеже XIX-XX вв. ГЖУ региона возглавляли солидные предпенсионного возраста полковники и генерал-майоры. Обязанности свои они выполняли неудовлетворительно. По заключению министерства внутренних дел они Симбирской, Самарской, Пензенской губерний «редко знали, что делается в губернии», а представляемые ими сведения «не заключали в себе сколько-нибудь определенных данных»[14]. Губернское жандармское управление в 1905 – начале 1906 гг. возглавлял полковник Г.С. Добрянский, которого сменил генерал-майор И.И. Каратаев. Оба в первую очередь думали о пенсии, обязанности свои выполняли плохо, авторитетом у подчиненных не пользовались. По свидетельству министерства внутренних дел «Самарское жандармское управление редко знало, что делается в губернии»[15]. Каратаев был уволен при скандальных обстоятельствах. Когда ему доложили, что в жандармское управление брошена бомба, он немедленно поместил в газете объявление, что в связи с оставлением должности генерал-майором Каратаевым, продается корова[16]. Злополучное объявление произвело в

Петербурге фурор. Директор департамента полиции М.И. Трусевич срочной телеграммой просил И.Ф. Кошко «успокоить» стража порядка Самары. Через две недели И.И. Каратаева уволили[17]. Жандармское управление возглавил инициативный, энергичный, знающий энтузиаст сыска подполковник М.П. Бобров. Он укрепил агентурную сеть. Секретных агентов внедрили во все революционные организации. Деятельность М.П. Боброва так нервировала революционеров, что они, в конце концов, убили его.

Поскольку Самарская губерния значилась среди самых спокойных, то, по ведомству департамента полиции, она причислялась ко второй, низшей, категории с минимальным числом сотрудников. В 1903 г. в губернском жандармском управлении было выделено охранное отделение, в функции которого входило наблюдение и пресечение деятельности противоправительственных организаций. Возглавил охранное отделение начальник жандармского управления. По мнению администрации, вследствие того, что в Самаре не было адресного стола и подворной регистрации, в нее стекались революционеры. Жандармское начальство печалилось также скудностью средств, опускаемых на агентуру (всего 25 рублей в год – их хватало на содержание только двух секретных сотрудников)[18]. В январе 1907 г. М.П. Боброву поручили немедленно приступить к организации Поволжского районного охранного отделения, в составе 11 губерний. В связи с этим были значительно увеличены ассигнования и штат Самарского губернского жандармского управления[19]. В 1908 г. Поволжское охранное отделение перевели в Саратов. Общую полицию Самары возглавлял полицмейстер. В его подчинении были четыре частных пристава (по числу частей города), десять помощников частных приставов – участковых надзирателей, двадцать восемь околоточных надзирателей и 265 пеших и конных городовых[20].

Не выказывал служебного рвения, назначенный в 1903 г. на пост начальника Симбирского ГЖУ, полковник Н.Н. Ловягин, о котором директор Департамента полиции писал: «Полковник Ловягин, состоя на службе 49 лет, совершенно не соответствует своему назначению и не в состоянии управлять жандармским делом в губернии. В феврале 1907 г. озабоченного будущей пенсией полковника перевели в еще более спокойную, чем Симбирская, Уфимскую губернию. Но и там дела полковника складывались точно так же, как и ранее. Начальник корпуса жандармов Д.К. Гершельман не выдержал и в ноябре 1907 г. обратился к Н.Н. Ловягину: «Ввиду нареканий Департамента полиции на Вашу бездеятельность и, основываясь на том, что Вы уже полностью выслужили пенсию, … не признаете ли Вы своевременным продать заявление об отставке» Полковник выжидал повышения в чинах. И только получив в январе 1908 г. желанный чин генерал-майора, подал в отставку. Назначенный на место Н.Н. Ловягина полковник М.И. Дкбельт ни служебным рвением, ни служебными качествами от предшественника настолько не отличался, что его срочно заменили полковником С.П. Подбельским[21].

В Саратовском ГЖУ С 1894 по 1901 гг. начальствовал полковник И.А. Иванов, а 1902 г. по 1907 г. полковник Д.С. Померанцев. Оба были служаками

старой школы. Полковник князь А.П. Микеладзе, возглвивший ГЖУ в мае 1907 г., предпочитал балы, обеды с вином, театр, а к политическому розыску был «холоден». В Саратове, впрочем, он не задержался. В октябре 1907 г. его сменил знающий свое дело полковник В.К. Семигановский[22]. Знающи и энергичны были молодые руководители созданного в 1902 г. Саратовского Охранного отделения ротмистры М.П. Бобров, Н.К. Федоров и А.П. Мартынов. Деятельность политического сыска губерний Среднего Поволжья и Заволжья стала заметно более продуктивной с организацией в январе 1907 г. Повожского районного охранного отделения, в оперативную сферу которого вошли Самарская, Пермская, Вятская, Казанская, Симбирская, Уфимская, Саратовская, Оренбургская, Астраханская, Пензенская губернии и Уральская область. Возглавил его М.П. Бобров.

Положения 1890 и 1892 гг. создали возможности большего контроля администрации над органами местного самоуправления, земствами и городскими думами. По положению 1890 г. в земских собраниях увеличивалась доля гласных дворян, посредством чего предполагали обеспечить более благоприятные условия сотрудничества земств и администрации. Земства продуктивно занимались агрономией, ветеринарией, медициной, образованием и другими чрезвычайно важными хозяйственными вопросами. Они являлись важнейшим центром консолидации консервативных и оппозиционных настроений. Консерваторы саратовского и самарского земств инициировали создание «Объединенного дворянства»[23]. Либеральное большинство земств иногда конфронтировало с администрацией, главным образом по политическим вопросам. В пределах своей компетенции земства, как правило, действовали согласованно с администрацией. В повседневную хозяйственную деятельность земств администрация не вмешивалась. Редкие разногласия администрации и земств улаживались в губернских присутствиях.

Городские думы Средней Волги и Заволжья до 1904 г. сосредотачивались на хозяйственных проблемах и старались отмежевываться от политических манифестаций. Они досадовали на административную опеку, считая, что она «парализует всякую инициативу по хозяйственным вопросам». В наведении порядка городские Думы поддерживали власти. События Смуты начала XX века, особенно потрясения 1905-1907 гг. решительным образом сказались на действиях органов администрации и местного самоуправления региона Средней Волги и Заволжья. Осенью 1905 г. налицо были симптомы паралича власти. Бездействовала и жандармерия. Как грибы росли всевозможные комитеты, советы. 14 октября 1905 г. 16 земцев-либералов и членов городской думы для охраны порядка и установления связей с властями основали Комитет общественной безопасности (КОБ). 19 октября 1905 г. было избрано временное правление КОБ. В него вошли купцы и промышленники, приказчики и юристы, журналисты и чиновники, октябристы, кадеты, эсеры, социал-демократы, представители стачечных комитетов и различных союзов. Объединив сторонников умеренных реформ и крайних радикалов, представителей различных страт и политических орга-

низаций, КОБ стал противовесом легитимного режима и влиятельным властным органом, имел большой вес в городских делах. Избранное 19 октября временное правление его возглавили Н.Д. Батюшков, Н.А. Гладыш, А.И. Матов[24]. Д.И. Засядко регулярно согласовывал свои действия с Комитетом общественного спасения (КОБ) и другими представительными общественными организациями[25].

Вице-губернатор В.Г. Кондоиди, человек решительный, убеждал самарцев, что волнения начались «может быть» происками японцев, и уж точно служат их интересам. Он угрожал репрессиями вплоть до применения венной силы, призывал «избегать появления на улицах толпами» и расходиться по первому требованию полиции[26]. Кондоиди был обречен на конфликт с «самарским обществом», с губернатором, и в конце 1905 г. расстался со своим постом. Вслед за ним получил отставку и Д.И. Засядко.

Городские думы Средней Волги и Заволжья до начала Смуты XX века были политически индефференты и воздерживались от политических манифестаций. Здравый смысл побуждал их оберегать функциональность городского хозяйства. Много времени и средств отнимали заботы об устройстве госпиталей, материальной помощи солдатам и офицерам русско-японской войны и их семьями[27]. Нужно было содержать в порядке городское хозяйство в дни, когда политическая лихорадка охватывала обывателей. Ближе к революции 1905-1907 гг. они изредка демонстрировали свое противостояние местной администрации. Да и в 1905-1907 гг. они, главным образом занимались такими повседневными проблемами, как аренда городской земли, плата за пристани, санитария, торговля и выпасы, наймы помещений, городская стража, ассенизация, водопровод.

С обострением Смуты политические страсти раскалывают земства. Либералы Саратовского земства, возглавляемые с Н.Н. Львовым, К.Б. Веселовским, А.М. Масленниковым в 1904 г. начали поход против консерваторов одержали победу на выборах в управу. Радовались они недолго. Единства среди них не было. Радикальные либералы, «освобожденцы», А.М. Масленников, С.А. Котляревский выступали за коалицию с революционными партиями, конституцию, умеренные либералы были сторонниками реформ при сохранении монархии, консерваторы не видели будущего России без самодержавия, в их представлении «краеугольного камня государственного устройства». Был подготовлен проект резолюции, в котором говорилось о созыве «народного представительства» на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов, но П.А. Столыпин запретил обсуждать ее на сессии земства.

В 1904 г. земства и городские думы стали ратовать за расширение автономии в хозяйственных вопросах. Власти вняли им. Указ 12 декабря 1904 г. обещал земцам и думцам «возможно широкое участие в заведовании разными сторонами местного самоуправления». В феврале 1905 г. земствам и городским думам разрешили направлять проекты реформ местного самоуправления в Совет министров. Земства и городские думы Юго-Востока Европейской России незамедлительно сформировали особые комиссии.

Весной и летом 1905 г. думцы энергично критиковали Городовое положения 1892 г., подчеркивая, что ранее Городские думы пользовались относительной свободой в хозяйственной деятельности. Дальше всех пошли симбирцы. Они не ограничились резкой критикой Городовое положение 1892 г., но и предъявилиа претензии к местной администрации в связи с вмешательством в чисто хозяйственные дела и, запрещением, хотя бы косвенно, затрагивать политические вопросы. В апреле 1905 г. они разработали проект нового Городового положения. В нем, между прочим, речь шла о необходмости реформирования центральную власть, по их мнению «всецело захваченную чиновной бюрократией», дать свободу слова, союзов, прямое и всеобщее избирательное право, упразднить сословия, передать местные дела всецело и без исключения в ведение городского и местного самоуправления.

Городские думы Среднего Поволжья и Заволжья связывали беспорядки в стране и городах с недостаточной дееспособностью властей и жаждали избавиться от чрезмерной опеки. Уже 28 февраля 1905 г. Самарская городская управа одобрила доклад бюджетной комиссии, в котором речь шла о неблагоприятных условиях деятельности городских органов самоуправления, «стесняемых административной опекой». «Дума, – говорилось в докладе, – находится в состоянии несовершеннолетнего в вопросах распоряжения даже своими средствами, благодаря тому, что административная опека парализует всякую инициативу по хозяйственным вопросам», Городская управа просила «совершенно» освободить городское общественное управление от этой опеки, подчинить ему городскую полицию[28].

Политизация дум встревожили власти. Министерства внутренних дел циркуляром 12 апреля 1905 г. напомнило думцам, что предлагаемые ими проекты не должны содержать «незаконных и антиправительственных высказываний» и что по закону они не имеют право превращать заседания в публичные собрания. Думцы на это отвечали, что Городовое положение оставляет за ними право решать, приглашать посторонних или нет, а симбирцы, к тому же, демонстративно постановили во время заседаний держать двери открытыми[29].

6 августа были опубликованы проекты закона об учреждении Государственной думы (в просторечии «Булыгинской Думы») и «Положение о выборах в Государственную Думу». Компетенция Думы ограничивалась предварительной разработкой и обсуждением законодательных предположений и рассмотрением росписей государственных доходов и расходов. Прерогатива издания законов оставалась за царем. По крестьянской, землевладельческой и городской куриям устанавливались многоступенчатые выборы. Рабочие и часть городской «нецензовой» интеллигенции право голоса не получали. Умеренные либералы Самары с воодушевлением восприняли указы о «Булыгинской Думе» и в конце августа 1905 г. образовали «Конституционную лигу», в программном заявлении которого говорилось, что «Лига» выступает за всеобщее, равное, тайное избирательное право, за полновластную законодательную Думу.

Большинство земцев-либералов указами о булыгинской Думе не были удовлетворены. 6-7 августа в Самаре проходил первый областной земский съезд. Поскольку власти запрещали подобные собрания, для проведения съезда была нанята небольшая крытая прогулочная баржа, которую возил пароходик. На этой барже, крейсировавшей по Волге, собиралось почти 40 либералов, представители Самарского, Саратовского, Симбирского, Уфимского земств. После бурных прений большинство высказалось за бойкот «Булыгинской Думы». Предложения о «земской забастовке» и призыве к неплатежу налогов большинство съезда отклонило. Зато его участники решили обратиться к народу с воззванием не давать рекрутов[30]. Поскольку земства имели собственную многоканальную систему связей с крестьянством, средними слоями города, решения съезда в краткий срок дошли до самых отдаленных деревень и стали одним из весомых факторов антиправительственной агитации. Городские думы приветствовали «Булыгинскую думу» как «первый почин в деле призыва общественных сил служению Родине» и высказывали пожелания существенно увеличить представительство в ней депутатов по городской курии[31].

В октябре 1905 г. страсти накалились. Городской голова Самары 12 октября призвал гласных добиваться созыва Учредительного Собрания и на этом закрыл заседание. Неожиданную прыть проявили ставропольские думцы. Они, обычно аполитичные и законопослушные, в ноябре 1905 г. высказались за участие в выборах в городскую думу всех жителей Ставрополя и направили соответствующее ходатайство на имя министра внутренних дел, который ответствовал, что «данный вопросбудет рассмотрен». Инициатива ставропольских думцев получила всероссийский резонанс[32]. Симбирское земцы после опубликования Манифеста 17 октября обратились к императору с телеграммой, в которой приветствовали провозглашенные Манифестом демократические начинания, и добаляли, что необходимо расширить самостоятельность земских учреждений, предоставить право участия в местных органах самоуправления представителям всех социальных слоев общества. Во время работы Государственной Думы гласные земств региона активно обсуждали законопроекты, касающиеся местного самоуправления: о мелкой земской единице, о соотношении функций местных учреждений в уезде, о земском избирательном законе.

Болезненно реагировали земцы Среднего Поволжья и Заволжья на крестьянские волнения. Одни считали их следствием бездействия властей, другие призывали навести порядок силой, но все говорили о необходимости немедленно начать аграрных преобразований. Осенью 1905 г. все земства практически единогласно приняли решение, чтобы не усугублять «озлобление» крестьян, не взыскивать с них недоимки по земским сборам. С зимы 1905 г. земцы постепенно, но неулонно отходят от радикального либирального фразерства и сосредотачиваются на хозяйственной повседневности. На сессии Саратовского земства, проходившей в разгар крестьянских волнений Д.А. Олсуфьев, В.Н.Ознобишин и другие, поддержанные П.А. Столыпиным, обвинили либеральных гласных и «третий элемент» земства в

потворстве «грабительским устремлениям крестьян». Большинство согласилось с ними. На выборах 1906–1907 гг. в земства проходили октябристы и консерваторы.

В разгар политического противостояния, думцы Среднего Поволжья и Заволжья не уклонялись от решения насущных хозяйственных проблем. Самарская городская дума на заседании 26 октября 1905 г. обсуждала такие вопросы, как аренда торговых мест, оплата труда землекопов, неправильная эксплуатация городской земли, сданной купцу Федорову под фабрично-заводские заведения[33]. На следующем заседании самарские думцы рассмотрели 22 вопроса, главным образом, об аренде городской земли, о расходах и т.п.[34]. В повестках дня других городских дум значились подобные, а часто точно такие же вопросы. Пензенские думцы с 1904 г. размышляли о цене и условиях освещения улиц города. Наконец, 14 декабря 1905 г. они разрешили городской управе подписать договор с владельцами частной электростанции Ф.И. Титовым и Я.М. Мильманом об устройстве электрического освещения, вначале на главной, а затем и на соседних улицах города. К 1910 году в Пензе насчитывалось 6 электрических, 51 керосинокалильный, 868 обыкновенных керосиновых фонарей. Об электрическом освещении улиц и домов в Симбирске задумались в 1890-х годах, но дело долго тормозилось отсутствием денег и сдвинулось с мертвой точки лишь в начале XX века. На заседании городской думы 18 января 1905 года выслушали доклад городского головы М. Волкова «о рассмотрении проектов устройства электрического освещения в связи с элеватором к Волге» и постановили доклад принять к сведению, отпечатать разослать гласным. Однако и после этого дело шло ни шатко, ни валко. И только в 1910 г. дума засучила рукава, разместила облигационный займ, утвердила проекты, 27 января 1911 г. поручила главному архитектору города Ф.Е. Вольсову создать проект здания электростанции, закупить оборудование фирм «Эдиксон» и «Сименс и Гельске». 1 января 1913 года электростанция была введена в эксплуатацию. На освящение прехала масса почетных гостей, играл оркестр, пили шампанское, произносили речи. Губернатор А.С. Ключарёв «одобрил желание городской думы и управы превратить Симбирск из города грязи и пыли в культурный уголок». На другой день газета «Симбирянин» высоким штилем описала событие, закончив словами: «Заёмные миллионы нашли хороших финансовых исполнителей»[35]. Два трехцилиндровых агрегата «Дизель» обладали мощностью в 230 лошадиных сил каждая. Электроэнергии от них хватало на, примерно, четыре тысячи лампочек 330 абонентов и 75 уличных фонарей. Обывателям киловатт-час обходился по 25 копеек. Столько же платили промышленники в часы максимальной загрузки станции, а в дневное и позднее время – по 12,5 копеек за киловатт-час. В первое время свет давали с четырех дня до четырех ночи. По настоянию городского головы Л.И. Афанасьева, свет стали давать до семи часов утра. Самарская дума в августе 1905 г. разрешила финансировать установку 32 фонарей системы Галкина для освещения Воскресенской, Саратовской, Нико-

лаевской, Соборной, Троицкой и Самарской улиц. За установку каждого фонаря М.М. Чубаков запросил с нее по 160 рублей[36].

Большое внимание уделялось водопроводу. В январе 1905 г. Самарская дума утвердила смету расходов на изготовление новых купонных листов к облигациям городского водопроводного займа в размере 400 тыс. руб.[37]. Она, и все другие городские думы региона, постоянно возвращалась к сюжету «о злоупотреблении по расходованию бесплатно отпускаемой городским водопроводом воды», и, в конце концов, пришли к выводу о желательности установления водомеров в помещениях и взаведениях с двигателями, и взимания платы (от 30 руб. до 60 руб.) с булочных, аптек и других заведений[38].

Особое внимание власти и местное самоуправление уделяли профилактике пьянства. Энергично «трезвенную кампанию» вела Самарская дума. О пьянстве в городе говорили задолго до 1905 г. и долго после 1905 г. Вот выдержка из заявления гласных городской думы Сенаторова, Челышева, Шишкина и Савельева: «Каждому из нас известно, что в праздники мимо тех домов, где помещаются трактирные заведения, портерные лавки, особенно мимо последних, положительно нет прохода, не только женскому полу, но и мужскому. У каждого из этих заведений на тротуарах, на далекое расстояние, прогуливаются пьяные толпы рабочих всякого цеха, хулиганов и горчишников, а около винных лавок по обе стороны их помещений и на противоположной стороне, тоже на тротуарах и в подъездах домов, распивается водка из посуды через горлышко прямо на улице: тут пьют старики, юноши и женщины, не стесняясь проходящих граждан. Напиваясь на улице, некоторые тут же сваливаются в бесчувственном состоянии и валяются в самом безобразном виде, а те, которые еще не свалились, по адресу проходящих, в особенности же по адресу женского пола, посылают самые отвратительные площадные выражения». Далее живописались драки, и предлагалось просить господина «министра внутренних дел» издать правило о закрытии всех заведений, торгующих крепкими напитками, и винных лавок в церковные и другие праздники, в день освобождения крестьян от крепостной зависимости 19 февраля, в дни рождения и тезоименитств императора, императрицы и наследника[39].

В последующие годы антиалкогольная эпопея развивалась крещендо. Запрещение торговли вином в праздничные дни вызвало недовольство трактирщиков. Они весьма поэтично оформили свое ходатайство. Приведем из него небольшую выдержку: «Простолюдин, т.е. крестьянин и рабочий, во время выпивки склонен к общению, к приятным разговорам, к беседе со знакомыми и даже незнакомыми. Все это он может получить в трактире, где есть обстановка, столы, стулья, закуска, столь нужная при выпивке, и ничего такого нет в казенных винных лавках, где говорят, что «получай водку, плати деньги и уходи». От поэзии они переходили к суровой прозе: «Мы вносили трактирный сбор в сумме 32000 руб. ежегодно»[40]. В Думе интересы виноторговцев лоббировал Е.Т. Кожевников, напиравший на несправедливость, даже ущербность решений Думы, поскольку торгов-

ля крепкими напитками в праздничные дни запрещена только в трактирах, но не в буфетах железнодорожной станции, клубов и собраний, отчего трактирщики несут большие убытки. Его поддерживал Е.И. Чернышев: «Таковое воспрещение вело к чрезвычайному развитию всюду бесплатной торговли вином». Дума оставалась непреклонной. Более того, по инициативе А.И. Михайлова она приняла решение добиваться запрещения продажи в праздничные дни крепких напитков и ходатайствовать перед губернатором о запрещении «всякого рода музыки и хорового пения» во всех заведениях, «торгующих таким зельем, поскольку все это ведет к разврату и спаиванию обывателя»[41].

Беспорядки в стране и городе втягивали городские думы в политический водоворот. На собрании Самарской городской думы 12 октября 1905 г. страстную речь произнес А.Н. Хардин. «В виду совершающихся событий, таких, как забастовка Самаро-Златоустовской и других железных дорог, – заявил он, – Думе следует рассмотрение вопросов, включенных в программу настоящего заседания, отложить до более благоприятного времени», а сейчас подготовить и послать телеграмму на имя царя о необходимости созыва Учредительного собрания. Большинство гласных онемело, или, словами радикального корреспондента «Самарской газеты», «затряслась от ужаса». Председательствующий немедленно объявил перерыв и пригласил всех на частное совещание. По его окончании заседания думы отложили[42].

Хаос в дни октябрьской забастовки внес смятение в души гласных городской Думы. Истинным облегчением для них был Манифест 17 октября, встреченный ими с воодушевлением[43]. Однако, до желанного покоя было далеко, на ноябрьском заседании 1905 г. А.М. Михайлов и П.П. Подбельский внесли ходатайство о созыве Учредительного Собрания «с целью успокоения брожения умов». За предложение голосовало 11 человек, против – 34. Дума постановила послать председателю Совета министров С.Ю.Витте телеграмму с просьбой о скорейшей реализации Манифеста 17 октября «находя его единственным средством успокоения брожения умов»[44]. И в дальнейшем городская Дума стремилась сохранить порядок и поддерживала губернскую администрацию. Примечательны в этом отношении дебаты на чрезвычайном заседании Думы 6-7 марта 1906 г. при обсуждении дополнительной оплаты казакам, солдатам, полицейским. Гласный Кожевников «вообще» протестовал против увеличения затрат на охрану города. В ответ А.А. Шешлов заявил, что «в настоящее время, когда в Самаре стало спокойно, благодаря казакам и войскам» Кожевников может с легкой душой протестовать против увеличения суммы на охрану. «Но, не дай Бог, – продолжал он, – снова повторятся смутные октябрьские дни, и городу без охраны не обойтись»[45].

Во второй половине 1906 г. в губерниях Средней Волги и Заволжья был введен военно-полевой суд, и тогда же они были объявлены на положении усиленной охраны. Теперь жизнь городов и сел регулировалась обязательными постановлениями губернаторов. Запрещалось оглашение или публичное распространение любых статей и сообщений, возбуждающих враж-

дебное отношение к правительству, распространение произведений печати, подвергнутых аресту, публичное восхваление преступных деяний, оглашение и публичное распространение ложных слухов о деятельности правительственных органов, должностных лиц, воинских частей, возбуждающих враждебное к ним отношение населения. Нарушителям грозил арест сроком до трех месяцев или штраф до 500 руб. Обязательными постановлениями запрещались стачки, а также насильственные действия, в том числе и на почве аграрных отношений, подстрекательства к забастовкам, самовольному захвату чужой земельной собственности, снятия под угрозою или силою рабочих с полевых работ[46].

Большинство обязательных постановлений были связаны с благоустройством, ограждением обывателя от хулиганов, организацией выборов в Государственную Думу. В Самаре обязательным постановлением определялись меры по наведению порядка в Струковском саду, который во время гуляний, особенно в праздничные дни, становился «ареною всевозможных беспорядков и диких выходок местных хулиганов». Губернатор был серьезно обеспокоен тем, что горожанам, пришедшим в сад, приходится слышать и созерцать «неистовый крик, свист, циничные шутки, сопровождаемые площадной бранью, ссоры и драки». Обязательными постановлениями определялись правила продажи газет, журналов и прочих произведений печати в Самаре, устройство тротуаров, обеспечение времени работы и нормального отдыха служащих торговых и торгово-промышленных заведений[47]. В 1907 г. в Самаре, Симбирске и других городах были учреждены адресные столы, что затруднило жизнь революционеров и люмпенов, склонных к девиантному поведению.

Городские думы отмежевывались от либеральных влечений, сосредотачивались на повседневных проблемах, поддерживали местную администрацию в наведении порядка. На другой день после убийства И.Л.Блока на экстренном заседании Самарской думы гласные почтили его память, а через год учредили стипендию его имени, отметив, что: «И.Л.Блок за время управления нашей губернией успел снискать себе симпатиями граждан, как губернатор и как человек»[48]. Конфликты порождались, как стремлением властей к патриархальной опеке, так и желанием Дум явочным порядком расширить пределы своей компетенции, уменьшить расходы городской казны за счет государства. Можно только удивляться тому упорству, с каким, тихой сапою, гласные пытались добиться своего. Пример того затянувшийся на годы спор о ночных караульщиках г. Самары. В начале 1905 г. Дума приняла решение об изъятии ночных караульщиков из ведения полиции и передаче их в распоряжение городской управы. Губернатор в ответ «дал знать», что «надзор за ночной охраной уже был в ведении городской управы и дал очень плачевные результаты» и «следовательно, переход к неудавшемуся уже на практике порядку представляется совершенно не в интересах дела и городского населения и поэтому не может быть им допущен впредь до пересмотра правил 1899 года»[49]. Несмотря на всю резонность аргументации губернатора, Дума стояла на своем.

В ноябре 1906 г. к злополучной теме вернулись в очередной раз. К тому времени в городе было 144 ночных сторожа (по числу пересечений улиц), на содержание которых город выделял 25920 руб. Пользы от них, по мнению Управы, было мало, поскольку «обязанность караульных занимают преимущественно старики – силам и энергии которых более доступно охранять город от воробьев, но не городские улицы от воров, всяких нарушителей уличной тишины и порядка». Гласные решили организовать конную охрану из 80 демобилизованных военных, с оплатой – 360 руб. в год каждому и обратиться с ходатайством к министру внутренних дел о снабжении их винтовками за счет казны[50]. Думское красноречие было шито белыми нитками. Гласные хотели одним выстрелом убить двух зайцев: подчинить стражу городу и сократить расходы на нее за счет казны. Губернатор энергично настаивал на подчинение караульщиков, пеших ли, конных ли, полицмейстеру. Городская управа в 1907 г. сманеврировала: согласилась с подчинением караульщиков полицмейстеру, но с условием, если Дума будет недовольна конной стражей, «то она оставляет за собою право во всякое время охрану эту по своему усмотрению заменить пешими ночными караульщиками». Состоялась оживленная дискуссия. Многие гласные горячо говорили, что конная стража ничего хорошего не дала, ни тогда, когда подчинялась полиции, ни когда подчинялась городу. К тому же, если раньше были, хотя и старые, и вооруженные дубинками караульщики, то «ныне никого нет». По убеждению гласных стража могла соответствовать своему назначению только под надзором городского самоуправления. Они заявляли: «…необходимо или совсем изъять ее из ведения полиции, или допустить город к совместному с полицией распоряжения ею». Большинство все же склонялось к тому, что надо подождать[51]. Так это дело и тянулось еще несколько лет.

Весьма нервно реагировали Думы на любые, по их мнению, неосновательные, попытки покуситься на городские финансы. В начале 1906 г. самарская полиция просила Городскую думу ассигновать соответственную сумму на перевооружение. Гласный П.П. Подбельский высказался категорически против ассигнований, аргументируя это так: «Город и без того достаточно тратит на содержание казаков, солдат и той же полиции, хотя результатов от этого он не видит». А по поводу желания руководства полиции заменить устаревшие револьверы современными «браунингами», – ядовито заметил, «что назначение полиции не истреблять людей, а предупреждать насилия и преступления и охранять спокойствие обывателей», что, по его мнению, с успехом можно делать и старым оружием. С ним был солидарен и городской глава. Большинство, однако же, после перепалки, голосовало за то, чтобы взять для полиции оружие из артиллерийского склада, но бесплатно, с тем, чтобы впоследствии оплатить испорченное. По жалобе полицмейстра Губернатор, к которому полицмейстер обратился с жалобой, увещевал Думу, указывая, что все 225 шашек, которые имели полицейские, железные и зазубренные, револьверы устаревшие, «как шашки, так и револьверы к употреблению совершенно непригодны». Ссылаясь

на закон, он предложил думцам выделить соответствующие средства, но те стояли на своем[52]. Дело приобрело скандальный характер. Министр внутренних дел 24 марта 1906 г. телеграфировал губернатору: «Благоволите настоятельно потребовать от Самарской Думы исполнения обязанности по вооружению городовых». После этого Думе пришлось отступить, но при этом она, вместо необходимых 5830 рублей, постановила выделить лишь 2054 рублей. Губернатор приостановил это решение. И только тогда Дума окончательно пошла на попятную[53].

Примерно так же обстояло дело с доплатой самарским городовым. В 1906 г. Дума дважды отклоняла их ходатайства. В сентябре того же года губернатор сообщил гласным, что околоточные надзиратели подают заявление об увольнении, «ввиду полнейшей невозможности содержаться на скудное содержание, ими получаемое». Городская управа считала нужным увеличить жалование, но за счет государственной казны[54]. Все-таки думцам, после долгих оттяжек, и на этот раз пришлось раскошеливаться.

Беспокоили городскую администрацию самовольные захваты городской земли под жилые постройки, участившиеся с 1905 г. На окраинах Самары в Солдатской слободке, Кавказе, Новом Оренбурге, Стрелке буквально за ночь вырастали избы без разрешения, без соблюдения правил строительного устава и норм санитарии. С большим трудом удавалось заставить захватчиков выплачивать за аренду городской земли, соблюдать правила застройки и городской санитарии. Так, 1 марта 1906 г. городская Дума поручила управе произвести выделение участков под жилые застройки за Панским переездом и Колесниковым оврагом и сдать их в аренду с торгов на 12 лет по цене 1,5 руб. в первом районе и по 1 руб. во втором. В сентябре 1907 г. Дума приняла решение об организации конной стражи для охраны городской земли от самовольных захватов. Губернатор это решение отклонил. К нему была направлена специальная депутация, которая сумела переубедить его. Захваты земли прекратились лишь в 1908 г., когда была создана конная стража[55].

1905-1907 гг. были исключительно насыщенными событиями, сложными для администрации и местного самоуправления губерний Среднего Поволжья и Заволжья. В политических катаклизмах они сумели сохранить органическое чувство безопасности, стремление к порядку. Кругозор местной администрации и органов местного самоуправления расширился, они отчасти преодолели свойственную им политическую беспечность. Вместе с тем, отщепенство от власти, свойственное интеллигентскому обществу, коснулось и местного самоуправления. Это был весьма чреватый последствиями симптом.

Примечания

[1] Оренбургская газета. 1910, 20 октября.

[2] Самарские губернские ведомости. 1905, 8 января.

[3] Голос Самары. 1906, 1 февраля.

[4] Самарский курьер.1906, 1 января.

[5] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1905 г. Д.1877. Ч.45. Л.25.

[6] Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. № 10. С.114-122.

[7] Голос Самары. 1907, 12 января.

[8] Соломонов В.А. Императорский Саратовский университет. История открытия и становления (1909-1917). Саратов, 1919. С.38.

[9] Воронежцев А.В., Пиреев А.И. П.А. Губернатор П.А. Столыпин в зеркале документов (1903-1906). Саратов, 2007. С.18-20; Очерки истории Саратовского Поволжья. 2. Ч.2. (1894-1917). Саратов, 1999. С.94-99.

[10] Пиреев А.И. П.А. Столыпин – саратовский губернатор. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Саратов, 2000; Саратовский губернатор П.А. Столыпин в зеркале документов (1903-1906 гг.). Саратов,2007; Поздалов Б.М. Саратовский губернатор П.А. Столыпин в зеркале документов (1903-1906 гг.) // Отечественные архивы. М.,2008, №6.

[11] См. напр. Леонов М.И. Власть и общество Самары в начале XX в. //Известия академии управления: теория, стратегия, инновация. Самара, 2011. №6 (7); его же. Власть и общество Самары накануне Первой мировой войны (губернский город в первые годы думской монархии) // Гражданское общество и публичная власть: проблемы взаимодействия и управления. Самара, 2012.

[12] ЦГАСО. Ф.469. Оп. 1. Д.28. Л.11, 13.

[13] Известия Пензенского государственного педагогического университета. Пенза, 2008. №10. С.63-64.

[14] ГАРФ. Ф.124. Оп.12. 1903 г. Д.1044. Л.97; 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С.542-543.

[15] 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С.542-543.

[16] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1906 г. I отд. Д.3. Ч.18.Л.5.

[17] Там же. Л.18.

[18] ЦГАСО. Ф.468. Оп. 1. Д.598 Т. Л.3, ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1906 г. I отд. Д.322. Л.13.

[19] ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп. 1906 г. I отд. Д.725. Ч.95. Л.39; ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.1631.

[20] Адрес-календарь Самарской губернии на 1906 г. Самара, 1906. С.54-56.

[21] Кузнецов В.Н. Pro et contra.Жандармы и революционеры Поволжья в1906-1917 гг. Ульяновск, 2007. С.10-14.

[22] Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов // Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. Т.1. М., 2004. С.198-224.

[23] Корелин А.П. Объединенное дворянство как политическая организация (1906-1917) // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.,1905. С.47; Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900-1917. М.,2003.

[24] Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч.1. С.611.

[25] Самарская газета. 1905, 25 октября.

[26] Самарская газета. 1905, 23 января.

[27] Исключительное четырехлетие. Краткий обзор деятельности самарского городского Общественного Управления в 1905-1907 гг. Самара, 1909; ЦГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.170-172; Самарская газета. 1905, 10 января.

[28] Там же. Л.156-164.

[29] Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX-XX вв. Самара, 2007. С. 86-88.

[30] Протопопов Д. Из недавнего прошлого // Русская мысль. 1907. №12. С.7.

[31] Михайловский А.Г. Как лучше устроить городскую жизнь. М., 1906. С.123.

[32] ЦГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.803. Л.24, 16.

[33] ЦГАСО. Ф.172. Оп.1. Д.171. Л.172.

[34] Самарская городская дума. Журнал городской думы за 1905 год. Самара, 1905. С.819-833.
[35] Симбирянин. 1913, 2 января.
[36] ЦГАСО. Ф.172. Оп.1. Д.175.
[37] ЦГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.172. Л.119-123.
[38] Там же. Л.119.
[39] Там же. Л.589-590.
[40] Там же. Л.315-318.
[41] Там же. Л.24-25, 32-33, 245-246, 338-339.
[42] Там же. Л.807; Самарская газета. 1905, 28 октября.
[43] Самарская городская дума. Журналы городской думы за 1905 г. С.811.
[44] Там же. С.864-865.
[45] ЦГАСО. Ф.170. Д.175. Л.71.
[46] Там же. 1907, 23, 25 июня.
[47] Там же. 1907, 21 июля, 24 августа, 5 сентября, 24 ноября.
[48] ЦГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.175. Л.260; Д.178. Л.246.
[49] ЦГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.172. Л.277-278, 456-457.
[50] Там же. Д.175. Л.260.
[51] Там же. Д.178. Л.14-15.
[52] Там же. Д.175. Л.73-74, 289.
[53] Там же. Д.175. Л.133, 172-173.
[54] Там же. Д.175. Л.310-314.
[55] Там же. Д.172. Л.7, 468; Исключительное четырехлетие. С.8-10.

В.А. Тюрин, Ю.А. Рогач*

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПРАКТИКИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ГОРОДАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В рамках исследования социокультурного пространства российской провинции важное место занимает проблема изучения условий жизни горожан, решение которой позволит не только раскрыть особенности частной жизни, но и составить представление о явлениях, оказавших влияние на формирование общественных настроений.

Условия жизни горожан во многом определялись их доходами. Источниками получения средств к существованию были: семейный капитал, наследование, доходы с недвижимости, ценных бумаг, от промышленного производства, торговая деятельность, занятия ремеслами и промыслами. Все это определяло материальное благосостояние, которое, в свою очередь, влияло на социальный статус, образование, семейные отношения, досуг и т.д. Служба в различных учреждениях, работа по найму и в услужении была для многих горожан основным способом пополнения личного или семейного бюджета. К числу источников получения дохода в городах также относились: огородничество, бахчеводство, земледелие, пчеловодство, особенно широко практиковавшиеся в уездных городах[1].

На основании данных бюджетных обследований рабочих, проведенных в конце XIX – начале XX в., было выяснено, что расходы на питание одного человека составляли в год в среднем 117 р.[2] Необходимые одежда и обувь обходились в 80 р. в год[3]. Годовая оплата за квартиру составляла не менее 180 р.[4] Таким образом, житель губернского города расходовал в год только на еду, одежду, оплату жилья, которые относились к основным, но не единственным статьям расходов, около 377 р.

Все население городов с точки зрения материального достатка можно разделить на несколько групп. Самую богатую категорию составляли отдельные помещики, купцы первой гильдии, преуспевающие промышленники, владевшие миллионными состояниями и получавшие значительный доход. Высокие доходы (они достигали 4000 р. в год) имели высокопоставленные чиновники и руководители ряда учреждений. Например, председатель Самарской губернской земской управы получал 3999 руб., члены управы по 3000 руб., директор больницы, доктор медицины – 3600 руб. в год[5]. Хорошо оплачивалась служба некоторых квалифицированных служа-

* © Тюрин В.А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории Самарского государственного университета, 2013

Рогач Ю.А. – кандидат исторических наук, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «"Обретение родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

щих местных коронных учреждений, специалистов, занимавших руководящие должности в структурах местного самоуправления (до 2500 р. в год).

Так, инженер Саратовской электрической станции получал в год 1500 р., старший врач и ординаторы Саратовской городской больницы соответственно – 1200 р. и 1020 р.[6] Рядовые служащие городских учреждений, обычные медицинские работники и учителя имели среднюю и ниже средней заработную плату, составлявшую от 300 до 600 р. в год[7]. Ниже среднего уровня были доходы у неквалифицированных мелких служащих, работников промышленных предприятий, поденщиков, людей, нанимавшихся в услужение. Заработная плата промышленных рабочих составляла в среднем около 200 р. в год[8]. При этом следует учитывать, что многие из них не считались квалифицированными работниками и получали заработную плату ниже среднего для данной категории уровня. Поденщики в зависимости от специальности и квалификации могли заработать в день от 70 коп. до 2 р. Чернорабочий-мужчина мог заработать в день от 60 до 80 коп., женщина – от 40 до 50 коп. Они выполняли следующие виды работ: размол зерна (с пуда платили от 4 до 7 к.), набивка куля мукой или насыпка крупой с ушивкой – от 3 до 8 к., и другие[9]. Эти люди не имели гарантии долговременной занятости, что сказывалось на стабильности доходов.

Наиболее распространенными сферами деятельности в Самарской и Саратовской губерниях соответственно являлись: работа по найму и в услужении – 23 и 25% горожан; в сфере обслуживания – 20 и 21%; на промышленных предприятиях – 12 и 14%; в торговле – 11 и 10%; занятие земледелием – 9 и 5%; военная служба – 3 и 4%; в управлении – 3 и 2%. В сфере науки, литературы, искусства – по 0,2%[10].

Важным показателем условий жизни населения является удовлетворение запросов, связанных с питанием. Его можно оценить, сопоставив зарплаты отдельных категорий населения (например, рабочих) с годовым потреблением продуктов и ценами на них. На мясные продукты, растительное масло, яйца, сахар, картофель, хлебные изделия рабочий тратил в год около 33 р. На самом деле, сумма расходов на питание была значительно выше, поскольку в связи с неполными данными не рассмотрен объем потребления круп, фруктов, молочных и некоторых других продуктов. При этом рабочий, как правило, содержал семью, которую также нужно было кормить. Согласно статистическим данным, одинокий рабочий расходовал на питание от 108 до 120 р. в год, рабочая семья – от 72 до 108 р.[11] Однако помимо питания существовали и другие статьи расходов: одежда, оплата жилья и прочее. Так, в Самаре в 1895 г. пошив форменного пальто стоил от 5 до 7 р., сюртука – от 4 до 6 р., брюк – от 1,5 до 2 р. Резиновые полуботинки можно было купить в среднем за 2,6 р.[12]

Население широко пользовалось услугами железнодорожного транспорта. Стоимость проезда по железной дороге зависела от расстояния и от класса, в котором ехал пассажир. Например, цена билета от Сызрани до Самары колебалась в пределах от 4,31 до 1,68 р., а от Самары до Оренбурга – от 19,05 до 7,3 р. Такса на услуги извозчиков в (зависимости от времени и рас-

стояния равнялась 20-45 к., а проезд по городу в течение дня стоил 3 р. Почта и телеграф предоставляли горожанам несколько видов услуг. Пересылка закрытого простого письма обходилась в 7 к. за лот, открытого – в 3 к., бандероли – по 2 к. за каждые четыре лота; посылки, в зависимости от веса и расстояния пересылки – от 20 к. За отправку телеграммы взимали 15 к., плюс к этому пословная плата, которая в пределах европейской России равнялась 5 к. за слово[13].

В бедных семьях, как правило, работал не только глава семьи, но и жена, и даже дети. Более состоятельные горожане могли позволить себе существенные траты, но что касается питания, то, как отмечал Р.Кабо, объем потребляемых продуктов с увеличением доходов горожан изменялся незначительно. Изменение соотношения растительной и животной пищи в рационе бедных, зажиточных и богатых категорий населения оказывалось гораздо более заметным. К низшей группе исследователь отнес рабочих, ремесленников и прислугу; к средней – служащих, чиновников, духовенство; к высшей – фабрикантов, торговцев. Так, представители высшей и средней групп потребляли меньше крупы, картофеля и овощей, чем входившие в низшую группу. В то же время в двух первых группах потребление сахара и продуктов животного происхождения значительно превышало показатели по низшей группе (мясо, молоко, рыба – более чем на 50%)[14]. Ведомости на товары позволяют также получить информацию о наиболее распространенных в то время продуктах питания и соотношении цен на них в разных городах. Рацион горожан рассматриваемого периода включал мясо, мясные продукты, хлебобулочные и макаронные изделия, крупы. На городских рынках в широком ассортименте имелась рыба – осетрина, стерлядь, судак, щука, сазан, караси. К основному рациону питания относились также яйца, молочные продукты, грибы, мед и орехи, специи. Распространены были овощи, фрукты, ягоды. Капуста, огурцы, арбузы продавались зимой в соленом, моченом, квашеном виде. Распространенным колониальным товаром являлся чай, средние и зажиточные слои населения часто покупали кофе и шоколадные изделия[15].

Необходимые товары горожане приобретали на рынках, в лавках, магазинах и во время ярмарок. В отдельных городах существовали свои особенности в организации торгового дела. Губернскую Самару по праву можно назвать «торговым раем» – огромное количество лавок, магазинов, рынков было равномерно распределено по всему городу. На улице Дворянской (населенной в основном городской элитой) располагались магазины, рассчитанные на богатых покупателей[16]. Магазины и лавки центральных улиц города доставляли широкий ассортимент самых разнообразных товаров (начиная с привычных вещей и заканчивая экзотическими колониальными товарами и последними техническими новинками). Владельцы магазинов соперничали друг с другом не только в ассортименте товаров, но и услуг. Например, в магазине Шанина в Самаре покупателям предлагался большой выбор фотографических аппаратов и необходимых к ним принадлежностей. Особо подчеркивалось, что при покупке фотоаппарата да-

вались бесплатные консультации по правильному его использованию. Здесь же продавались и разнообразные современные электрические устройства: электрические звонки, телефоны, принадлежности для электрической сигнализации, предметы для освещения[17]. Кондитерская фабрика торгового дома «И.В. Каргин и А.А. Савинов», расположенная на Троицкой площади Самары, производила более 300 сортов кондитерских товаров, качество которых было «доведено до совершенства, при самых умеренных ценах»[18]. Казалось, владельцы торговых заведений смогли предусмотреть все возможные запросы своих клиентов. Так, строительная контора инженера А.В. Бари в Саратове занималась реализацией различных паронагревательных агрегатов и американских весов, а в магазине И. Пестмаль на Немецкой улице продавались по «ценам самым умеренным» посуда, средства для стирки и возможные инструменты[19].

Магазины уездных городов часто ни в чем не уступали губернским, например, владельцы царицынского магазина торгового дома «Н. Титкин и Николаев» в рекламе своего заведения обещали обеспечить домашнее хозяйство всеми необходимыми товарами – от железной и эмалированной посуды до хрусталя, алмазов, мягкой мебели, венских стульев и мраморных умывальников. Поставка товаров в магазин осуществлялась «беспрерывно»[20].

Обширный список наименований товаров предоставлял покупателям расположенный в Царицыне торговый дом братьев Рудневых. Он включал всевозможные медные и кузнечные изделия для дома, а также краски и «мыльные припасы». Магазин Кругликова в Вольске занимался реализацией уже готовых и изготовлением на заказ дамских и мужских головных уборов. Если верить рекламе, смена фасонов происходила каждые три месяца в соответствии с заграничной модой. Естественно, что следить за модой и менять головные уборы каждые три месяца могли себе позволить далеко не все горожане, но магазин учитывал и более скромные запросы: здесь имелись, например, форменные фуражки и шапки для служащих всех ведомств. В уездных городах были представлены и экзотические товары, например в Бузулуке Самарской губернии существовал первый в России склад хвойника-эфедры М.П. Матвеева, который называли «Травой Кузьмина». Стоимость высшего сорта этого товара равнялась 5 р., а второго – 3 р. за фунт[21].

Не менее важен для изучения городской повседневности вопрос общественного питания. Если для обеспеченных горожан регулярное посещение ресторанов (трактиров) было частым вариантом проведения свободного времени, то основная масса населения городов не имела для этого необходимых денежных средств. На массового посетителя были рассчитаны чайные и столовые, имевшиеся во всех городах, например, в Самарской губернии в 1904 г. в Самаре их было 124, в Покровской слободе – 11, Ставрополе – 7.[22] Кроме того, организовывались бесплатные чайные и столовые для нуждавшихся категорий населения.

В городах в достаточном количестве имелись и питейные заведения. На протяжении всего XIX века спрос горожан на спиртные напитки непрерыв-

но возрастал, что явно негативно воздействовало на здоровье и моральный облик населения. Губернская власть и городское самоуправление Среднего Поволжья еще в 1860-е годы начали проявлять беспокойство по поводу чрезмерного потребления алкоголя[23]. Так, во «всеподданнейшем» отчете самарского губернатора Г.С.Аксакова за 1870 г. много внимания уделялось проблеме резкого усиления пьянства в Самарской губернии[24]. Действительно, статистика была неутешительной: в 1868 г. в губернии было выпито 40 654 ведра водки, в 1869 году – 177 572 ведра, в 1870 году – 664 254 ведра[25] (рост в 16 раз!), всего в губернии насчитывалось 5 652 места потребления и продажи алкоголя. Рассуждения Г.С. Аксакова о борьбе с пьянством были настолько обстоятельны и обличительны, что привлекли к себе внимание Александра II, который при ознакомлении с отчетом губернатора собственноручно начертал на документе: «Сообразить»[26].

Городовое Положение 1870 г. предоставило органам городского самоуправления важнейшее право регулировать число всех питейных заведений в городе. В результате, в 1870-х гг. в большинстве городов Поволжья произошло ограничение числа питейных заведений. Так, в ноябре 1875 г. по предложению симбирского губернатора Н.П. Долгово-Сабурова Симбирская городская дума резко сократила число питейных заведений – с 159 до 28, и увеличила взимаемый с них акциз[27]. Самарская городская дума также незамедлительно воспользовалась правом ограничения количества питейных заведений, в том же 1875 году.[28] Однако проблема не была решена полностью: в июне 1881 г. купечество города Самары обратилось к сенатору И.И. Шамшину, проводящему ревизию Самарской и Саратовской губерний с жалобой на «погреба русских виноградных вин», где процветала незаконная продажа водки, при этом разрешения на открытие этих заведений не требовалось. Всего подобных «погребов» в городе насчитывалось 165. Самарская городская дума, как и думы других городов Поволжья, ходатайствовала у министра внутренних дел о закрытии всех «погребов русских вин» в городе Самара, как это было сделано в Казани. Вопрос был решен созданием особой губернской комиссии под председательством губернатора, которая должна была отныне выдавать разрешение на открытие данного типа питейных заведений[29]. Таким образом, мы видим, что «поклонение Бахусу» было весьма популярным видом времяпрепровождения среди мужской части населения городов Среднего Поволжья.

Во все времена актуальным для городского населения был жилищный вопрос. На центральных, широких, замощенных улицах губернских центров располагались купеческие и дворянские особняки, однако наличие в них водопровода, парового отопления, электрического освещения и телефонной связи на рубеже XIX – XX вв. скорее было редкостью. Собственными домами, конечно, не такими роскошными, стремились обзавестись зажиточные мещане. При этом подавляющее число горожан вынуждено было пользоваться съемным жильем. Съем жилья был распространенным явлением даже в средних слоях населения – значительная часть городской интеллигенции (мелкие и средние чиновники, врачи, учителя, иные специа-

листы) снимали квартиры, иногда 4-6 комнатные. Выгодным купеческим бизнесом было строительство многоэтажных кирпичных «доходных» домов, состоявших из комнат для городской бедноты. Этот аспект повседневности ярко описан в произведениях Ф.М. Достоевского.

Рассмотрим типичные расценки найма недвижимости, которые колебались в зависимости от статуса города, района, в котором располагалась квартира, уровня ее благоустройства и количества комнат. В Самаре средние цены за месяц найма квартиры колебались от 15 до 100 р., в уездных городах губернии – от 4 до 75 р.[30] Некоторые учреждения практиковали выплату своим служащим «квартирных» денег. Так, месячное жалование помощника архивариуса Самарской губернской земской управы составляло 20 р., плюс 15 р. «квартирных»[31]. Приезжие, в зависимости от своих финансовых возможностей, останавливались в гостиницах, трактирах, на постоялых дворах. Существовали также частные и общественные ночлежные дома. Здесь, как правило, проживали те, кто приезжал на заработки. Общественные ночлежные дома, в отличие от частных заведений подобного рода, обычно соответствовали санитарным нормам. Переполненность помещений вынуждала постояльцев в летнее время ночевать во дворе. В Самаре и Саратове многие, приезжавшие на заработки, летом в любую погоду ночевали на берегу Волги в землянках, под лодками и в торговых рядах.

Мелкие чиновники, служащие, квалифицированные рабочие за счет жалования, с определенным трудом, обеспечивали себя и свои семьи основными продуктами питания и одеждой, другими необходимыми вещами, оплачивали наем жилья. В случае необходимости денежных трат сверх обычных, они сталкивались с ощутиӯмыми трудностями. Служащим различных учреждений, живущим в основном на жалование, средств часто не хватало. Об этом свидетельствуют заявления, адресованные начальству. В них содержались просьбы о выдаче определенных сумм в счет будущего жалования. Судя по заявлению гласного Саратовской городской думы В.И. Соколова, обращения учителей с подобными ходатайствами были привычным делом, так как многие из них нуждались в отдыхе и возможности уехать из города в летний период, «но, как люди бедные, они не имеют для того средств»[32].

Рассмотрим не менее важный аспект повседневности – оказание медицинских услуг. Объем медицинских услуг, предоставлявшихся в городах Среднего Поволжья, был явно недостаточным, несмотря на активную и успешную деятельность в этом направлении органов городского и земского самоуправления. Так в уездном городе Хвалынске Саратовской губернии первый врачебный пункт появился в конце 1860-х гг., в 1872 г. была организована первая земская больница, аптека появилась только в 1897 г., в уезде был лишь один врач. Отсутствие или недостаточность санитарно-гигиенической пропаганды приводили к процветанию знахарства. Наиболее сложное санитарное положение в Саратовской губернии сложилось в Царицыне, чему в немалой степени содействовали климат и чрезвычайная загрязненность города. В 1901 г. в здесь была одна земская больница на 40 крова-

тей, при ней состояли один врач и два фельдшера, имелись две лечебницы для приходящих больных, которые открывались всего на 3 часа в день. В городе находились больницы железных дорог и металлургического завода, но они обслуживали только работников данных предприятий. При этом население Царицына составляло 70000 чел., а городская больница отсутствовала. Если учесть, что в летний период численность пришлого населения в несколько раз увеличивалась, становится очевидным, что организация медицинского дела была недостаточной[33].

Всего в городах Саратовской губернии в 1902 г. насчитывалось 65 медицинских учреждений (1703 коек), работало 157 врачей (таким образом, на одного врача приходилось 2511 чел)[34]. В городах Самарской губернии в 1904 г. насчитывалось 16 больниц и приемных покоев (1152 коек), работало 100 врачей, на одного врача приходилось 1671 чел.[35] Конечно, это количество медицинских заведений было явно недостаточным, особенно в годы вспышек эпидемий.

В Симбирской губернии наиболее крупными медицинскими учреждениями являлись Губернская (Александровская) земская больница (350 коек), Городская бесплатная больница (37 коек), лечебница для приходящих[36].

В губернских центрах медицинские заведения были лучше укомплектованы специалистами, чем в уездных. Так, в 1902 г. на одного врача в городах Саратовской губернии приходилось 2511 чел. жителей, в уездах – 23395 чел. В среднем на одного городского врача приходилось 3444 больных в год, в то время как каждый уездный врач обслуживал по 5921 человек. В то же время на одного фельдшера в городах приходилось 2878 пациентов, в уездах – 7566 чел. Крайне недостаточным было оказание акушерской помощи: в 1902 г. в Саратовской губернии квалифицированную акушерскую помощь получили около 5% рожениц[37]. В числе медицинских специалистов, оказывавших помощь населению, находились также фармацевты, дантисты, оспопрививатели.

Лечебные заведения в городах были различных типов: больницы, лечебницы, приемные покои, родильные дома. Их финансирование осуществляли те ведомства, к которым они принадлежали. В городах имелись также аптеки. Наибольшее разнообразие медицинских учреждений было в губернских центрах. Например, в Самаре имелись: земская больница с родильным домом, больница душевнобольных, бактериологическая станция и другие.

Не менее значимым для воссоздания повседневных моделей поведения является изучение досуга горожан Среднего Поволжья. Важное место в жизни высших и средних слоев городского общества отводилось музыке. В городах организовывались театральные представления, музыкальные вечера, танцевальные мероприятия, а также действовали различные музыкальные общества и хоры. Большую популярность имели литературно-музыкальные вечера, в которых участвовали любители и профессионалы. Заметный вклад в развитие культурной жизни Саратова внесли немцы, потомки переселившихся в Поволжье в XVIII в. колонистов. Благодаря им в городе

вошло в моду частное музыкальное образование, а затем при их активном участии была основана консерватория.

Среди низших и средних городских категорий огромной популярностью пользовались цирковые представления, конные бега и «синематограф». Цирковые представления обычно давались гастролирующими цирковыми труппами. Цирковые шатры устанавливались на городских площадях либо в специально приспособленных помещениях, например, театре-цирке «Олимп» в Самаре. В конце XIX века Самары и Саратова достигло и такое новомодное изобретение, как «синематограф». В Саратове кинематограф появился в 1897 г., фильмы демонстрировались в Городском театре, летнем театре Очкина, цирке Куткина. 26 мая 1898 г. состоялась первая премьера кинематографа в Самаре. Уже в 1910 г. на одной только Дворянской улице в Самаре располагались 5 крупных кинотеатров: биоскоп «Модерн», «Бомонд-Иллюзия», синематографы «Одеон» и «Унион», и самый крупный и современный электротеатр-биоскоп «Триумф», располагавшийся по адресу: ул. Дворянская (Куйбышева), 88[38].

Городской общественностью предпринимались попытки распространить культурные формы проведения досуга на простых горожан при помощи общедоступных народных чтений и народных театров. Особого внимания заслуживает Общедоступный театр в Саратове, открывшийся в 1897 г. Артистами в нем были не профессионалы, а любители. Его посетители – это в первую очередь рабочие и ремесленники, стоимость билетов составляла всего от 7 до 50 к. Спектакли по доступным для народа ценам начал показывать Городской театр Саратова. Для них отводились утренние часы и праздничные дни, и театр был, как правило, полон.

Новое каменное здание театра в Симбирске было построено местным помещиком М.Ф. Прянишниковым в 1879 г. Симбирский театр был одним из лучших в Среднем Поволжье и полностью удовлетворял театральные запросы местной публики[39].

К общедоступным способам проведения свободного времени можно отнести прогулки на свежем воздухе, а также народные праздники и связанные с ними гуляния. Праздничная культура горожан, как и другие стороны их жизни, была тесно связана с религией. Рассказывая о самых любимых населением религиозных праздниках – Рождестве и Пасхе, исследователь Е.Ю. Беляева отмечает, что «они находили отражение и в семейном быту горожан, и в ритмах общественной жизни города в целом»[40]. В эти дни горожане посещали церковные богослужения, затем праздники отмечались дома, в семье, позже устраивались народные гуляния.

С точки зрения удовлетворения потребностей населения в культурном проведении досуга, интересно рассмотреть вопрос о благоустройстве мест отдыха горожан. Досуг жителей провинциальных городов был организован везде практически одинаково. В зимнее время большинство мероприятий (лекции, представления, балы, вечера и прочие) по вполне понятным причинам проводились в закрытых помещениях. К числу мероприятий, проводившихся на открытом воздухе, относились гуляния, становившиеся

наиболее массовыми по праздникам (например, на Рождество, Масленицу, Пасху); посещение катков, где можно было не только просто покататься, но и принять участие в соревнованиях. В летнее время горожане старались как можно больше бывать на свежем воздухе. Для этих целей как нельзя лучше подходили общественные городские сады, в которых, как правило, имелись такие развлечения, как оркестр, местный клуб, буфет, летний театр. В Самаре самым популярным считался Струковский сад, в Саратове – сад под названием «Липки». Сады также имелись в уездных городах (например, сад Сапожникова в Вольске)[41]. В Царицыне была популярна «Конкордия», скромных размеров сад, находившийся на берегу реки Царицы. Здесь имелся буфет, а местный летний театр к всеобщему удовольствию ставил «оперетки». Обращали на себя внимание миловидные и со вкусом одетые царицынские барышни, благодаря которым увеселения в «Конкордии» проходили «чинно, благопристойно и вежливо», без скандалов[42]. Любимым местом гуляния камышинских обывателей был городской бульвар, расположенный в юго-западной части города на берегу Волги в местности под названием «тычок», здесь имелись летний клуб и сцена, на которой выступали рассказчики и музыканты.

В Самаре имелось четыре общественных сада и несколько скверов. Самым большим и благоустроенным из них был Струковский сад, который называли «лучшим из общественных садов Поволжья»[43]. Долгое время он был любимым местом отдыха горожан в теплое время года. Красивые аллеи, цветочные клумбы, фонтаны, бильярды, кегельбан, тир, воксал с оркестром, ресторан, летний театр должны были удовлетворять разнообразным потребностям самарской публики в отдыхе и развлечениях. Здесь можно было полюбоваться как замечательным видом Волги, так и нарядами самарских дам. В Самарской губернии сады также существовали в Бугуруслане, Новоузенске, Ставрополе и Бузулуке. Одним из самых распространенных видов отдыха в теплое время года были выезды на природу. Окрестности Самары привлекали местных жителей и производили приятное впечатление на приезжих своими просторами и живописными видами.

Губернский Симбирск, общепризнанный «дворянский город», славился не только видом на Волгу с возвышающегося «Венца», но и прекрасными городскими садами и бульварами. Одним из первых, в 1801 г., в Симбирске был обустроен Александровский сад. В 1824 году в этом саду император Александр I «кушал чай» в специально сооруженной для этого палатке. Во второй половине XIX в. этот сад пришел в запустение. В 1837 г., согласно указаниям, данным императором Николаем I во время посещения Симбирска, был устроен Николаевский сад. В конце XIX в. он стал самым любимым местом прогулки горожан. Два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам, сюда собиралось, по вечерам, все городское общество, привлекаемое оркестром полковой музыки, и хором песенников. В саду имелся вокзал с буфетом, с террас открывался прекрасный вид на Волгу. В конце XIX в., после масштабного облагораживания волжского склона и прилегающих

территорий, новыми местами массовых гуляний стали бульвар на «Венце» и Владимирский сад[44].

Одним из видов развлечений в конце XIX в. были кулачные бои. Судя по переписке саратовского губернатора с полицейскими и уездными чиновниками, подобные забавы властью не приветствовались. В 1890 г. саратовский губернатор направил секретное предписание полицмейстеру и уездным исправникам выяснить и сообщить, соответствует ли информация о кулачных боях действительности. Полицейские чины рапортовали, что подобные случаи действительно имеют место. Уездный исправник Балашовского уезда отмечал, что, по его мнению, кулачные бои – «невинная народная гимнастическая игра, способствующая с одной стороны развитию физической силы, проворности и ловкости, а с другой – помогающая плохо одетой крестьянской молодежи согреваться во время праздничного гулянья»[45]. В Самарской губернии кулачные бои проводились не только в сельской местности, но и в городах.

Таким образом, изучение занятости как важнейшего аспекта повседневности показало, что большая часть горожан трудились в сферах ремесла, торговли или обслуживания, при этом уровень их дохода был определяющим фактором формирования условий жизни и повседневности. Исследование показало высокую неоднородность и даже контрастность в имущественном положении и повседневной жизни отдельных классов, сословий, социальных и профессиональных групп городов Среднего Поволжья. Более того, в губернских центрах изучаемого региона уровень имущественной дифференциации был даже выше общероссийского, благодаря процессу бурного экономического роста Поволжья на рубеже XIX – XX вв. и формированию слоя новой буржуазии.

Развитие сферы досуга и культуры в губерниях имело общие тенденции, однако в Саратове и Симбирске социокультурная инфраструктура сформировалась раньше, чем в Самаре. В Саратове имелись лучшие в провинции театр и художественный музей, а также консерватория. Симбирск выгодно отличался городским благоустройством, своими парками и бульварами. Самара отставала по количеству культурных заведений, но располагала замечательным городским парком и живописными пригородами. В целом культурная жизнь Самары отличалась высокой динамикой процессов и явлений. Городские власти и общественность Среднего Поволжья проявляли заботу об организации досуга жителей; не только в губернских, но и в уездных городах существовали общественные сады, театры, всевозможные кружки, клубы. Все категории городского населения в большей или меньшей степени были включены в традиционные и новые, разнообразные формы организации досуга. Кроме того, на рубеже XIX-XX вв. горожане демонстрировали тенденцию к повышению своего культурного и образовательного уровня, стремились к более культурным способам проведения свободного времени.

Примечания

[1] Рогач Ю.А. Социокультурное пространство городов Самаро-Саратовского Поволжья в конце XIX – начале XX в.: дис.… канд. ист. наук. Самара, 2006.

[2] Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900 - 1914 годах. Л., 1981. С. 130.

[3] Дегальцева Е. А. Повседневный быт населения Сибири во второй половине XIX - начале XX века // Вопросы истории. 2005. №10. С. 79.

[4] Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. Самара: Губернская типография, 1905. С. 142.

[5] Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 5. Оп. 18. Д. 413. Л. 13-14; Д. 512. Л. 14 об.-125; Д. 490. Л. 314-327; Д. 254. Л. 111.

[6] Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2175. Л. 32; ЦГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 177. Л. 2 - 8.

[7] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 5. Д. 22. Л. 4 -150.; ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 177. Л. 2-8; Ф. 831. Оп. 1. Д. 45. 1-4 (об.).

[8] ЦГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2175. Л. 32.

[9] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 10. Д. 443. Л.295, 486; Д. 557. Л. 616об.

[10] Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1904; Первая всеобщая перепись населения. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб., 1904.

[11] Крузе Э.Э. Указ. соч. С.130.

[12] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 10. Д. 443. Л. 582; ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 10. Д. 557. Л. 58 (об.).

[13] Вся Самара: Справочная и адресная книга. Самара, 1900. С. 54, 38-40, 45.

[14] Кабо Р. Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований). М., 1918. С. 26.

[15] ЦГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2175. Л. 38 - 38 (об.), 129 - 135.

[16] Монастырский С. Иллюстрированный спутник по Волге. Историко-статистический очерк и справочный указатель. Казань, 1884. Ч.II. С.214.

[17] Монастырский С. Указ. соч. Ч.II. С.14.

[18] Монастырский С. Указ. соч. Ч.III. С.61.

[19] Справочно-коммерческий спутник по городам Поволжья и Центральной России / Сост. С.Е. Лавров. Вып.1 Самара, 1900.

[20] Там же. С.6, 8.

[21] Там же. С. 4, 20, 23.

[22] Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. Самара, 1905. С.142-143, 149.

[23] Правительственный вестник. 1873. №4. С. 17.

[24] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 67. Д. 525. Л. 25-34.

[25] РГИА. Ф. 1284. Оп. 67. Д. 525. Л. 29.

[26] РГИА. Ф. 1284. Оп. 67. Д. 525. Л. 31об.

[27] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 137. Оп. 34. Д. 172. Л. 17.

[28] Журналы заседаний Самарской городской думы за 1875 год. Самара, 1875. №33. С. 4.

[29] Журналы заседаний Самарской городской думы за 1881 год. Самара, 1881. №25. С. 456.

[30] Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. Самара: Губернская типография, 1905. С. 142 - 149.

[31] ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 18. Д. 490. Л. 314 - 327.

[32] Протоколы заседаний Саратовской городской думы за 1890 г. № 17. С. 314 -315.

[33] Историко-географический словарь Саратовской губернии / Сост А.Н. Минх. Т.1. Саратов, 1901. С.1291.

[34] Статистический обзор Саратовской губернии за 1902 год. Саратов, 1903. С.24-25.

[35] Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 г. Самара, 1905. С.142-149.

[36] Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет существования. Симбирск, 1908. С. 129.

[37] Статистический обзор Саратовской губернии за 1902 год. С. 24 - 25

[38] Очерки истории Саратовского Поволжья. В 3 т. Т. 2. Ч. 2. С. 402.

[39] Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет существования. С. 267.

[40] Беляева Е.Ю. Самарская бытокультура рубежа XIX - XX вв. Дисс. … канд. ист. наук. Самара, 1995. С. 88.

[41] Монастырский С. Указ. соч. Ч.II. С.231.

[42] Там же. С 247.

[43] Монастырский С. Указ. соч. Ч.III. С.62.

[44] Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет существования. С. 65.

[45] ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.4956. Л.18 (об.).

Н.Н. Кабытова*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОМИТЕТЫ 1917 Г. КАК ФОРМА САМООРГАНИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ В ПОВОЛЖЬЕ

Современные историки, анализируя революционный процесс от Февраля к Октябрю 1917 г., по-прежнему упрекают Временное правительство в отрыве от народа и выдвинутых им общественно-политических объединений[1]. Однако, формы и методы взаимодействия «самостийных» общественных организаций с «временной» властью на местах изучены недостаточно.

Образованные на местах в первые дни революции общественные комитеты стремились побыстрее конституироваться. Временное правительство главными проводниками своей власти считало губернских и уездных комиссаров, а исполнительным комитетам отводило роль связующего звена между властью и обществом. Лавируя между стремлением к устройству твердой и ответственной власти в регионах страны и необходимостью учитывать общественное мнение, Временное правительство вынуждено было смириться с существованием комитетов. В ответ на многочисленные запросы с мест Министерство внутренних дел определило возможные источники их финансирования: «Средства государственного Казначейства могут отпускаться по сметам губернских и уездных управлений для содержания лишь тех органов или отделов исполнительных комитетов общественных организаций, которые по поручению Временного правительства или его представителей комиссаров выполняют функции органов правительственной власти на местах»[2]. Таким путем правительство попыталось контролировать процесс создания аппарата местной администрации.

Общественные исполнительные комитеты видели свое назначение в структуре новой власти иначе. Они стремились взять на себя всю организацию местных правительственных учреждений и осуществлять последующее руководство ими. Свои функции и задачи общественные комитеты в каждой губернии определяли самостоятельно.

Самарский Комитет народной власти был одним из самых активных и инициативных в Поволжском регионе. 5 марта 1917 г. его исполком избрал комиссию по выработке инструкции об организации власти в губернии и уже 7 марта заслушал составленный ею проект наказа по этому вопросу. В соответствии с ним «Временный комитет является в пределах Самарской губернии представителем и помощником Временного правительства с це-

---

* © Кабытова Н.Н. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «»Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

лью установления порядка и управления в интересах закрепления нового государственного строя»[3]. 10 марта на общем собрании Самарского Комитета народной власти был принят одобренный его исполкомом наказ, определявший компетенцию Комитета по организации власти в губернии. Для реализации этих задач 11 марта был избран новой председатель Комитета народной власти: осторожного кадета П.П.Подбельского сменил деятельный эсер К.Г.Глядков.

В соответствии с наказом исполком Комитета народной власти 15 марта 1917 г. принял постановление по реорганизации городского самоуправления следующего содержания: «1) Комитет народной власти выбирает из своей среды комиссариат из 9 человек, который руководит деятельностью городского самоуправления по всем вопросам городского хозяйства. 2) Решение всех важнейших вопросов городского хозяйства подлежит санкции исполнительного комитета народной власти. 3) Комитет народной власти приступает к выработке мер, которые должны обеспечить скорейшую подготовку реорганизации городского самоуправления на началах всеобщего, равного, прямого, тайного избирательного права»[4].

16 марта это постановление было утверждено на заседании Комитета. В связи с масштабностью стоявших перед Комитетом народной власти задач 24 марта был переизбран его президиум, который возглавили социалисты: председатель – эсер К.Г.Глядков, товарищи председателя – меньшевики П.П.Митрофанов, В.Л.Преображенский, В.С.Кайрович[5].

С начала марта 1917 г. в Самару стали поступать сведения о том, что «в уездных городах старые власти уже устранены, на их местах организованы временные комитеты общественной безопасности»[6]. В некоторых уездах прошли съезды делегатов, состав которых был весьма разнородным: выборные от волостных комитетов, представители старого чиновничества (от крестьянского поземельного банка, казны, удела). Они приветствовали новый строй и выражали надежду на демократизацию управления на местах.

С 25 по 29 марта 1917 г. в Самаре проходил съезд представителей от уездных комитетов народной власти. К началу работы съезда «съехались около 22 представителей от всех уездов, но, поскольку он созывался «при участии самарской группы народников», постепенно его состав увеличился до 158 человек[7]. Это были посланцы различных общественных организаций. Ставя своей главной задачей организацию власти в деревне, инициаторы созыва съезда объявили его I губернским крестьянским съездом. Учитывая популярность советов в массах, съезд призвал к их организации в уездах, а себя объявил губернским Советом крестьянских депутатов. Организаторы съезда – эсеры и народные социалисты составили исполнительный комитет губернского Совета крестьянских депутатов. Здесь же было принято постановление о вхождении исполнительного комитета крестьянского Совета в состав Временного Самарского Комитета народной власти, который стал называться губернским.

Самарский губернский Комитет народной власти, определяя свои функции, объявил, что он является организатором всех местных правительствен-

ных учреждений. Для этого он «стремится к скорейшему установлению связи местных правительственных учреждений с центром, принимает на себя руководство жизнью губернии во всех отраслях, изъятых из ведения правительственных аппаратов... берет на себя распределение продовольствия, урегулирование торговли, действуя в контакте с другими правительственными и общественными учреждениями. Для выполнения этих задач Комитет народной власти организуется на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»[8].

Сравнивая определенные Временным правительством весьма расплывчато полномочия губернских комиссаров и самопровозглашенные прерогативы Самарского губернского Комитета народной власти, мы отчетливо видим, что последний претендовал на приоритет в организации власти в губернии. В течение марта-апреля 1917 г. эти претензии Комитет реализовывал в жизнь. К.Г.Глядков 11 апреля 1917 г. сложил с себя полномочия председателя Комитета в связи с его реорганизацией, но 12 апреля был переизбран на этот пост. В обновленный президиум вновь были избраны представители советов: от Совета рабочих депутатов – меньшевик В.С.Кайрович, от Совета солдатских депутатов – меньшевик П.П.Митрофанов, от Совета крестьянских депутатов – эсер И.В.Мошков[9].

20 апреля на заседании исполкома Самарского губернского Комитета народной власти с участием представителей уездных комитетов были подведены итоги его организационного строительства. Признавая, безусловно, желательной организацию любой власти «на началах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права», собрание сочло возможным временно ограничиться представительством от уже созданных общественных структур. Временно в состав исполкома губернского Комитета народной власти ввели по 21 представителю от Совета крестьянских депутатов и уездных исполнительных комитетов[10].

11-12 апреля в Самаре проходило также совещание уездных комиссаров. На нем обсуждался вопрос о взаимоотношениях комиссаров с местными общественными организациями. По мнению собравшихся, «роль уездных комиссаров на местах свелась лишь к действиям передаточной инстанции, но не больше. Вся инициатива в административном отношении, как местной власти, всецело находится в руках исполнительного комитета. Связь же с уездной правительственной властью осуществляется через губернского комиссара. Все распоряжения Временного правительства, передаваемые губернским комиссарам к исполнению уездными комиссарами, последними передаются исполнительным комитетам. Встает вопрос о том, насколько необходима должность уездного комиссара». Было даже высказано опасение, что и предоставление комиссарам контрольных функций «внесет деформацию в жизнь местных учреждений, созданных на началах широкой общественности». В ответ последовали возражения, что «речь об оставлении или упразднении должности уездных комиссаров могла иметь место лишь в том случае, если бы это явление рассматривалось как постоянное. Сейчас же переходное время. Все современные организации носят в

некоторых случаях захватный характер, а в общем не всегда отвечают принципам полного и справедливого представительства всего населения. Вот поэтому необходимо иметь такую власть, которая заполняла бы разрыв между отдельными организациями по самоуправлению. В особенности необходима такая связь в нынешний переходный момент перед созывом Учредительного Собрания, когда местные самоуправления переживают стадии организации и начинания их представляются несогласованными и разрозненными. Вопрос о том, в какую окончательную форму выльется государственное управление и, в частности, местное самоуправление, разрешится Учредительным Собранием. В настоящее время представители правительства в лице уездного и губернского комиссаров необходимы как для того, чтобы проводить на местах директивы центральной власти, следить за закономерностью действий местных органов власти, так и для того, чтобы осведомлять центральное правительство об организационной работе местных исполнительных комитетов». Итог данных прений поразителен: совещание пришло к заключению, что «комиссары как единоличная власть существовать не могут», т.к. «при современном положении дел им не может быть достаточным образом обеспечен известный авторитет. Поэтому как при губернских, так и уездных правительственных комиссарах должны быть образованы коллегиальные советы»[11]. Итак, в организации новой власти в Самарской губернии комиссары Временного правительства явно проигрывали Комитетам народной власти и поэтому не претендовали на ведущую роль, добровольно передавая ее в руки общественных представителей.

Еще более оригинальная ситуация сложилась в Саратовской губернии. Здесь общественный городской исполнительный Комитет в течение месяца с небольшим был властью в Саратове. Поскольку губернский комиссар являлся выдвиженцем ОГИК и только благодаря его настойчивости был утвержден в должности Временным правительством, он не мог противодействовать самостоятельности и инициативе уездных общественных комитетов. Утвердив свое лидерство в городе, Саратовский ОГИК приступил к выработке системы соподчинения власти в губернии. Уже в середине марта на конференции городских исполнительных комитетов Саратовской губернии обсуждался вопрос об использовании труда военнопленных в семьях крестьян, призванных на фронт[12].

26-29 марта 1917 г. состоялся съезд представителей уездных и городских исполнительных комитетов Саратовской губернии. Обсуждая задачи и функции комитетов, съезд выступил в качестве законотворческого органа, утвердив прерогативы местной власти на переходный период. В его резолюциях детально разработана система власти, соподчиненность всех ее структур на уровне губернии, указаны направления демократизации органов самоуправления, определен порядок выборов в общественные комитеты. Съезд признал безусловными «органами местного управления губернский, уездные, волостные и, где это по местным условиям окажется нужным – городские, сельские и поселковые исполнительные комитеты». Высказано

было пожелание реорганизации комитетов на основе пропорционального представительства всех слоев населения. Рассматривая себя как временные организации, исполнительные комитеты определили срок своих полномочий до выборов в «местные самоуправления... на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права»... На съезде было закреплено право исполнительных комитетов «избирать соответствующих комиссаров, которые будучи исполнительными органами комитетов, действуют, руководствуясь их постановлениями и директивами... По делам местным комиссары подчинены только местным исполнительным комитетам»[13].

Постановления съезда не были просто декларацией с претензиями на власть одной из общественных структур, возникших в ходе Февральской революции на местах. Детальная разработка прав и обязанностей комитетов, нормативных принципов их функционирования, системы финансирования, «инструкции для производства выборов» свидетельствовала о наличии у них фактической власти. Это подтвердили также резолюции съезда по актуальным вопросам управления губернией. Были установлены «твердые цены на все фабрикаты, составляющие предмет первой необходимости», упорядочена деятельность организаций по снабжению войск, предприняты меры к «засеву весной яровых полей», регламентировано использование труда военнопленных «на посевных работах»[14]. Итак, съезд утвердил сложившуюся в губернии новую систему власти, определив в качестве представительных, законотворческих и формирующих местные административные органы общественные исполнительные комитеты. Саратовский ОГИК пополнил свой состав представителями от всех уездов[15] и таким образом аккумулировал власть в губернии.

Уникальность концентрации властных функций Саратовским ОГИКом заключалась не просто в его активных действиях по утверждению своего влияния, а в составе его членов, среди которых доминирующую роль играли представители Совета рабочих и солдатских депутатов. В то же время руководили Саратовским Советом первого созыва большевики. Их влияние ощущалось в резолюциях съезда исполнительных комитетов не только по социальным вопросам, но и по проблемам конструирования новой власти в губернии. Специальной резолюцией регулировались «отношения комитетов к Совету рабочих и солдатских депутатов и к Военному комитету». В ней подчеркивалось, что «для установления связи городского трудового населения с крестьянством необходимо ввести в состав уездных комитетов представителей от Совета рабочих депутатов, а там, где их нет, и организованных рабочих. Кроме того, желательно ввести в городские и уездные комитеты представителей от военной организации»[16]. Сами советы не поглощались общественными комитетами, они должны были решать «вопросы, затрагивающие общие интересы политического момента на совместных заседаниях президиумов... этих организаций, но в вопросах управления Исполнительные комитеты – единая власть в уезде или городе»[17].

Оценивая деятельность Саратовского общественного комитета по формированию власти в губернии, необходимо отметить его лидерство в этом вопросе, признанное всеми общественными силами. В первый месяц революции здесь так же, как в Самарской губернии, не было ни двоевластия, ни троевластия, ни многовластия – было единовластие ОГИК, державшееся, безусловно, на поддержке советов. Радикальный состав Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов не повлиял на его тактику – единение всех демократических сил в одном представительном органе, принявшем временно на себя полномочия организации власти на местах.

В организации новой власти после свержения самодержавия были различия не только между центром и провинцией, они имелись в каждой губернии. Несмотря на общую форму, содержание деятельности общественных комитетов, их место и роль зависели от расстановки политических сил в каждой конкретной местности. Даже в условиях одного региона, выделенного по параметрам общего направления экономического развития и традиций социальных движений, влияние различных общественно-политических сил в начальный период революции отличалось большим своеобразием.

По темпам социально-экономического развития такие крупные губернские города Поволжья, как Казань, Самара, Саратов, к 1917 году находились примерно на одинаковом уровне. Однако в Казани по-прежнему были сосредоточены административно-управленческие силы всем обширным Поволжско-Уральским регионом. Несмотря на давние традиции революционного движения в крае, власти имели больше возможностей для пресечения деятельности любой оппозиции. В связи с этим Казанский Комитет общественной безопасности, который инициаторы его создания стремились «наделить всей полнотой власти», вовсе к ней не стремился после создания института губернских и уездных комиссаров Временного правительства. Его законопослушность, отсутствие стремления к властным полномочиям, подчинение воле губернского комиссара не удовлетворяли многие общественно-политические силы в городе. Меньшевистская «Казанская рабочая газета» выразила недовольство тем, что губернский Комитет общественной безопасности был создан в «крайне неудовлетворительном виде», его организаторы обеспечили большинство цензовым элементам, а демократический «элемент был привлечен для некоторого украшения комитета» и оказался «бессильным предпринять какие-либо серьезные меры». В связи с этим ставится задача организации демократии повсюду в губернии, т.к. «вряд ли кто станет утверждать, что образовавшиеся комитеты ... являются выразителями мнений народа»[18].

Несмотря на критику Казанского губернского Комитета общественной безопасности, все политические партии и общественные организации стремились с ним сотрудничать, надеясь использовать его в качестве организатора демократических преобразований. Даже наиболее радикальные силы сотрудничали с Комитетом: в его состав вошли представители всех социалистических партий, в том числе большевики В.Тихомиров, А.Комлев, И.Жу-

равлев, А.Карпов, представитель Мусульманского социалистического Комитета М.Вахитов, меньшевик-интернационалист Е.Вегер[19].

В первой половине марта комитеты общественной безопасности образовались почти во всех уездных городах Казанской губернии, но они, как и губернский, находились под патронажем уездных комиссаров. Например, Спасский «городской комитет общественной безопасности был избран населением из 15 лиц» 9 марта 1917 г. «Для ведения дел избрано особое лицо, пользующееся доверием населения – В.И.Вихирев»[20]. Однако по получении указаний от временно вступившего в управление губернией В.В.Молоствова всем структурам – городской Управе, городскому Голове, уездному исправнику – было предложено подчиниться уездному комиссару, которым назначили председателя уездной земской управы[21]. Состав членов уездных и городских комитетов общественной безопасности в Казанской губернии был общедемократическим, но партии социалистического направления на первых порах в них были почти не представлены из-за отсутствия таковых. Зато при наличии авторитетных лиц, даже представлявших местный отдел «Союза русского народа», как, например, врач Лебедев в г. Арске Казанской губернии, они выдвигались в общественные комитеты[22]. В целом комитеты общественной безопасности в Казанской губернии не стали организующими центрами демократических преобразований. Они заняли отведенную им роль посредника во взаимоотношениях комиссаров Временного правительства и общественности. Представители советов, вошедшие в состав комитетов, не определяли политику последних. Однако заявить самостоятельные претензии на организацию новой власти в губернии и даже на контроль за ней советы пока не могли, т.к. сами находились в стадии формирования. В первый месяц революции комиссары Временного правительства олицетворяли новую власть в Казанской губернии, но она с самого начала была лишена широкой общественной поддержки в силу ее изначального отторжения демократическими элементами.

В Симбирской и Пензенской губерниях вплоть до революции сохранилось значительное влияние представителей «дворянских гнезд» на общественную жизнь. И либеральные, и революционные общественные силы в них начали оформляться только в ходе революции. На первых порах инструкции Временного правительства по организации власти на местах здесь выполнялись неукоснительно. Губернские и уездные комиссары назначались по команде сверху, а исполнительные комитеты рассматривались как представительные совещательные органы. Все административно-управленческие решения принимались комиссарами, но доводились до сведения комитетов.

Попытки сохранения строго централизованной системы управления наглядно проявились в деятельности Пензенского губернского комиссара князя Кугушева. Он не стал ждать, когда общественные комитеты возьмут на себя инициативу организации новой власти в губернии, а быстро и четко дал необходимые указания по этому вопросу уездным комиссарам. 11 марта 1917 г. он разослал циркуляр уездным комиссарам, предлагая им «при

содействии исполнительного комитета немедленно командировать во все волости и села эмиссаров для разъяснения населению происшедших событий, содействию организации милиции и принять меры к поддержанию в уезде спокойствия»[23].

После получения из МВД разъяснений по строительству новой власти от 16 марта 1917 г. губернский комиссар князь Кугушев с той же напористостью и энергией принялся их реализовывать. Он предложил уездным комиссарам «отстранить земских начальников от исполнения судебных функций..., в согласии с уездным исполнительным комитетом наметить лиц... на должность уездных судей; число участков сократить вдвое..., в волостях отстранить волостного старшину и писаря и принять дела волостного правления в ведение волостного комитета»[24]. Он потребовал также немедленно организовать волостные комитеты там, где они еще не созданы, указав, чтобы в выборах принимало участие все население волости «не исключая землевладельцев, учителей, священников и т.п.»[25]. Это было вполне своевременное предупреждение для крестьян, стремившихся предотвратить доступ в низовые комитеты, прежде всего, землевладельцам.

На совещании уездных комиссаров и представителей исполнительных комитетов Пензенской губернии не было выработано никаких правил по организации власти на местах. Был установлен лишь размер жалованья по комиссариату и милиции. Уездные исполнительные комитеты избирались различными способами. Временное правительство и назначенные им комиссары считали их проявлением местной самодеятельности, которую приходится пока терпеть. Если губернский комитет не разрабатывал инструкции, то уездные комитеты организовывались чаще всего по принципу представительства от различных групп населения, избиравших депутатов самостоятельно.

Практиковалось также формирование комитетов по избранию общественных организаций и партийных групп. Иногда в городе и уезде оповещалось все население и «на собрании всех присутствовавших без различия сословных, имущественных и профессиональных состояний избирался уездный комитет. Крайне редко «выборы производились в городе и уезде на основании всеобщего, прямого и равного голосования»[26]. Эти принципы формирования уездных исполнительных комитетов с самого начала революции обеспечили в них преимущественное представительство так называемому «третьему элементу» общества, который постепенно вытеснил председателей земских управ из реального института местной власти после Февраля 1917 г. с должностей комиссаров Временного правительства[27]. В именном списке председателей уездных исполнительных комитетов Пензенской губернии, избранных в марте 1917 г., директора гимназии и учительской семинарии, земский врач и лесничий, два податных инспектора и секретарь уездной земской управы, подполковник и представитель солдатских депутатов[28]. Временное правительство в период формирования своей власти на местах не пожелало опереться на эти умеренно-либеральные слои общества, чем еще больше сузило свою социальную базу.

В Симбирской губернии организация местной власти полностью контролировалась губернским комиссаром Временного правительства. Губернский и уездные комитеты общественной безопасности не выработали самостоятельной позиции не только по принципам, но и по организационным нормам общественного представительства в новой системе власти. Между тем разработанные Симбирским губернским комитетом общественной безопасности и губернским комиссариатом «Правила по устройству деятельности сельских и волостных исполнительных комитетов» нужно было как-то довести до самих реформируемых. Для этого 20-21 марта по инициативе администрации и общественных организаций был созван Симбирский губернский съезд. Его состав был достаточно представителен. 548 депутатов были делегированы волостными комитетами и собраниями, земскими и городскими управами, кооперативами и различными общественными организациями. Главная задача организаторов съезда заключалась в упорядочении организации власти в деревне и создании системы подчиненности исполнительных комитетов снизу доверху. Для того чтобы отсечь возможность давления радикальных слоев населения на властные структуры в губернии, съезд одобрил предложение губернского комиссара о том, что «представители крестьян в Комитете обязаны будут жить в г.Симбирске на собственные средства»[29].

На съезде была сформирована крестьянская фракция Симбирского губернского исполнительного Комитета, которую образовали депутаты от уездов. В количественном отношении это была довольно внушительная группа (по 4 человека от каждого уезда),[30] но влияние на действия администрации она, как и весь Комитет, не оказывала. Пассивность как губернского, так и уездных комитетов общественной безопасности в Симбирской губернии с самого начала лишила местную власть поддержки населения, а партии и общественные организации, сотрудничавшие с ними, – соответственно социальной базы в революции.

Итоги строительства новой власти на местах обсуждались на проходившем 24-26 апреля 1917 г. в Петрограде совещании губернских комиссаров Центральной России. Вопрос о взаимоотношениях комиссаров с комитетами общественных организаций вызвал среди собравшихся бурные прения. Обнаружилось, что взятый Временным правительством курс на назначение комиссарами председателей губернских и уездных земских управ, наделение их многими полномочиями бывших губернаторов не одобряет население страны. Демократическая общественность на местах организовывала комиссариаты, которые являлись как бы коллегиальными органами по управлению губернией или уездом.

Оживленные прения на съезде вызвал вопрос о структуре высшей губернской власти. Некоторые губернские комиссары полагали, что во главе губернского управления в качестве представителя Временного правительства должен стоять коллегиальный орган, избираемый возникшими на местах исполнительными комитетами или другими общественными организациями. Большинство же считало, что во главе губернского управления дол-

жен стоять единоличный представитель правительственной власти в лице комиссара, действовавшего в единстве с местными общественными организациями. Временное правительство пошло на уступки местным демократам. Было признано необходимым внести в проект положения о комиссарах следующие два дополнения: «1. Во всех мероприятиях, касающихся местной жизни губернии, комиссар действует в единстве с губернским комитетом общественных организаций. 2. Губернский комиссар назначается Временным правительством по соглашению с губернским комитетом общественных организаций»[31].

Временное правительство, утверждавшее под давлением снизу заменяемых комиссаров и возникавшие комиссариаты, не желало согласиться с принципом их выборности. Отношение правительства к выборности комиссаров подчеркивалось тем, что уездные комиссары не могли быть переизбраны по инициативе граждан уезда. Увольнение уездных комиссаров допускалось исключительно по постановлению правительства. Губернские комиссары представляли их к назначению правительством. Они же могли делать представление правительству об увольнении уездных комиссаров, но только в том случае, если одновременно рекомендовали кандидатуру его преемника на посту уездного комиссара.

Правительство в течение нескольких месяцев определяло принципы деятельности комиссаров телеграммами. В начале мая отделом по делам местных самоуправлений был разослан на места очередной циркуляр. В нем подтверждалось, что основной обязанностью комиссара является «надзор за деятельностью правительственных учреждений и за законностью действий органов местного самоуправления»[32]. Местным властям указывалось, что так как комиссар представляет правительство, он назначается им по соглашению с комитетами общественных организаций и в своей деятельности опирается на их поддержку. Однако наиболее инициативные общественные комитеты разработали собственные инструкции по конструированию демократической власти на местах и начали действовать в соответствии с ними.

27 мая открылся I Поволжский областной съезд исполнительных комитетов. На нем была принята резолюция «О комиссарах», где считалось необходимым «в целях усиления на местах начала твердой власти и укрепления авторитета Временного правительства создание такого положения, чтобы комиссарами правительства утверждались исключительно лишь избираемые исполнительными комитетами их председатели»[33]. Другое постановление съезда определяло юридический статус исполнительных комитетов: «всемерное укрепление начал государственности, установление и осуществление твердой власти на местах, проведение в жизнь указаний и распоряжений Временного правительства, контроль за деятельностью местных самоуправлений, правительственных учреждений и должностных лиц, подготовка к выборам в Учредительное собрание, организация юридической помощи населению, культурно-просветительская деятельность»[34]. Такие решения съезда создавали правовую базу для замены не только уезд-

ных, но и губернских комиссаров Временного правительства более демократическими элементами.

Рассматривая процесс конституирования общественных комитетов на местах, необходимо подчеркнуть самостоятельность и независимость этого процесса от центрального руководства. Временное правительство не захотело, чтобы его структуры в провинции делились властью с общественными организациями. Тем самым оно упустило возможность управлять через комитеты всеми общественными организациями, в том числе советами, делегировавшими в них своих представителей. Как известно, бунт возникает не там, где разрешают, а там, где запрещают. Ограничивая возможности комитетов, Временное правительство потеряло контроль за процессом развития революции на местах, не смогло их использовать для консолидации всех демократических сил. Пренебрежение общественным мнением с самого начала формирования власти в провинции лишило Временное правительство возможности социальной поддержки не на словах, а на деле. Общественные комитеты могли бы на первых порах выполнить эту задачу.

Примечания

[1] Кабытова Н.Н. Мифы и реалии российской революции 1917 г. в провинции // Самарский земский сборник. 2006. №1/2 (13/14). С. 72-78.

[2] Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел до 1 июля 1917 года. Пг., 1917. С. 10.

[3] Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО) Ф. 813. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.

[4] ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.

[5] Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902-1917. / Под ред. К.Я.Наякшина. Куйбышев, 1969. С. 446.

[6] Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. М., 1929. Т. 1. Ч. 1. С. 88.

[7] Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Т. 1. Самара, 1927. С. 34.

[8] ГАСамО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.

[9] Попов Ф.Г. Летопись революционных событий... С. 456.

[10] ЦГАСО Ф. 823. Оп. 1. Д. 8. Л. 76, 78.

[11] ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.

[12] Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. – Саратов, 1995. С. 89.

[13] Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 4.

[14] ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 4 об. – 6 об.

[15] Рейли Д.Дж. Политические судьбы... С. 89.

[16] ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 5.

[17] Там же.

[18] Цит. по Тагиров И.И. Партийные организации Среднего Поволжья в борьбе с антинародной политикой местных органов власти Временного правительства: дисс.... канд. ист. наук. Казань,1988. С. 47.

[19] Там же. С. 51.

[20] Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1246. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

[21] Там же. Л. 23-25.

[22] Кабытова Н.Н. Демократизация местного управления в российской революции 1917 года\\ Вестник Самарского государственного университета.2009.N7(73). С. 95.

[23] Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

[24] Там же. Л.36.

[25] Там же. Л. 37, 49.

[26] Там же. Л. 86-94.

[27] Герасименко Г.А. Состояние власти в России после свержения самодержавия // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 125.

[28] ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 77.

[29] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.677.Оп.2.Д.12.Л.11-12

[30] ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 101. Л. 58.

[31] Вестник Временного правительства. 1917. 28 апреля.

[32] ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 14. Л.5.

[33] ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 349.

[34] ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 351.

П.А. Мистрюгов*

ПРАКТИКА ЗАЛОЖНИЧЕСТВА В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1919 – 1920 гг.)

В 1918 г. после свержения власти КОМУЧа политические приоритеты советской власти радикально изменились. Революционно-демократические поиски общества были свернуты. На первый план выдвигалась, ставшая доминирующей в 1919 – 1920 гг., задача по обеспечению собственного социально-политического существования и функционирования административно-управленческого аппарата советов и РКП(б). При этом необходимо отметить, что в деятельности советско-партийных структур преобладали хозяйственно-продовольственное и социальное направления. Это придавало взаимодействию власти и общества напряжённый характер, резко поляризуя их позиции. Различные общественные группы оказывали противодействие коммунистическим преобразованиям, в особенности таким как продразверстка, проведение бесчисленных военных и хозяйственных мобилизации. Местные руководители, следуя конфронтационному курсу политики советской власти, стали опираться на систему чрезвычайных органов. В связи с этим отметим, что в настоящее время становится актуальным и остро дискуссионным целый спектр вопросов становления российской государственности нового типа после 1917 г. Это рабоче-крестьянский демократический потенциал Советов; соотношение революционно-демократических, военных и гражданских задач в управлении и их влияние на деятельность советов и исполкомов; степень эффективности управления и господствующие политические приоритеты; способы и методы функционирования советских органов власти и управления – и все эти проблемы тесно связаны с реализацией чрезвычайного курса в политики советской власти и РКП(б).

Тема чрезвычайных структур советской власти в годы Гражданской войны затрагивалась в исторических трудах С.В. Леонова, Д.Б. Павлова, Н.Н. Кабытовой и ряда других исследователей. Они придавали большое значение месту и роли чрезвычайных органов, отмечая, что структура и методы их деятельности постоянно возрастали на протяжении всего периода Гражданской войны[1]. В течении 1918 – 1922 гг. была сформирована многоступенчатая система чрезвычайных структур, обеспечивавших существование советской власти и проведение её политики. Однако до настоящего времени в этой теме по-прежнему имеются малоисследованные страницы.

* © Мистрюгов П.А. – аспирант кафедры Российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «»Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Одной из них является практика заложничества в Самарской губернии в годы Гражданской войны, практически не изученная.

В истории становления советской государственности и Гражданской войны в Поволжье представляется важным рассмотреть на основе документальных материалов местных архивов специфику социальных направлений, мотивации заложничества и использовавшихся мер воздействия.

Практика заложничества в годы Гражданской войны подразделяется на несколько направлений: политическое, военное и социальное. Проанализируем каждое из них более подробно.

Как известно, в мае 1918 г. произошёл анархо-максималистский мятеж, подавленный большевиками с помощью военной силы. Последовавшее свержение советской власти в июне 1918 г. лишь временно отстранило окончательную ликвидацию анархистов, но не надолго. В начале 1919 г. советские руководители вспомнили о существовании участников выступления, однако «делу законный ход» не дали. Начало судебных преследований было отложено, как отмечал губком РКП(б), по тактическим соображениям[2]. Этому, по собственному признанию советских руководителей губернии, мешало то, что многие из участников – «главарей» (Дорогойченко, Павлов) занимали ответственные должности в органах власти[3]. Однако, вскоре были выявлены случаи погромной агитации анархистов[4], а также ГубЧК получены оперативные сведения о подготовке ими восстания в союзе с максималистами. Заместитель председателя Самарского губисполкома Галактионов докладывал во ВЦИК о потери уверенности в их лояльности[5]. Итогом взаимоотношений стало решение, принятое на заседании ВРК Самарской губернии 21 марта 1919 г. Согласно нему, ГубЧК было дано указание арестовать анархистов за исключением Рогдаева как заложников, а клуб закрыть для предотвращения «дезорганизаторской агитации»[6].

Весной 1919 г. военная обстановка в Самарской губернии для безопасности советской власти приобрела опасный характер. Угроза исходила от войск Колчака, 10 апреля захватившего Бугульму[7]. Одним из оборонительно-превентивных мероприятий стало решение, принятое 12 апреля 1919 г. президиумом Самарского губисполкома в составе Сокольского, Левитина и Старцева. Уездным исполкомам предписывалось активно действующих противников советской власти расстреливать, а в заложники брать только видных руководителей[8]. Таким образом, советы использовали все оперативные возможности для ослабления мощи противника.

Однако постоянной угрозой для советско-партийных властей была не столько военная опасность и политические конкуренты, сколько многочисленное крестьянское повстанческое движение. В отстаивании различных интересов советская власть и РКП(б) и крестьянство проявили самые радикальные и жёсткие методы. Первые признаки продовольственного кризиса, ставшего спусковой педалью массового повстанческого движения, наметились уже в конце 1917 – начале 1918 гг. После серии восстаний, вспыхнувших в марте 1919 г., и их жёсткого подавления, советские власти были мобилизованы на разработку превентивных мер для предупреждения «кон-

трреволюции» в уездах. В мае 1919 г. коллегия Самарского губернского отдела юстиции подготовила целый блок методов по блокированию действий повстанцев. Все предложённые ими мероприятия не были утверждены, однако само обсуждение их на губернском уровне отражает склонность советов к социальному радикализму и конфронтации. Одобренные предложения из «программы заложничества» включали конфискацию имущества и передачу детей, арестованных родителей, в социальный отдел исполкомов «на общих основаниях». Захват взрослых членов семей в заложники, после которого их участь должна была определяться выяснением степени виновности и приданием суду революционного трибунала, был отклонён. Коллегия мотивировала это тем, что каждый член семьи часто действует без согласия с другими и несёт персональную ответственность, а также эта мера обременительна для советской власти[9]. Однако развитие крестьянского движения в Самарской губернии показывает, что одной из многочисленных мер подавления восстаний было заложничество. Например, в июне 1921 г. на закрытом заседании президиума Самарского губисполкома рассматривалось положение в Балаковском уезде. Предлагалось при наступлении на город «банд» обложить заложников налогом для покрытия чрезвычайных налогов[10].

Жёсткие методы советской власти вызывали аналогичные действия со стороны крестьян, приводя к «народной войне». Так, в марте 1921 г. в Чернореченской волости Самарского уезда 1, 500 тысячная толпа, взломав амбары, начала расхищение государственного хлеба. Власти отмечали, что сдержать натиск было невозможно[11]. Крестьяне захватили в заложники председателя и членов волостного революционного комитета. При этом, в их поведении ярко проявилась общинно-коллективистская установка: «если арестовывать, так арестовывать всех виновных»[12].

Особой группой пленников советской власти в 1920 г. были воронежские заложники. Эта группа в составе 45 граждан временно пребывала на территории Самары, по ведомственной принадлежности относилась к воронежской ГубЧК. В Самаре она контролировалась органами местной ГубЧК. Выявив род занятий и образование арестованных, советская власть воспользовалась их профессиональными компетенциями, отправив на работу в советские учреждения. 24 января 1920 г. на заседании комиссии в составе представителей губернского комиссариата юстиции и работников ГубЧК граждане были распределены между советскими учреждениями. Среди них по профессиональной принадлежности были: 1 – счетовод, 2 – юристов, 1 – бухгалтер, 2 – фельдшеров, 1 – дезинфектор, 1 – химик, 1 – техник. Профессии остальных не были указаны. Из 45 граждан – 10 находилось на излечении, 6 умерло. Из дееспособных граждан 15 были направлены в Потребительское общество на принудительные работы; 4 в Губсовнархоз; 3 в Дом принудительных работ; 2 в Губернский комиссариат юстиции; 2 в Отдел здравоохранения; 2 в Губернский отдел управления; 1 в Гублеском и 1 в Рупвод[13]. В феврале 1920 г. один из заложников был откомандирован в распоряжение СанЧК[14]. Это распределение показывает, что одна половина

воронежских заложников была занята квалифицированной работой в гражданских учреждениях на принудительных основах, труд второй половины граждан применялся условно на добровольных основаниях.

Вскоре, в марте 1920 г. заложники стали ходатайствовать о возвращении в Воронеж[15]. 17 апреля 1920 г. по решению президиума Самарского губисполкома и с согласия воронежской ГубЧК до восстановления пассажирского движения они были оставлены в Самаре и получили право персонального разрешения на выезд из Самарской губернии[16].

На основе документальных материалов установлен поимённый список воронежских заложников (см. таблицу Поимённый список воронежских заложников 1920 г.).

Итак, в арсенале чрезвычайных методов советской власти в 1919 – 1920 г. заложничество было предупредительной мерой против антисоветской деятельности. Его сфера применения была широкой и распространялась на основные оппозиционные, противоборствующие советской власти силы. В числе мер воздействия было использование трудовых ресурсов заложников, направляемых на квалифицированные работы. Это, в свою очередь, отражает дефицит грамотных и образованных кадров в советских структурах и стремление его преодолеть. Впоследствии, в 20 – 50 гг. XX в. эта политика применения принудительного труда оформилась в самостоятельное направление деятельности власти, став системным явлением функционирования экономики СССР. Однако первые шаги были сделаны в годы Гражданской войны, в том числе, на территории Самарской губернии.

Таблица

Поимённый список воронежских заложников 1920 г.[17]

Ф.И.О. заложников	
Мюрке-Полубенская Елена Ивановна	Полубенский Василий Васильевич
Голованов Сергей Николаевич	Семченков Василий Петрович
Цигулев Лев Михайлович	Чемырев Петр Ермолаевич
Новичихин Григорий Васильевич	Савин Михаил Иванович
Аристов Николай Николаевич	Лютых Афанасий Иванович
Лазовский Станислав Леонтьевич	Груздев Владимир Николаевич
Федоров Александр Филоретович	Попов Алексей Михайлович
Шипулин Григорий Михайлович	Фурсов Василий Яковлевич
Гуров Иван Ефимович	Макарова Александра Никитична
Алехин Петр Васильевич	Лисицин Семен Егорович
Талинский Сергей Константин	Непышевский Сергей Андреевич
Коломейцев Иван Федорович	Шпаковский Ананий Исаевич
Неумивакин Петр Алексеевич	Михеев Николай Николаевич
Селезнев Иван Лукьянович	Станков Митрофан Петрович
Петров Василий Степанов	Анесов Сергей Ардальенович
Батищев Илья Евгеньевич	Давыдов Николай Адальфович
Жук Иван Игнатьевич	Игнатов Николай Петрович
Поспелов Алексей Андреевич	Преклонский Николай Васильевич
Петров Федор Николаевич	Рулин Александр Васильевич
Ягодкин Виктор Иванович	Истомин Павел Николаевич
Кангерт Владимир Иванович	Кожин Николай Николаевич
Комарев Дмитрий Фомич	Фурсин Алексей Иванович
Филиппов Митрофан Дмитриевич	

Примечания

[1] Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917-1922 гг. М.: Диалог-МГУ, 1997; Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917- середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999; Кабытова Н.Н. Восстановление структур советской власти в Самаре // Самарский земский сборник. 2007. № 1(15) и др.

[2] Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 58. Л. 89.

[3] СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58. Л. 90 – 90 об.

[4] Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р. – 138. Оп. 1. Д. 5. Л. 16 об.

[5] ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 194 б. Ч. 3. Л. 496.

[6] ЦГАСО. Ф. Р. – 138. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.

[7] Попов Ф.Г. 1919 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев: Книжное изд-во, 1974. С. 70.

[8] ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 10. Л. 75.

[9] ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 234. Л. 63 об.

[10] ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 106. Л. 78.

[11] ЦГАСО. Ф. Р. – 9. Оп. 1. Д. 1. Л. 24 – 24 об.

[12] ЦГАСО. Ф. Р. – 9. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

[13] ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 355. Л. 4 – 4 об.

[14] ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 16. Л. 58 об.

[15] ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 16. Л. 88.

[16] ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 16. Л. 125.

[17] ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 355. Л. 4 – 4 об.

Л.М. Артамонова*

СУДЬБА ДИНАСТИИ РЕШАЛАСЬ ЗА ВОЛГОЙ: К 400-ЛЕТИЮ ПРИЗВАНИЯ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА РОМАНОВА И ПОДВИГА ИВАНА СУСАНИНА

Судьбоносные события в жизни нашей страны на протяжении ее истории не раз происходили не только в столицах, но и в глубинке или на окраинах. События подобного рода притягивали к себе и течение великой реки Волги. Пожалуй, это особенно проявилось в Смутное время начала XVII века, наполненное важнейшими происшествиями, случившимися и на Верхней, и на Средней, и на Нижней Волге.

Созыв народного ополчения в 1611 г. в Нижнем Новгороде, создание общенационального правительства («Совета Всея Земли») в Ярославле, освобождение Москвы в 1612 г. создали необходимые условия выхода из Смуты. Появившиеся возможности для такого выхода были закреплены в решениях Земского собора 1613 года, который избрал на царство Михаила Федоровича, основателя новой династии Романовых. Это избрание довершало воссоздание государственности, встретив поддержку не только участников Собора, но и основной массы населения страны. Внутреннее нестроение и иностранная интервенция в России на этом еще не закончились. Об этом, в частности, свидетельствовали события 1613-1614 гг., когда Самара стала форпостом правительственных сил против мятежников в Астрахани, волжских низовьях и на Яике, а также связующим пунктом для поддержания дипломатических контактов с Персией и странами Средней Азии[1]. Однако легитимация верховной власти четко обозначила перевес сил, боровшихся за национальную независимость, правопорядок, нормальные условия хозяйственной жизни.

Восстановление Российской державы, произошедшее в 1613 году, сопровождалось драматическими событиями на костромской земле, где укрывался в Лесном Заволжье будущий родоначальник 300-летней царской династии Михаил Романов, а в имении, принадлежавшем его семье, служил старостой крестьянин Иван Сусанин.

Взлет из политического небытия совсем молодого и далеко не самого знатного боярина, который совершенно не участвовал до того в государственной деятельности, до сих пор представляется не до конца объясненным. Ясно одно, что выбор Михаила Федоровича на царство не был случай-

* © Артамонова Людмила Михайловна - доктор исторических наук, профессор, директор социально-гуманитарного института Самарской государственной академии культуры и искусств.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «»Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

ным. В сложившихся условиях он оказался единственной возможной кандидатурой, которая смогла объединить различные слои и группировки, вовлеченные в Смуту и представленные на Земском соборе 1613 года. Молодость же и отсутствие опыта государственного служения не рассматривались как препятствие к избранию на трон. Более того, они давали даже определенные преимущества. Никто не смог бы впоследствии сказать, что он служил в одних чинах с будущим царем, или тем паче, что тот был некогда у кого-нибудь из подданных под началом. К тому же все противоборствующие группировки могли питать надежду на то, что они смогут влиять на юного и неискушенного правителя, что тоже способствовало достижению компромисса.

Михаил Федорович, хотя и принадлежал по рождению к элите русского общества того времени, провел далеко не безоблачное детство и юность. Родившийся в 1596 г., он в малолетстве остался без попечения родителей. В 1601 г. царь Борис Годунов подверг род Романовых, своих опасных соперников в борьбе за власть, жестокой опале. Глава семьи, Федор Никитич Романов, двоюродный брат последнего царя из прежней московской династии Федора Иоанновича, был насильственно пострижен в монахи под именем Филарета. Пострижение закрывало ему путь к царскому престолу. Однако для пущей надежности его сослали из Москвы в северный Антониев-Сийский монастырь. Его жена Ксения Ивановна была также насильственно пострижена в монахини под именем Марфы и сослана. Малолетний Михаил остался на попечении тетушек.

Семья воссоединилась в 1605 г. после свержения Годунова. Однако в 1611 г. Филарет, ставший к тому времени влиятельным архиереем, был арестован и оказался в Речи Посполитой, а его жена и сын остались заложниками в московском Кремле, захваченном польско-литовскими интервентами.

Освобожденные вместе с другими пленниками ополчением Минина и Пожарского осенью 1612 г., мать с сыном покинули разоренную и небезопасную Москву. Они отправились в за Волгу в Кострому, в окрестностях которой находилось их имение с центром в с. Домнино. Это имение дочь костромского дворянина Ивана Шестова Ксения получила в приданое, когда выходила замуж за боярина Федора Романова. Местные жители ее хорошо знали и продолжали звать не монашеским именем, а по привычке «Оксиньей Ивановной».

Фактическое бегство Романовых из Москвы было связано не только с житейскими трудностями пребывания в разоренном городе, но и с тем, что многие ополченцы, освободившие столицу, считали всех русских, вышедших с поляками из Кремля, без разбору предателями. С большим трудом командирам народного ополчения удавалось удержать его участников от грабежей и расправ даже в отношении женщин и детей.

Была еще одна и не меньшая опасность. Победители сразу приступили к исполнению своего главного политического обещания. Началась подготовка к созыву Земского собора и выборам нового царя. Среди возможных кандидатов зазвучало и имя младшего Романова. Инокиня Марфа, уже поте-

рявшая из своих шести детей пятерых, имела все основания опасаться, что враги и конкуренты не остановятся перед физическим устранением последнего из ее сыновей – 16-летнего Михаила.

В Кострому Марфа и Михаил прибыли в конце 1612 г. У Романовых, как и других богатых вотчинников и помещиков, в городе был свой так называемый «осадный двор» для проживания в случае военной угрозы. Убежище им мог предоставить и влиятельный Ипатьевский монастырь, стоявший неподалеку от Костромы. Однако уберечься от возможных наемных убийц на многолюдных городских улицах или в заполненной паломниками обители было трудно. Вполне естественным в этих условиях выглядел отъезд в свою Домнинскую волость, где чужой человек стал бы сразу заметен, или в отдаленный заволжский Макарьевский Унженский монастырь.

Врагам не надо было спрашивать торную дорогу в Кострому или в обитель святого Ипатия, чтобы разыскивать там хорошо известных мать и сына Романовых. Однако, если бы пришлось вести их поиск в запрятанных между лесами селениях Домнинской вотчины или на протяженной 120-верстной дороге на речку Унжу, делать это без проводников было бы затруднительно.

Что случилось дальше, из источников не совсем ясно. Ехали ли мать и сын вместе, или Марфа Ивановна осталась в Костроме, а в Домнино отправился один сын? Произошли ли одни из самых драматических событий в истории Смуты до паломничества на Унжу или при возвращении с нее? В преданиях и в документах присутствие Марфы в Домнине во время тех трагических событий не упоминается, но и отрицать такую возможность полностью нельзя.

Строго говоря, само Домнино, хотя и называлось селом, в начале XVII в. практически не было жилым. Его правильнее было назвать «погостом» - религиозным и административным центром округи. Здесь не было крестьянских дворов, а стоял храм с домом священника и находился барский двор Шестовых. На том дворе в отсутствие хозяев проживал и управлял их делами староста Домнинской волости Иван Сусанин[2].

Сам Иван, по преданиям, имел отчество Осипович и был родом из ближней деревни, которая называлась просто и незамысловато Деревеньки (или Деревнищи). Из его домочадцев нам достоверно известны дочь Антонида и зять Богдан Собинин, жившие в той самой д. Деревеньки. Поскольку нет никаких упоминаний о жене Сусанина, она к тому времени, видимо, уже умерла.

Михаил для Сусанина, как и для всех жителей вотчины, был не просто барин, а много и ни за что пострадавший отрок, о нелегкой судьбе которого и его матери было хорошо здесь известно. Патриархальный долг и христианское сочувствие требовали оказывать им всемерную помощь. Вероятно, что Сусанин знал и о том, что дело идет к избранию Михаила на царский трон. Это еще более усиливало его ответственность за судьбу молодого хозяина вотчины.

О дальнейших событиях рассказывает вполне достоверный основной письменный источник, каким является жалованная грамота потомкам Су-

санина. Она была написана 30 ноября 1619 г., когда Михаил, уже будучи царем, побывал на костромской земле, в т.ч. в Домнине. Здесь он встретился с непосредственными очевидцами и участниками событий, произошедших за семь лет до того. Согласно жалованной грамоте, зять бывшего старосты Богдан Собинин с потомками были пожалованы от царя освобождением от всех повинностей и податей **«за службу к нам и за кровь, и за терпение тестя его Ивана Сусанина»**. Изложение подвига лаконично, но не дает никаких поводов для кривотолков: «Как Мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Михайло Феодорович всея Русии в прошлом 121 году[3] были на Костроме, и в те поры **приходили в Костромской уезд Польские и Литовские люди**, а тестя его, Богдашкова, **Ивана Сусанина в те поры Литовские люди изымали и его пытали великими, немерными пытками и пытали у него, где в те поры Мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Михайло Феодорович всея Русии были, и он Иван ведая про нас, Великого Государя, где Мы в те поры были, терпя от тех Польских и Литовских людей немерные пытки, про нас, Великого Государя, тем Польским и Литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, а Польские и Литовские люди замучили его до смерти**»[4].

Поскольку письменные документы молчат о подробностях подвига и трагедии в Домнинской волости, то назовем основные версии, когда и где именно она произошла. Эти версии учитывают, кроме письменных источников, устные предания, сохранившиеся в Костромском крае.

Время события приурочивается к ноябрю 1612 г. или к февралю 1613 г. Обе даты достоверны с точки зрения международной и внутриполитической обстановки. Заграничные соседи, много лет активно вмешивавшиеся в русские дела, уже в ноябре знали, что Михаил Федорович рассматривался как одна из наиболее предпочтительных кандидатур на московский престол. В феврале же решение об его избрании стало наиболее вероятным исходом Земского собора[5].

В любом варианте ноябрь или февраль были месяцами бездорожья, снежных заносов и необходимого поиска опытных проводников для пришлых людей. Местом, где произошли основные события, называют то Деревеньки, где, якобы, Сусанин и спрятал Михаила, а сам увел поляков отсюда, то непроходимое Исуповское или Чистое болото, куда он завел врагов на их и свою погибель, то село Исупово, к которому отряд неприятелей все-таки вышел после бесплодных поисков, когда опасность для Романова (или Романовых, если Михаил уехал из Домнинской волости с матерью) уже миновала и где сам Сусанин был казнен.

Последняя версия имеет документальное обоснование, правда, зафиксированное более века спустя. В указе императрицы Анны Ивановны от 19 мая 1731 г. говорилось: «В прошлом во 121 году приходил из Москвы из осад на Кострому … великий Государь Царь и великий князь Михайло Федорович с матерью своею великою государынею инокинею Марфою Ивановною и были в Костромском уезде в дворцовом селе Домнине, в которую бытность их Величества в селе Домнине **приходили Польские и Литовские**

люди, поймав многих языков пытали и расспрашивали про него великого Государя, которые языки сказали им, что великий Государь имеется во оном селе Домнине и в то время… **оного села Домнина крестьянин Иван Сусанин взят оными Польскими людьми, … [которых – Л.А.] от села Домнина отвел и про него великого Государя не сказал и за то они в селе Исупове … его пытали разными немерными пытками и, посадя на столб [кол – Л.А.], изрубили в мелкие части**»[6].

Если Иван Сусанин был прилюдно казнен в жилом селении, а не остался лежать на болоте, то можно полагать, что он был похоронен по православному обряду. Существуют два предположения по этому поводу. Одно – менее достоверное, что его останки были перезахоронены в Ипатьевском монастыре. Среди местных жителей же и краеведов более распространенным было мнение, что перезахоронение произошло у старинной деревянной церкви в Домнине, стоявшей когда-то на кладбище у современного каменного храма.

По версии, изложенной в процитированной выше грамоте 1731 года, Михаил Федорович, предупрежденный о незваных гостях Сусаниным через его зятя Собинина, того самого, который затем обратился к царю с просьбой о пожаловании за подвиг тестя, укрылся в Ипатьевском монастыре. Есть другое мнение, что резиденцией Романовых стал их городской двор в Костроме. В монастырь же инокиня Марфа и Михаил, приученные жизненными потрясениями полагаться на Бога, перебрались перед Великим постом 1613 года в силу обычая, чтобы именно в святой обители предаваться молитвам, покаянию и строгому воздержанию[7].

В любом случае нападение польско-литовского отряда и гибель Ивана Сусанина показали ненадежность лесной романовской вотчины как убежища. Михаил Федорович с матерью обосновались в Ипатьевском монастыре, что оказалось решением правильным, хотя и неожиданным, поскольку эта обитель поднялась и процвела под покровительством их злейшего врага Бориса Годунова. Именно здесь Романовы дождались новостей о решении Земского собора.

В Москву депутаты Собора в достаточном количестве (более 700 чел.) съехались в январе 1613 г. На Соборе между боярскими и княжескими родами, их окружением и сторонниками развернулась острая политическая борьба, несмотря на все усилия духовенства, которое постом и молитвами пыталось успокоить бушевавшие страсти. На престол стремились взойти представители знатнейших княжеских семей, восходивших к Рюриковичам или Гедиминовичам: Иван Воротынский, Дмитрий Пожарский, Федор Мстиславский, Иван Голицын, Дмитрий Трубецкой и др. Еще опасней из-за угрозы продолжения интервенции и гражданской войны были претензии не отказавшихся от русского престола шведского и польского королевичей, а также сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II Ивана, прозванного в народе «Ворёнком».

Правда, на первом же заседании Собора было достигнуто единодушное мнение, чтобы не выбирать никого из иноземцев и не допускать к выбо-

рам незаконного сына католички и авантюристки Марины. Впрочем, и к тем, кого считали «своими», тоже имелись претензии и возражения. Голицын находился в польском плену. Воротынский был стар. Мстиславского подозревали в предательстве полякам. Руководители Первого и Второго ополчений Трубецкой и Пожарский считались недостаточно родовитыми. Кроме того, они не очень ладили друг с другом и с другими представителями знати. Многие участники Собора опасались, что знаменитые военачальники будут и впредь прибегать к привычным им «силовым» методам управления, окажутся недостаточно гибкими в условиях, когда надо было добиваться национального примирения.

Решение отстранить от выборов кандидатов-иноземцев и очевидных авантюристов-самозванцев повышало степень личной опасности для Романовых. Лишившись возможности легально заполучить московский престол, интервенты готовы были на все, чтобы сорвать работу Земского собора, на благоприятное решение которого им теперь нельзя было рассчитывать даже теоретически. Им оставался единственный способ помешать невыгодному волеизъявлению Собора – физически устранить реальных претендентов из русской знати. В этом контексте и следует рассматривать нападение на дальнюю и небогатую костромскую вотчину Романовых, вряд ли особенно привлекательную для обычных грабителей и мародеров. При таком подходе оказывается, в общем, не столь важным ответ на вопрос, когда именно было организовано покушение на жизнь Михаила Федоровича, произошло ли оно на одного из потенциальных претендентов на престол, или на уже избранного царя.

В феврале 1613 г. долгие и зашедшие, было, в тупик споры на Соборе о возможных кандидатах на престол неожиданно были переломлены в пользу Михаила Федоровича. Объяснения этому факту требуют отдельного рассказа. Для нас сейчас важно то, что обязательным условием сохранения компромисса, с трудом достигнутого между сословиями и землями на Соборе, становились жизнь и здоровье молодого Романова. Без этого боевые победы народного ополчения и усилия по созыву общероссийского представительного собрания могли быть умалены новыми распрями и продолжением Смуты. Спасение Михаила от покушения сыграло свою роль в борьбе за восстановление государственности России.

21 февраля 1613 г., в первое воскресенье Великого поста, состоялись окончательные выборы. Московская делегация 2 марта отправилась в Кострому и Ипатьевский монастырь добиваться согласия Михаила Федоровича, избранного Собором, на принятие царского венца. Это было далеко не формальным делом. Юному Романову и его окружению, состоявшему в Костроме в основном из женщин, следовало тщательно взвесить дальнейшие шаги, например, подумать, не приведут ли они к расправе над остававшемся в польском плену отцом, достаточно ли сил у новой власти обеспечить безопасность ему самому и его близким. Соборное посольство, отправившееся за Волгу, через уговоры духовных лиц получило 14 марта согласие как сына, так и матери. Можно предположить, что на решение Рома-

новых оказал моральное воздействие и поступок Ивана Сусанина, который явил пример безусловного следования долгу и вере. 11 июня 1613 г. в Успенском соборе Московского Кремля состоялось венчание Михаила Федоровича на царство, знаменовавшее приход к власти новой династии.

Устоял ли бы зыбкий консенсус, достигнутый на Соборе, в случае гибели молодого Романова? Как повернулся бы ход истории, если бы Иван Сусанин не показал смётку и стойкость? Совершенно понятен интерес историков, поэтов, писателей, художников, композиторов, общественных и государственных деятелей к оценке героического поступка Ивана Сусанина, вокруг которого продолжается борьба мнений и оценок. Впрочем, в XVII-XVIII вв. никаких споров не велось. Факт подвига никак не использовался в политической или идейной борьбе, не подвергался сомнению. Он в основном касался взаимоотношений потомков Михаила Федоровича и Ивана Сусанина.

Признание жертвенного подвига Сусанина российские самодержцы из рода Романовых подтверждали неоднократно наряду с привилегиями его наследников. Начало положил тот же Михаил Федорович, издав через 15 лет после первой грамоты еще одну в 1633 г. Его мать завещала Домнинскую волость московскому Новоспасскому монастырю. Тогда в обмен на половину земель д. Деревнищи, которой владели в этой волости потомки Сусанина и из-за чего у них возник спор с монастырем, царь отдал им взамен равноценную пустошь Коробово. Он указал владеть ею дочери Сусанина и ее потомкам, вновь повелев не брать с них никаких податей[8]. Потомки Сусанина вплоть до 1917 г. составляли в Российской империи особое сословие «коробовских белопашцев». Их льготы подтверждались особыми указами Петра I, Анны Иоанновны, Екатерины II, Николая I.

Особое внимание коробовцам уделяли в юбилейный 1913 год. Даже неблизкая Самара вспомнила о них в своих изданиях. «Волжское слово»[9] сообщало не без присущей этому либеральному изданию иронии в адрес действий властей и официальных чествований: «Триста лет коробовцы живут милостями. Это – единственный регулятор в жизни села. Здесь исчисляют эпохи – от милости до милости… Там, где требуется официальное представительство крестьян, - коробовцы в первом ряду. Они – почетные представители при коронациях. В церемонии представлений и шествий у них особое место. И у себя на родине их не забывают. И здесь они при всех проездах и приездах высокопоставленных лиц… Белопашцы – надежный щит костромской администрации. Так сказать «алмаз» в кокарде костромского губернатора… Теперь, в особенности, белопашцы все в почете. В Костроме работают все наличные археологические силы над изысканиями в истории коробцев»[10].

Интерес к личности Ивана Сусанина стал заметно расти в условиях национального подъема, вызванного Отечественной войной 1812 года. Сначала К. Кавосом была написана опера «Иван Сусанин», премьера которой прошла в Петербурге 19 октября 1815 г. Вторая опера, где героем стал Сусанин и которая признана первой русской классической национальной опе-

рой, была создана М.И. Глинкой. Первоначально она, как и опера Кавоса, называлась «Иван Сусанин», но Николай I пожелал дать ей название «Жизнь за царя», под которым опера была поставлена в Петербурге в 1836 г.

Образ Ивана Сусанина в своей пропаганде пытались использовать первые русские революционеры. В 1822 г. появилась известная дума о Сусанине К.Ф. Рылеева, одного из вождей будущих декабристов.

Память о Сусанине чтила церковь. В 1858 г. в Коробове был освящен каменный храм во имя Иоанна Предтечи, святого покровителя Ивана Сусанина, построенный по распоряжению Николая I за счет казны. В д. Деревеньки близ Домнина на том месте, где, по преданию, стояла сусанинская изба, началось в 1911 г. строительство памятной часовни, освященной в 1913 г. До революции ежегодно 29 августа (11 сентября по новому стилю) в день церковного праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи служилась панихида об упокоении души Ивана Сусанина[11].

Все же активнее других эксплуатировала этот образ в развернувшейся идейной и политической борьбе XIX – начала XX вв. царская власть. После пребывания в Костроме в 1834 г. императора Николая I было решено соорудить в городе памятник Сусанину. Памятник был заложен на центральной площади, переименованной по этому случаю в Сусанинскую, и торжественно открыт 14 марта 1851 г. Это был день, когда Михаил Федорович в 1613 г. дал свое согласие принять царство на встрече с делегацией Земского собора в Ипатьевском монастыре. Автором памятника был известный скульптор и ректор Академии художеств В.И. Демут-Малиновский. На гранитной колонне памятника находился бронзовый бюст Михаила Романова, а у подножья колонны стояла коленопреклоненная фигура Ивана Сусанина, сцена гибели которого разместилась в виде барельефа на постаменте.

Такая композиция отвечала своему времени, но после революции стала восприниматься как одиозная. В 1918 г. памятник был разрушен.

Против героизации Ивана Сусанина противники официальной идеологии и существующей власти ополчились еще в середине XIX в. Опорой скептиков стало «историческое исследование» Н.И. Костомарова, в котором он посчитал достоверным «только то, что этот крестьянин был одною из бесчисленных жертв, погибших от разбойников, бродивших по России в Смутное время; действительно ли он погиб за то, что не хотел сказать, где находился новоизбранный царь Михаил Федорович, - это остается под сомнением...» Царистское и патриотическое звучание чествования Ивана Сусанина раздражало Костомарова как интеллигента, близкого к революционерам-демократам и украинским националистам. Он связывал героизацию этого образа с «теорией официальной народности», считая, что лишь в XIX в. «сусанинский эпизод был раскрашен цветами воображения и поднят на ходули; но это миф литературный, книжный, а отнюдь не народный»[12].

В полемику с Костомаровым вступили такие авторитетные историки как С.М. Соловьев и М.П. Погодин[13]. Коллеги указали на основную ошибку построений Костомарова, который, не пытаясь отрицать существование царской грамоты 1619 года, объявил ложным ее содержание. Родне Сусани-

на вряд ли пришло бы в голову обманывать царя, в чем их подозревал Костомаров, тем более их слова из-за небольшой давности событий легко было проверить. Впрочем, спор о Сусанине, в который включились другие исследователи того и последующего времени, принес несомненную пользу, стимулировав исторические исследования по данной тематике.

К сожалению, научную аргументацию в лихие времена подменяли другие методы. В 1938 г. был расстрелян самый активный и эрудированный сторонник героико-патриотической трактовки поступка и образа Ивана Сусанина – костромской историк и краевед Н.Н. Виноградов. Он, в частности, смог опровергнуть утверждение Костомарова о незнании интервентами хода обсуждения кандидатуры Михаила Федоровича на Земском соборе и об отсутствии польско-литовских отрядов в Костромском крае во время пребывания там Романовых[14].

В советские времена печальная судьба постигла еще один монумент в той же Костроме - памятник 300-летию династии Романовых (скульптор А.Х. Адамсон). Среди его фигур был и Сусанин, умирающий у ног богатырки России. Статуи отправили на переплавку, а на постамент установили Ленина.

Из монументов дореволюционной России изображение Сусанина уцелело только на памятнике «Тысячелетие России», воздвигнутом в 1862 г. в Великом Новгороде. Этот памятник остался после 1917 г. также единственным, сохранившим изображения первого царя из династии Романовых, поскольку остальные были уничтожены. Судьбы царя и крестьянина переплелись даже на памятниках, разделив общие времена возвеличивания и забвения.

При советской власти Сусанинскую часовню в Деревеньках превратили в зерносклад, Успенский храм в Домнине закрыли. Заброшена и осквернена была Христорождественская церковь в с. Прискокове, прихожанами которой были «коробовские хлебопашцы» до появления у них собственного храма и рядом с которой были похоронены дочь Сусанина Антонида, его внуки и другие потомки. Храм Иоанна Предтечи в Коробове был полностью разрушен.

Приближение большой войны с фашистской Германией заставило советское руководство поднять из забвения идеи патриотизма. Ивана Сусанина вспомнили в книгах, учебниках, журналах и газетах. Правда, при этом умалчивалась связь крестьянина с царем, а подвиг трактовался вне конкретной исторической ситуации.

Опера М.И. Глинки, с революции не ставившаяся в театрах СССР, была восстановлена с заметными переделками в либретто, из которого исчезли все упоминания о царе Михаиле Федоровиче, Ипатьевском монастыре и т.п. Премьера этой оперы под названием «Иван Сусанин» состоялась в Москве в 1939 г. В том же году «по просьбам трудящихся» указом Президиума Верховного Совета РСФСР старинное село Молвитино, воспетое в бессмертной картине А. Саврасова «Грачи прилетели», центр района, включающего основные «сусанинские» места Костромской области, было переименовано в Сусанино.

В 1967 г. в Костроме появился новый памятник Ивану Сусанину (скульптор Н.А. Лавинский). Он совсем не похож на прежний, выполнен в стилистике советской монументальной пропаганды и установлен над съездом к Волге, т.е. на другом месте, чем произведение Демут-Малиновского, стоявшее в центре главной городской площади. Памятник лишён не только монархических и религиозных, но и каких-либо конкретных исторических символов. Вся композиция состоит из фигуры крестьянина в долгополой одежде на массивном цилиндрическом постаменте с надписью, которая гласит: «Ивану Сусанину - патриоту земли русской». Статуя и облицовка постамента изготовлены из природного камня.

В 1977 г. статус «памятника природы» был присвоен Чистому болоту, благодаря чему оно было спасено от торфоразработок. В 1988 г., когда отмечалось 375-летие подвига Сусанина, на возвышении над Чистым болотом был установлен памятный знак в виде огромного валуна с надписью: «Иван Сусанин. 1613». В том же году неподалеку от Чистого болота и с. Домнино в райцентре Сусанино в помещении Воскресенской церкви был открыт музей. Он получил официальное название «Музей подвига Ивана Сусанина».

С военного 1943 года в Домнине возобновились службы в Успенской церкви, возведенной в 1810-1817 гг. на месте барской усадьбы Шестовых – Романовых, где служил Иван Сусанин. Позднее была отреставрирована мемориальная часовня на месте исчезнувшей д. Деревеньки, где в 1990 г. после долгого перерыва прошел первый молебен. 8 мая 1993 г. патриарх Алексий II отслужил заупокойную литию по Ивану Сусанину у часовни в Деревеньках и молебен в Успенском храме Домнина. В 1994 г. близ этого храма в ограде приходского кладбища был торжественно освящен деревянный крест, установленный на месте предполагаемого захоронения Сусанина. Вновь действует храм в Прискокове.

С 2009 г. в Костромской области восстановлено поминовение Ивана Сусанина в день Усекновения главы Иоанна Крестителя 11 сентября (29 августа по ст. стилю). Возможно, это станет первым шагом к канонизации героя-мученика. На встрече с костромскими студентами в 2002 г. патриарх Алексий II не отрицал такую возможность. Глава РПЦ справедливо отмечал, что «объем сохранившихся исторических сведений о его жизни и подвиге весьма ограничен», но выражал надежду, что работа по изучению исторических сведений о судьбе Ивана Сусанина будет продолжена. Историкам и краеведам остается только согласиться с этими словами патриарха. Впрочем, как бы ни решился вопрос о прославлении Сусанина в лике святых, он давно почитаем русскими людьми как народный герой и пример истинного патриота Отечества.

Нынешнее празднование 400-летия освобождения Москвы силами народного ополчения говорит о том, что к народу возвратилась его историческая память. Политические пристрастия и идейные воззрения не мешают ныне объективному пониманию роли как царя, так и крестьянина, которую они сыграли в окончании Смуты начала XVII века. Перекрестье их

судеб символично. Они встретились только раз в жизни и только для того, чтобы одному отдать жизнь за другого. Подчеркнем, что гибель домнинского старосты была не случайной от рук незнамо откуда забредших лихих людей, а следствием сознательного его выбора как человека долга, верующего в Бога и любящего Отечество. Подвиг Ивана Сусанина по-своему помог разрубить гордиев узел династического кризиса и государственного нестроения, ускорить выход страны из страшного социально-политического кризиса. Так же помогли этому воинское и гражданское мужество ополченцев Минина и Пожарского, приход к спасительному компромиссу сословных представителей на Земском соборе, готовность юного, но подготовленного жизненными испытаниями Михаила Федоровича принять на себя тяжелую ответственность за державу и ее народ.

Подвиг Ивана Сусанина явился одним из самых ярких проявлений народного единства, спасшего Россию от катастрофы. Два человека с совершенно разными судьбами царя и крестьянина навсегда будут стоять рядом в нашем прошлом как символы избавления от Смуты. Этому не могли и не могут помешать ни переплавленные памятники, ни осквернённые святыни, ни попытки отредактировать историю в чьих-то политических или корыстных интересах.

Примечания

[1] См.: Смирнов Ю.Н. Разгром авантюры И. Заруцкого в Поволжье в 1614 г. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период). Уфа, 1988; Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л. Самара в Смутное время // Центр и периферия. 2009. № 1; Смирнов Ю.Н. Роль Самарской крепости в событиях Смутного времени начала XVII в. на юго-восточных границах России // Зубовские чтения. Вып. 4: памяти выдающегося ученого А.И. Комеча. Александров, 2010.

[2] Зонтиков Н.А. Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997. С. 27.

[3] 121-му, а точнее 7121-му году древнерусского счета лет «от сотворения мира» соответствует в современной эре «от Рождества Христова» временной промежуток между 1 сентября 1612 г. и 31 августа 1613 г.

[4] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. 3. С. 214-215.

[5] Виноградов Н.Н. Могли ли польские отряды, действовавшие в пределах нынешней Костромской губернии, до 14 марта 1613 года узнать о предполагаемом или уже совершившемся избрании на царский престол Михаила Феодоровича? // Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. VIII. Кострома, 1915. С.3-5.

[6] Самарянов В.А. Памяти Ивана Сусанина, за Царя, Спасителя Веры и Царства, живот свой положившего в 7121 (1613) году. Кострома, 1882. С. 69-70.

[7] Волкова Е.Ю. Жизненный путь Михаила Романова к престолу и Костромской край // II Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 2009. С. 229.

[8] Самарянов В.А. Памяти Ивана Сусанина. С. 71.

[9] Курмаев М.В. Периодическая печать Среднего Поволжья (до 1917 г.) // «Седьмые Азаровские чтения. Библиотека в информационной среде региона: стратегии формирования и поддержки»: Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2011. С. 199.

[10] Волжское слово. 1913. 24 января. № 20.

[11] Годовой отчет Александровского Православного Братства в г. Костроме за 1913 г. Кострома, 1914. С. 6.

[12] Костомаров Н.И. Иван Сусанин // Костомаров Н.И. Собрание сочинений: в 8 кн. СПб., 1903. Кн. 1. Т. 1. С. 265-280.

[13] Соловьев С.М. История и современность // Наше время. 1862. 12 апреля; Погодин М.П. За Сусанина // Гражданин. 1873. 12 ноября. № 46.

[14] Виноградов Н.Н. Об Иване Сусанине. Были ли польские отряды в районе Костромской губернии в 1612-1613 гг.? // Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. VIII. Кострома, 1915.

Ю.Н. Смирнов*

НАСЕЛЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНОГО И СТЕПНОГО ЗАВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ

Ход заселения и освоения той территории Заволжья, которая до 1851 г. входила в Симбирскую, Саратовскую и Оренбургскую губернии, а затем составила Самарскую губернию, состав постоянных ее жителей и история возникновения новых населенных пунктов затрагивался в некоторых публикациях. Однако если сводные данные по численности и составу населения указанных земель для первой половины XIX в. уже приводились в нашем журнале[1], то более ранний период на рубеже указанных 18-го и 19-го столетий остался неосвещенным, что и вызвало обращение к нему в данной статье. Состояние историографии этой проблемы и источниковой базы ее изучения было отражено в научной литературе[2]. Подчеркнем только использование здесь материалов Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), Государственных архивов Оренбургской и Ульяновской областей (ГАОО и ГАУО), Научного архива Русского Географического общества (НА РГО), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), отделов рукописей Российской национальной библиотеки и Российской государственной библиотеки (ОР РНБ и ОР РГБ).

Изменения административных границ на этих территориях, к сожалению, нарушают сопоставимость данных разного времени. Например, преемственность доступных исследователю сведений прерывается передвижками уездных рубежей в Оренбургской губернии, осуществленными дважды на рубеже XVIII-XIX вв., а также образованием в 1830-е гг. заволжских Николаевского и Новоузенского уездов Саратовской губернии.

Восстановить эту сопоставимость на уровне суммирования данных по отдельным селениям оказывается невозможным, что вызвано не только трудоемкостью такой работы. Дело в том, что, начиная с 4-й ревизии, копии ревизских сказок перестали откладываться в архивах столичных учреждений, а их подлинники на местах в силу состояния и постоянной гибели материалов провинциальных архивов дошли до нас в очень фрагментированном состоянии. Ревизские сказки в современных областных архивохранилищах представляют собой не полный комплекс подобных источников, а лишь коллекции по отдельным населенным пунктам и землевладениям.

---

* © Смирнов Ю.Н.. – доктор исторических наук, декан исторического факультета Самарского государственного университета, 2013

* * Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «»Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Представляется, что приблизиться к искомой сопоставимости можно только, во-первых, на уровне общезаволжских итогов, а, во-вторых, по отдельным районам внутри Заволжского края, не всегда совпадающими с административным деленением. В первом случае, погрешности, существенные на уровне отдельных уездов, будут становиться менее заметными в относительном своем значении для более обширного и многолюдного региона. Во втором случае, сопоставимость обеспечивается варьированием данных разнородных источников, сохранившимися и репрезентативными для конкретных территорий, среди которых можно выделить следующие:

I. Северное (Лесостепное) Заволжье (в составе целиком Ставропольского, Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского и упраздненного Сергиевского уездов и всех тех селений Самарского уезда, что лежат на левобережье Волги за исключением Екатерининской волости Орловых. В административном отношении эта северная половина Заволжья разделена между уездами Симбирской (Ставропольский и Самарский) и Оренбургской (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский, упраздненный Сергиевский) губерний. Губернские границы здесь приблизительно соответствуют географическим ландшафтам Низкого (в Симбирской губернии) и Высокого (в Оренбургской) Заволжья.

II. Южное (Степное) Заволжье, в состав которого входят все заволжские территории Саратовской губернии (за исключением Царицынского, а позднее - Царевского уезда), левобережная часть Сызранского уезда Симбирской губернии, Екатерининская волость Орловых на самом западе луговой стороны Самарского уезда той же губернии. Губернские границы здесь выделяют: 1) северо-западный участок, находившийся в Симбирской губернии и расположенный по берегу Волги в месте изгиба ее течения с широтного на меридиональное направление, 2) основную часть этой территории, так называемое, Саратовское Заволжье в составе одноименной губернии.

С чисто природно-географической точки зрения к Степному Заволжью следовало бы отнести многие южные селения Самарского и Бузулукского уездов, но обозначить настолько точно ландшафтную границу просто невозможно. Здесь приходится следовать административному делению, которое несколько увеличивает население территории, условно отнесенной к лесостепной зоне.

Далее в тексте географические определения Северное (Лесостепное) Заволжье с подразделением на Низкое и Высокое, а также Южное (Степное) Заволжье с обозначенной выше разбивкой на отдельные участки будут употребляться для условного обозначения перечисленных районов взамен их определения развернутым описанием. В случае отсутствия возможности выделить указанные территории из погубернских или поуездных сведений будут употребляться также данные по административным единицам в целом.

Низкое Заволжье имело следующие состав и численность непривилегированного населения в 1781 г. (по ведомостям Самарского и Ставропольс-

кого уезда) и в начале XIX в. (по сведениям Генерального межевания). Для отдельных категорий жителей при подсчетах проводились уточнения по другим документам данного периода[3]:

Низкое Заволжье: Самарский (северо-западная часть) и Ставропольский уезды						
Сословия (непривилегированные)	пол	1781 г.		начало XIX в.		
		чел.	в % от всего непривилегированного населения	чел.	в % от всего непривилегированного населения	в % от численности на 1781 год
горожане	м.п.	1245	3,3%	1644	2,7%	132,05%
	ж.п.			1570		
однодворцы, пахотные солдаты	м.п.	3451	7,3%	5043	8,3%	146,13%
	ж.п.			5231		
служилые мурзы и татары	м.п.	1604	3,4%	2871	4,7%	178,99%
	ж.п.			2986		
экономические крестьяне, русские ясачные, непомнящие родства, крещеные и некрещеные ясачные, ямщики	м.п.	17621	37,3%	23355	38,4%	132,54%
	ж.п.			24201		
помещичьи крестьяне и дворовые	м.п.	12986	27,5%	19498	32,0%	150,15%
	ж.п.			19911		
удельные крестьяне	м.п.	550	1,2%	1768	2,9%	321,45%
	ж.п.			1788		
ВСЕ ПОДАТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ	м.п.	40365	85,5%	54179	89,0%	134,22%
	ж.п.			55687		
отставные военнослужащие	м.п.	3062	6,5%	3066	5,0%	100,13%
	ж.п.			3706		
казаки	м.п.	419	0,9%	706	1,2%	168,50%
	ж.п.			714		
калмыки	м.п.	3034	6,4%	2921	4,8%	96,28%
	ж.п.			2787		
персы	м.п.	320	0,7%	0		
	ж.п.					
ссыльные	м.п.	26	0,1%	10	0,02%	38,46%
	ж.п.			6		
ВСЕ НЕПОДАТ-НЫЕ НЕПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ	м.п.	6861	14,5%	6703	11,0%	97,70%
	ж.п.			7213		
Итого всех непривилегированных сословий	м.п.	47226	100,0%	60882	100,0%	128,92%
	ж.п.			62900		

По указанным выше источникам численность лиц привилегированных сословий на всей этой территории в начале XIX в. была следующей:

– дворяне, штаб и обер-офицеры (с членами семей) - 200 мужчин и 175 женщин, а всего 375 чел.;

– священно и церковнослужители (с членами семей) - 758 мужчин и 866 женщин, а всего 1624 чел.;

– все неподатное привилегированное население - 958 мужчин и 1041 женщин, а всего 1999 чел.

Общее число жителей на землях Низкого Заволжья в Симбирской губернии составило 61840 мужчин и 63941 женщин, а всего 125781 чел.

Северо-западные уезды Оренбургской губернии (Высокое Заволжье) имели в конце 1780-х гг. следующую численность податного населения (по донесениям губернских властей[4]):

Высокое Заволжье. Конец 1780-х гг. (чел.)							
Сословия	пол	Бугульма и уезд	Бугуруслан и уезд	Сергиевск и уезд	Бузулук и уезд	Всего	в % по сословиям
городские	м.п.	673	711	428	456	2268	4%
сословия	ж.п.	820	821	417	500	2558	
государст-венные	м.п.	20584	11650	6786	3499	42519	72%
крестьяне	ж.п.	20654	11479	7339	3520	42992	
помещичьи	м.п.	1928	2927	5040	4186	14081	24%
крестьяне	ж.п.	1918	2887	4901	4198	13904	
Все	м.п.	23185	15288	12254	8141	58868	100%
податное	ж.п.	23392	15187	12657	8218	59454	
население	об.п.	46577	30475	24911	16359	118322	
В % по уездам	об.п.	39%	26%	21%	14%	100%	

На рубеже XVIII-XIX вв. податное население этой территории выросло на 134 %, и общая численность всего населения, включая неподатное, достигла следующих цифр, зафиксированных в материалах Генерального межевания и частично приводившихся в литературе[5]:

Высокое Заволжье. Рубеж XVIII-XIX вв. (чел. об.п.)					
Сословия	Бугульма и уезд	Бугуруслан и уезд	Бузулук и уезд	Всего	в % от всех жителей
податное население				158277	87%
неподатное население				24064	13%
Все население	61414	78853	42074	182341	100%
в % по уездам	34%	43%	23%	100%	

Успехи освоения заволжских земель этой губернии у юго-восточных рубежей Европейской России на рубеже XVIII-XIX вв. были неоспоримы. Однако возможности этого освоения были далеко не исчерпаны. Эту ситуацию обрисовал в 1802 г. в своем топографическом описании П. Чичагов, назвавший Бузулукский, Бугурусланский, Бугульминский уезды с прилегающими к ним территориями других уездов хлебным «магазейном сей Оренбургской губернии», в котором, однако, оставалось еще много незанятой и незаселенной земли[6].

Неподатное население мужского пола в заволжских уездах Оренбургской губернии в целом и по отдельным сословиям составляло нижеприведенные числа (по материалам ревизования губернии сенатором М.Г. Спиридовым[7]):

Высокое Заволжье. Рубеж XVIII-XIX вв.		
Сословия	Душ м.п.	В % по сословиям
ВСЕ НЕПОДАТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ	12032	100,0%
Из них: отставные нижние чины и их дети	6818	56,7%
казаки служащие, отставные, малолетки	1819	15,1%
башкиры	2936	24,4%
Итого непривилегированные люди	11573	96,2%
священники и церковнослужители	306	2,5%
помещики, заводчики, татарские князья и мурзы (проживающие в своих уездах)	153	1,3%
Итого привилегированные сословия	459	3,8%

До осуществления губернской реформы Екатерины II число жителей заволжских территорий Оренбургской губернии вместе с левобережьем Самарского уезда составляло примерно 85 тыс. чел. обоего пола[8]. На юго-во-

сточных окраинах прежней Казанской губернии, строго говоря, относящихся к исторической территории Закамья, но отошедших в состав Ставропольского и Самарского уезда в их новых границах, а потому и учтенных вместе с другими заволжскими территориями, проживало более 30 тыс. чел.[9]

Таким образом, в северной части Заволжья, взятой в изменившихся административных единицах, численность населения увеличилась за 1780-е - 1810-е гг. с приблизительно 115 тыс. чел. до 308122 чел. Это означает его рост почти в 2,7 раза. В сопоставимых границах население северо-запада Заволжья, вошедшего в Симбирскую губернию, выросло всего лишь менее чем на треть. Отсюда становится очевидным, что основной прирост жителей приходится на северо-восток края, находившийся в составе Оренбургской губернии.

Высокими темпами заселялся и волжский берег между устьями рек Безенчука и Чагры. Там население выросло в 3,1 раза, что показывают подсчеты данных ведомостей марта 1781 года об образовании Самарского и Сызранского уездов Симбирской губернии, сведений из вотчинного архива Орловых и материалов, собранных в ходе Генерального межевания[10]:

Левобережье Сызранского и Екатерининская волость Самарского уезда							
Территориальные и сословные группы крестьян	1781 г.		Начало XIX века				
	душ м.п.	%	душ м.п.	в % к 1781 г.	душ ж.п.	душ об.п.	%
Помещичьи на левобережье Сызранского уезда	295	15,7%	2797	948,1%	2950	5747	47,7%
Помещичьи в Екатерининской вол. Самарского уезда	1581	84,3%	2364	149,5%	2626	4990	41,4%
Помещичьи всего	1876	100%	5161	275,1%	5576	10737	89,1%
Экономические на левобережье Сызранского уезда	0	0%	644		671	1315	10,9%
Итого крестьян	1876	100%	5805	309,4%	6247	12052	100%

Кроме того, здесь же были разбросаны многочисленные хутора сызранских горожан. Население их числилось по городу, но некоторые купцы и мещане перебрались фактически сюда на новое место жительства и обзавелись хозяйством. На хуторах имелся свой староста, к которому обращались чиновники местной администрации в случае необходимости[11]. Четко прослеживается тенденция постепенного превращения заволжских сызранских хуторов в постоянные поселения.

Еще более впечатляющими были темпы заселения левобережных частей четырех уездов Саратовской губернии, где число лиц податных сословий, по данным Генерального межевания, достигло таких показателей[12]:

Кроме податного населения, в заволжских степях имелось и военно-служилое, что было вызвано непрекращающимися набегами кочевников. В течение 1782-1799 гг. казахами было похищено, не считая сумевших сбежать домой или тех, кого удалось отбить, 669 оседлых жителей, а за короткий период с начала 1799 по май 1800 гг. это число составило 177 чел. В их числе было немало жителей Степного Заволжья, которые пропадали ежегодно. Вот небольшой перечень примеров:

июль 1796 г. - с сенокоса в Саратовской губернии угнано 5 чел.;

август 1796 г. - у деревни Тягловки Вольского уезда захвачено 6 чел.;

июль 1799 г. - в самой деревне Чертанлы Саратовского уезда взято 3 чел. и еще один близ нее при пастьбе скота;

август 1799 г. - попали в плен казак Узенской крепости и с ним 5 чел.[13]

		Степное	Заволжье		
Территориальные и сословные группы податного населения	душ м.п.	в % ко всему населению региона	в % к населению левобережных частей отдельных уездов	душ ж.п.	душ об.п.
Камышинский уезд	3231	7,7%	100,0%	3458	6689
в т.ч. помещичьи	25	0,1%	0,8%	28	53
удельные	325	0,8%	10,1%	347	672
колонисты	2376	5,7%	73,5%	2505	4881
малороссияне	110	0,3%	3,4%	162	272
однодворцы и пахотные солдаты	392	0,9%	12,1%	411	803
государственные	3	0,0%	0,1%	5	8
Хвалынский уезд	11824	28,2%	100,0%	8104	19928
в т.ч. помещичьи	2822	6,7%	23,9%	2839	5661
удельные	2024	4,8%	17,1%	521	2545
однодворцы и пахотные солдаты	2678	6,4%	22,6%	1039	3717
государственные	4300	10,2%	36,4%	3705	8005
Вольский уезд	18057	43,0%	100,0%	11953	30010
в т.ч. помещичьи	226	0,5%	1,3%	220	446
удельные	3938	9,4%	21,8%	2860	6798
колонисты	3376	8,0%	18,7%	3240	6616
малороссияне	1305	3,1%	7,2%	720	2025
однодворцы и пахотные солдаты	3416	8,1%	18,9%	1501	4917
государственные	5796	13,8%	32,1%	3412	9208
Саратовский уезд	8860	21,1%	100,0%	3699	12559
в т.ч. удельные	277	0,7%	3,1%	242	519
колонисты	2451	5,8%	27,7%	2384	4835
малороссияне	4504	10,7%	50,8%	41	4545
однодворцы и пахотные солдаты	89	0,2%	1,0%	62	151
государственные	1539	3,7%	17,4%	970	2509
Всего	41972	100,0%	100,0%	27214	69186
в т.ч. помещичьи	3073	7,3%		3087	6160
удельные	6564	15,6%		3970	10534
колонисты	8203	19,5%		8129	16332
малороссияне	5919	14,1%		923	6842
однодворцы и пахотные солдаты	6575	15,7%		3013	9588
государственные	11638	27,7%		8092	19730

В 1778-1798 гг. из хивинского и бухарского плена было выкуплено 335 чел., угнанных прежде кочевниками, а в 1799 г. еще 8 чел. Цена выкупа обычно колебалась от 100 до 200 руб., но иногда достигала 300 руб.[14] О заволжских степях ходила недобрая слава, отголоски которых слышались в рассказах старожилов даже в середине XIX века: «Простой народ недавно еще говорил: страшно туда ездить; там звери хищные рыщут стадами, и Киргизы губят людей и уводят их в плен. Приедут два или тры ордынца с длинными уключинами в руках на стан к русскому, и, обобрав его начисто,

ускачут; а иногда и людей увезут в плен и продадут в Хиву. Иногда ограбят целое селение»[15].

В середине мая 1788 г. была заложена Узенская крепость, а в 1803 г. окончательно оформилась Узенская цепь кордонов. Она имела 13 постов. Протяжённость линии составляла 2871 вёрст. Здесь несли службу 13 старшин, 197 казаков и 89 калмыков. Они охраняли селения по рекам Узеням, Иргизу и Караману и конвоировали проходящие к Оренбургу и обратно караваны. Без серьёзных изменений этот пограничный рубеж существовал до 1829 г.[16]

Население левобережной половины Саратовской губернии достигло в начале XIX в. 70 тыс. чел. В 1781 г. это население составляло до 28 тыс. чел.[17] Однако без жителей Николаевской слободы и других селений в юго-восточной части Камышинского уезда, не вошедшей позднее в Самарскую губернию и потому не учтенной в вышеприведенной таблице, податное население собственно Степного Заволжья насчитывало до губернской реформы в сопоставимых границах немногим более 20 тыс. чел. Таким образом, примерно за 30 лет это население выросло здесь почти в 3,5 раза.

Несколько более быстрый рост населения на юге Заволжья не смог преодолеть сохранявшуюся неравномерность заселения его территории. Плотность населения по-прежнему снижалась по мере удаления от соседних регионов более раннего заселения с севера на юг и с запада на восток. Это отчетливо видно как в сравнении заселенности отдельных уездов, так и внутри них.

В Спасском и Чистопольском уездах Казанской губернии, включавших территорию исторического Закамья, плотность населения, по данным Генерального межевания, соответственно составляла 12,6 и 11,4 чел. на кв. версту. В пограничных с ними северных заволжских уездах она уже была заметно меньше. При этом в западном приволжском уезде, Ставропольском, она равнялась 7,9 чел. на кв. версту (на противоположной стороне Волги в Симбирском и Сенгилеевском уездах - 14,2-14,6 чел. на кв. версту), а в восточном Бугульминском составляла 5,6 чел. на кв. версту. Южнее Бугульминского располагался Бугурусланский уезд с плотностью населения в 4,7 чел. на кв. версту, а еще южнее - Бузулукский, где эта плотность равнялась всего 1,9 чел. на кв. версту[18].

Даже внутри одной административной единицы прослеживалась неравномернсть распределения населения в северных и южных селениях. В качестве примера можно привести подсчеты по Бузулукскому уезду, который рассекается течением р. Самары в широтном отношении на две приблизительно равные половины. Если во всех землевладениях здесь насчитывалось 21452 душ м.п. податного и неподатного населения, то из них на земельные дачи южной половины уезда приходилось только 4105 душ м.п., т.е. менее одной пятой[19].

Освоенность заволжских территорий была гораздо слабее правобережья Волги, что отчетливо выявляется и в поуездных данных, и во внутриуездных пропорциях. В качестве примера можно привести Хвалынский уезд, где соотношение земельных угодий и населения между правобережными

и левобережными частями было типично для данных Генерального межевания[20]:

Земельные угодья и население Хвалынского уезда								
Территории	Удобной земли	в том числе				Неудобья	Общая площадь	Население
	всего (дес.)	поселения (дес.)	пашня (дес.)	покосы (дес.)	лес (дес.)	всего (дес.)	всего (дес.)	душ м.п.
Уезд в целом	1025232	7703	299381	529959	188189	202134	1227365	47155
Луговая сторона	536433	1227	81010	443737	10459	126325	662758	11824
Доля луговой стороны	52%	16%	27%	84%	6%	62%	54%	25%

На составляющей свыше половины всей территории уезда луговой стороне проживала лишь четверть его населения. На долю левобережной части приходилось чуть более четверти пахотных земель и 16 % от площади жилых поселений. Трудности освоения были связаны не только с более поздним началом заселения луговой стороны, но и с объективными условиями. Здесь практически не было леса, а доля неудобий была выше, чем на правобережье. Преимущества луговой стороны заключались в обилии сенокосов, пастбищ и еще нераспаханных степей.

Вместе с тем левобережье Хвалынского уезда было заселено более плотно, чем лежащий восточнее и дальше от Волги Бузулукский уезд (3,2 чел. на кв. версту против 1,9 чел. на кв. версту). В более южных уездах Степного Заволжья плотность была еще меньше и составляла на луговой стороне Вольского, Саратовского и Камышинского уездов 0,2-0,4 чел. на кв. версту. В то же время на горной стороне последних трех уездов эта плотность была значительно выше и соответственно равнялась 5,0 чел. на кв. версту в Вольском уезде, 15,8 чел. на кв. версту - в Саратовском, 7,5 чел. на кв. версту - в Камышинском[21].

В заселении территорий, лежащих к югу от р. Самары, наряду с представителями оседлых народов приняли участие и башкиры.

В рассматриваемый период времени росло не только сельское, но и городское население Заволжья. В основном русское по свое составу оно включало, как и прежде, и представителей иных национальностей, в том числе весьма экзотических. В 1784 г. в мещанство Бугуруслана был записан новокрещен Александр Максимов. Настоящим его именем было Мустафа сын Али, а родиной - Константинополь. Он служил янычаром, попал в плен, женился на русской крестьянке, прижил от нее детей, принял православие, да так и остался в России, благо, что обладал не только военной, но и мирной профессией, поскольку знал сапожное ремесло[22].

Организация надежной обороны от кочевников, упрочение местных органов власти, подавление больших мятежей и локальных волнений, энергичная борьба с побегами и разбоями делали окраинные земли Юго-востока России все более привлекательными для помещиков. Участие их в освоении края становится более заметным по сравнению с предшествующим временем.

До последней четверти XVIII в. распространение помещичьего землевладения в Заволжье происходило относительно медленно. Дворянские вотчины имелись только в северных и приволжских районах края. На рубеже XVIII - XIX вв. дворянское землевладение интенсивно расширяется уже не только в лесостепной зоне, но и в Степном Заволжье. Помещичье землевладение росло за счет покупок земель, царских пожалований, прямых захватов, которые затем утверждались в ходе Генерального межевания. Проведение Генерального межевания стало важнейшей акцией правительства, необходимой для упорядочения землевладения, разрешения споров по поводу сельскохозяйственных угодий, поощрения к заселению и освоению новых территорий. В 1797 г. было объявлено о начале Генерального межевания в Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерниях в полном масштабе. Это еще более стимулировало активность помещиков в приобретении земель и заселении их своими крепостными. Помещики были поставлены при этом в самые благоприятные условия.

В отношении казенных крестьян Межевая инструкция устанавливала 15-десятинную «пропорцию» на душу мужского пола, сверх которой угодья из их пользования изымались. Последнее часто происходило во вновь заселяемых районах, где вольные пеўреселенцы занимали большие площади свободных земель. Так, при межевании у государстўвенных крестьян села Титовки с окрестными деревнями и деревни Липяги было отрезаўно соответственно 11 тыс. и 3,5 тыс. дес. пахотной земли и покосов.

Пострадали и некоторые, как правило, не очень состоятельные помещики, которые, захватив своўбодные земли, не смогли их освоить и заселить, а потому вынуждено отдавали казне как «излишне присвоенные». В окрестностях Самары подобные потери понесли помещики Молостов и Стромилова. У последней, владевшей деревней Подстепновкой, где было поселено всего 2 крестьянских двора и 20 жителей, отрезали в казну более 500 дес.[23]

Однако, у крупных помещиков было достаточно возможностей, чтобы сохранить излишне занятые земли, если не в судебном, то в явочном порядке. Чтобы продолжать ими пользоваться произвольно или на условиях выгодной аренды, необходимо было не допустить освоения их переселенцами. Так, поступили «господа Самарин и Урусов», которые «по усильствам своим... наглостию согнали» деревню на р. Чагре при устье р. Черненькой, где в 1796 г. поселились 673 переселенца из Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерний. Несмотря на то, что эта земля была отчуждена от помещиков в казенное ведомство, а у новоселов было разрешение на переход от Саратовской казенной палаты, и хотя Вольский и Хвалынский нижние земские суды поддержали их, последним ничего не осталось как возвратиться на прежнее место жительства или подселиться в существующие заволжские поселки. При этом переселенцы понесли большие убытки, поскольку у них были разрушены строения, отнят скот и имущество на 3600 руб. «в виде буйственном тех господ управителей, их крестьян вооруженною рукою»[24].

В тех случаях, когда применение силы было неуместным, использовались другие способы сохранения за собой отрезанных в казну земель. В 1801 г. М.П. Искрицкому было пожаловано более чем 15 тыс. десятин, отрезанных в ходе межевания у Самариных, а также у их соседей Урусовых, Кокошкиных и княгини Голицыной. Ни Искрицкий, ни его наследники не сумели освоить эту землю и заселить ее своими крепостными. Она попала в аренду к крестьянам Самариных, была включена в хозяйственный оборот, а в 1833 г. Ф.В. Самарин выкупил ее окончательно у номинальных владельцев за 28 тыс. руб.[25]

Вообще крупные землевладельцы гораздо чаще использовали Генеральное межевание с выгодой для себя, нежели терпели в ходе него какой-либо урон. В литературе уже приводились примеры тому из истории вотчины Орловых на Самарской Луке и в ее окрестностях[26].

Схожее отношение к переселениям на новые земли проявляли и другие дворяне. Г.Р. Державин писал своему управляющему в Бузулукский уезд в 1793 г.: «Перевод казанских крестьян, хотя я некоторых небольшим числом и позволяю, но надобно оной зделать с разсмотрением и перевесть разве только тех, которые хороших домов и хлебопашества не имеют и по лености своей требуют особого вашего присмотру»[27].

Особенно трудно приходилось тем помещичьим крепостным, чьи хозяева от недостатка средств или от жадности предпринимали перевод на новое место жительства без надлежащей подготовки, которую осуществляли, например, во владениях Орловых или Державина. Известный публицист-«западник» К.Д. Кавелин признавался на страницах конфиденциального письма управляющему своего села Константиновского в Саратовском Заволжье в том, о чем никогда не говорил в печати: «Если мужики меня убьют, я буду говорить в минуту смерти: эти люди платят мне за грехи моих предков и они правы… Спросите у старых людей, хоть у Натальи, сколько их перемерло от того, что их переселили, а дворов у них не было!»[28]

На фоне таких признаний классическая картина переселения, нарисованная С.Т. Аксаковым, смотрится идеальным наставлением в том, как следовало бы вести дело рачительному помещику, или преданием о добрых старых временах, в котором по свойству человеческой памяти стерлись воспоминания о плохом: «В ту же осень двадцать тягол отправились в Бугурусланский уезд, взяв с собой сохи, бороны и семенной ржи: на любых местах взодрали они девственную почву, обработали двадцать десятин озимого посеву, то есть переломали непаренный залог и посеяли рожь под борону; потом подняли нови еще двадцать десятин для ярового сева. поставили несколько изб и воротились домой. В конце зимы другие двадцать человек отправились туда же и с наступившею весною посеяли двадцать десятин ярового хлеба, загородили плетнями дворы и хлевы, сбили глиняные печи и опять воротились в Симбирскую губернию, но это не были крестьяне, назначаемые к переводу; те оставались дома и готовились к переходу на новые места: продавали лишний скот, хлеб, дворы, избы, всякую лишнюю рухлядь». Схожими были и записи семейных преданий Рычковых-«Рожно-

вых», живших по соседству с Аксаковыми-«Багровыми»: «Петр Андреевич ездил в Симбирскую губернию, где у одного из помещиков купил три семейства крестьян. Новоўкупленные мужики явились к Петру Андреевичу в рубищах, так что он так же купил им одежду и дал денег на проезд и продовольствие дорогой. Переведенным мужикам были выстроены дворы, дан скот и они в короткое время сделались из нищих зажиточными крестьянами»[29].

Предания не договаривают, что даже предварительная установка дворов и заранее сделанный посев вовсе не гарантировали сносных условий жизни новоселов. Из документов видно, что положение крестьян, принудительно подвергнутых переселению, было в первые годы очень тяжелым даже в тех вотчинах, где была проведена необходимая подготовка к их переводу. Показательно обращение в 1806 г. в Усольскую вотчинную больницу с тяжелой степенью цинги («цинготными ранами») крестьян из с. Воскресенки. Представители вотчинной администрации Орлова сами признавали недостаток продуктов питания и других средств существования у жителей новых степных поселков, «кои навсегда в Самаре, под окошками купецких и других домов стоя, и просят милостины. Да не то что по городу, но даже и в смежных к Воскресенскому и Преображенскому деревням и от самых работ без ведома старосты Шадрина за милостынями отлучаются... А потому и пища их должна быть весьма недостаточна»[30].

Почти каждый из этих крупных помещиков имел благоприятную для организации переселений связку из землевладений на правобережье и за Волгой. Подобным образом поступали, избавляясь от земельной тесноты и чересполосицы в местах давнего освоения, представители многих дворянских семей, которые старались обзавестись заволжскими целинными угодьями. Так, в 20 верстах от Сызрани располагалась дача села Репьевки с деревнями Ратовкой, Матруниной и Васильевкой. По данным Генерального межевания, 425 дворов и 3 тыс. крепостных принадлежали здесь 14 помещикам. Из них на долю статского советника В.Б. Бестужева приходилось 166 дворов и 1,1 тыс. крестьян. В этой ситуации на другом берегу Волги им были поселены собственные деревни Бестужевка и Якобьевка, в которых уже находилось 30 дворов и более 200 крестьян и имелось достаточно земли для дальнейших переселений[31].

Постепенно возникали и другие крупные имения в Заволжье. В Бузулукском уезде из 100 помещичьих семейств большинство владело от 100 до 500 душ крепостных. А у знаменитого поэта и видного государственного деятеля Г.Р. Державина в этом уезде («как в жалованных землях покойному родителю моему, так и в купленных покойною матерью моею и собственно мною самим») в четырех селах и деревнях по реке Кутулуку насчитывалось около 900 крепостных. На северо-востоўке Самарского уезда в 9 селениях помещика Зубова (Зубовка, Озерки, Краснощиха, Дмитриевка и др.) жило 2,5 тыс. крестьян. На юго-западе того же уезда в пяти новых селениях, заведенных по Волге и Чагре, помещика Самарина (Владимировка, Озерецкое, Спасское, Васильевское, Аннино) обосновалось до 4 тыс. чел.[32]

Широко практиковалась покупка чужих крестьян на вывод для обживания многоземельных, но малолюдных имений. Так, Ф.М. Тимашевым в имение неподалеку от Сергиевска в конце XVIII в. к своим 515 крепостным людям обоего пола было подселено 13 человек, полученных в приданное за женой, а также 143 человека, купленных у других владельцев[33].

Как и прежде, среди переселенцев встречались беглые, которым, правда, стало труднее легализовать свое положение. Впрочем, часто их помещики по возможности предпочитали не возвращать найденных людей в старинные места жительства, а водворяли их в новых заволжских поселках, что также соответствовало практике предшествующего времени. В 1784 г. отставной поручик Р.И. Ждамиров обнаружил среди бугурусланских государственных крестьян Агафона Иванова, бежавшего еще в 1769 г. из его деревни в Алатырском уезде. В ходе следствия выяснилось, что первоначально тот ушел на Иргиз, где провел 8 лет, а затем купил чужую отпускную. С ней он явился властям, получив разрешение поселиться и записаться в подушный оклад в Бугуруслане. По просьбе хозяина, беглеца не отправили на родину, а определили на жительство в д. Ждамировку соседнего Бузулукского уезда[34].

Межевая инструкция предусматривала также выделение земель для государственных и дворцовых крестьян, испытывавших недостаток в сельскохозяйственных угодьях. При нехватке казенной земли на прежнем месте жительства и в его окрестностях и желании занять ее до полной 15-десятинной «препорции» государственные крестьяне вынуждены были из плотно заселенных уездов правобережья перебираться в Заволжье, располагавшее незанятыми степными участками.

На казенных землях, так называемой «Уральской степи» к югу и востоку от г. Самары были «населены по открытии Симбирской губернии здешнею палатою переведенцами из разных селений» поселки государственных крестьян: Русские, Мордовские и Чувашские Липяги, Дубовый Умет, Чернореченская, Спиридоновка, Колывань. Их население быстро росло. Если в 1783 г. в Дубовом Умете числилось 54 души м.п. ясачных и экономических крестьян, то в 1799 г. их уже было 164 души м.п. За тот же срок население Спиридоновки увеличилось со 121 души м.п. до 220 душ, а Чернореченской - с 27 до 123 душ м.п. Рост числа жителей происходил за счет переведенных «по позволению палаты». Кроме того, на землях этих трех поселков к началу Генерального межевания возникли еще два селения, Бобровка и Березовый Гай[35].

В 1801 г. Симбирская казенная палата по прошению экономических крестьян сел Студенца и Рачейки Сызранского уезда определила отдать им свободные земли при верховьях реки Безенчук. Земли отводились по норме Межевой инструкции на 277 переселенцев. Возникла деревня, первоначально названная Новым Студенцом, Безенчук тож (ныне село Студенцы)[36].

Переселенческие потоки на территории Симбирской губернии, где свободных и незаселенных пространств оставалось не очень много, да и располагались они невдалеке от уездной Самары, контролировались местны-

ми властями более тщательно, чем оренбургской администрацией. Случаев переселения в заволжские уезды еще пустынного и малолюдного Оренбургского края при посредстве казенных палат встречалось меньше, здесь «абсолютное большинство переселений государственных крестьян происходило самовольно»[37].

Власти и межевщики в восточных уездах Заволжья ставились, как правило, перед свершившимся фактом появления новых поселков на свободных землях. Так, документы очередной 5-й ревизии (1796) и Генерального межевания (1799-1802) зафиксировали существование ряда довольно крупных селений с несколькими сотнями жителей в Бузулукском уезде. Среди них Утевка, сложившаяся из четырех поселков и населенная как выходцами из ближней Красносамарской крепости, так и переселенцами из Пензенской, Тамбовской, Туўльской губерний. Недалеко от нее возникла Домашка, основали которую украинские, русўские, мордовские крестьяне из Тамбовской, Курской, Орловской губерний. Переходы из дальних мест сочетались с образованием выселков из здешних разросшихся селений. Еще в 1784 г. было дано разрешение «о дозволении к переселению на реки Боклу и Бугуруслан Канды(з)ской слободы жителям всего сту осми душам, и о взятии в согласном между ими, как доныне было, происхождении, яко то в платеже государственных податей и поставке рекрут подписки и о присылке оной...»[38]

Отмеченное выше широкое переселенческое движение из губерний Черноземного Центра в Заволжье было явлением сравнительно новым. В XVIII в. в потоке здешних новоселов почти безраздельно преобладали выходцы из уездов, лежавших по Волге и ее притокам. Позднее дальние переходы становятся столь же обычным делом, как и прибытие новых жителей из более близких и доступных мест Правобережья и Верхневолжья. Такое изменение географии выходцев означало усиление роли русских в освоении заволжских пространств.

С 1799 по 1811 г. в Бузулукский уезд прибыло из Рязанской, Тамбовской, Казанской, Нижегородской, Саратовской, Симбирской, Пензенской губерний и некоторых уездов Оренбуржья более 14 тыс. душ м.п., в основном русских государственных крестьян, а кроме того более 1066 душ м.п. крестьян мордовских, 363 души м.п. - чувашских, 230 душ м.п. - татарских. Более сложным в этническом отношении оставался поток переселенцев в северо-восточные уезды Заволжья, поскольку в нем большее значение сохраняли традиционные пути из многонациональных соседних губерний Средней Волги. Но и здесь русские составляли больше половины всего числа новоселов. За 1799-1811 гг. среди переселенцев в Бугурусланский (10,5 тыс. ревизских душ) и Бугульминский (19 тыс. душ) было соответственно: русских 6,3 тыс. и 9,1 тыс., мордвы 2,5 тыс. и 4,8 тыс., чувашей 1,7 тыс. и 4,4 тыс., а также несколько сот татар и тептярей[39].

При преобладании стихийного начала, естественного для вольной крестьянской колонизации, правительство все же пыталось регулировать этот процесс. По именному указу 1797 г. подтверждалось наделение организо-

ванных переселенцев из казенных крестьян «пропорцией» Межевой инструкции в 15 дес. на ревизскую душу, предоставляўлось пособие (на семью 12 рублей) и освобождение на 3 года от выплаты податей и рекрутской повинности[40].

В 1805 и 1808 гг. были утверждены правила о переселении казенных крестьян из внутренних губерний на окраины, согласно которым первоочередўное правило на переселение предоставлялось жителям малоземельных селений (в первую очередь имевшим менее 2,5 дес. надельной земли на душу м.п.), уточняўлись нормы наделения землей, денежных ссуд, налоговых льгот[41]. Однако, как случалось нередко, многие из благих начинаний жили только на бумаге. Крестьяне чаще предпочитали «синицу» самовольного перехода «журавлю» обещаний, терявшемуся в недрах бюрократических учреждений.

Наряду с казенными, активно переселялись в Заволжье дворцовые крестьяне. Они реже продвигались вглубь неосвоенных районов, предпочитая оседать на еще весьма свободных землях удельного ведомства, тянувшихся, не удаляясь от Волги, от Черемшана до Иргиза. В 1794 г. в с. Верхнее Санчелеево под Ставрополем было переведено несколько десятков дворцовых крестьян из Краснослободского уезда Пензенского наместничества. Неподалеку возникли новые мордовские деревни Васильевка и Мусорка. Основателями последней стали пришедшие сюда в 1795 г. новокрещены из Алатырского (289 чел. об.п.) и Котяковского уездов (53 чел.) Симбирского наместничества. Новокрещенная мордва (177 чел.) перешла тогда также из Алатырского уезда в Самарский в дворцовую деревню Спиридоновку. В 1791 г. «Федор Спиридонов с товарищи в числе 8-ми ревизских душ с семействами перешли» в Самарский из Карсунского уезда Симбирской губернии и основали д. Нижнюю Падовку. В 1793 г. появилась гораздо более многолюдная д. Верхняя Падовка (725 чел. об.п.), заселенная дворцовыми крестьянами из Алатырского уезда[42].

Кроме соображений материальных, к переселению толкало стремление избежать на новом месте религиозных гонений. Вслед за старообрядцами, которым разрешили посеўляться на Иргизе, туда же устремились сектанты-молокане. По совету основателя секты Уклеина, в 1792 г. из Балашовского уезда Саратовской губернии на Иргиз вышли 448 молокан и основали село Тяглое Озеро. Оттуда по мере увеличения числа жителей они расселялись в поселки и хутора по тому же Иргизу (Канаевка, Константиновка), по Чагре (Хворостянка, Острая Лука), по Моче (Сухая Вязовка, Яблоневый Овраг, Богдановка). «Во всех этих поселках уже в конце XVIII века молокан числилось 970 душ об. пола». Молоканские поселки возникали не только в вышеперечисленных местах будущеўго Николаевского уезда, но и в южной части Бузулукского. В 1809 г. на реке Съезжей беглые солдаты и крестьяне из молокан поставили первые 10 дворов в Алексеевке (Земўлянке). «Для избежания преследования со стороны начальства поселенцы старались совўсем не делать дороги к своему селению и самые жилища поставили в овраге в далеком друг от друга расстоянии»[43].

В течение последней четверти XVIII и в начале XIX вв. заселение Самарского края интенсивно продолжалось. Поток крестьянской колонизации направлялся все дальше на восток и юг, подготавливая условия для грядущего решительного земледельческого освоения Заволжья и Приуралья.

Примечания

[1] См.: Смирнов Ю.Н. Рост населения на территории Самарской губернии и его состав в первой половине XIX века // Самарский земский сборник. 2000. №1.

[2] Смирнов Ю.Н. Итоги изучения правительственной политики и народного движения в ходе аграрного освоения юго-восточной окраины Европейской России в XVIII - первой половине XIX вв. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. В 2 кн. - Кн.1. - Вологда: Изд-во ВГПУ, 2009. - С.151-157; Смирнов Ю.Н. Архивные источники XVIII – первой половины XIX веков по истории распространения и укрепления российской государственности в Заволжье и Приуралье // Архивы и история российской государственности. - Вып. 1. - СПб.: СПбГУ, 2011. - С. 55-58.

[3] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 931. Л. 19об.-37об.; Ф. 248. Д. 4238. Л. 373-377об.; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1410, 1422, 1430; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026; ОР РНБ. Ф. 550 ОСРК. Q.IV.293. Л. 2об.-3.

[4] Подсчитано по: Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. V. С. 445-463.

[5] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932, 1874, 1876; ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 2. Д. 837; Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII - первая половина XIX в. М., 1984. С. 52; Кириков С.В. Человек и природа степной зоны. Конец X - середина XIX в. М., 1983. С. 69.

[6] НА РГО. Раз. 26. Д. 19. Л. 8.

[7] Подсчитано по: Материалы по истории Башкирской АССР. С. 387-390.

[8] Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII - середина XIX вв.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999. С. 29.

[9] Подсчитано по: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 931. Л. 25об., 34об.

[10] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 931. Л. 19об.-37об.; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422, 1432; ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 3. Е.х. 4. Л. 1об.-2.

[11] ГАУО. Ф. 113. Оп. 3. Д. 15. Л. 4, 12, 18 об.

[12] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1287-1288, 1303, 1316, 1305, 1338, 1348, 1366.

[13] РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 363об., 366-372.

[14] РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 373-388.

[15] НА РГО. Раз. 48А. Д. 41. Л. 1об.

[16] Новиков А. Заволжский кордон // Волга. 1995. №10. С. 173.

17 Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья. С. 29.

[18] Кириков С.В. Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X - начале XIX вв. М., 1979. С. 119; он же. Человек и природа степной зоны. С. 69.

[19] Подсчитано по: ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 2. Д. 837.

[20] Подсчитано по: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1366.

[21] Кириков С.В. Человек и природа восточноевропейской лесостепи. С. 114; он же. Человек и природа степной зоны. С. 62, 68.

[22] ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1а. Л. 83 - 85 об.

[23] РГАДА. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 1038-1040.

[24] РГИА. Ф. 1285. Оп. 1. Д. 31. Л. 1 - 4 об., 25 и об.

[25] ГАУО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 182. Л. 1, 3, 45, 73.

[26] Смирнов Ю.Н. Население и землевладение в эпоху Генерального межевания // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI - первая половина XIX века. М., 2000. С. 179-182.

[27] ОР РНБ. Ф. 247 Державин. Т. 18. Л. 32.

[28] ОР РГБ. Ф. 548. Кар. 4. Е.х. 29. Л. 40 об. - 41.

[29] Рычков Н. Отрывок из семейных записок Рожновых. Окончание // Библиотека для чтения. 1862. № 2. С. 24.

[30] Артамонова Л. М. Лекарь из Вены на Самарской Луке // Самарский краевед. Самара, 1995. С. 68.

[31] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1425. Л. 40 об. - 42; Д. 1432. Л. 104 об., 107, 125-130.

[32] ОР РНБ. Ф. 247 Державин. Т. 18. Л. 3; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1432. Л. 74; Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 53; Ведерникова Т. И. Государственная политика насаждения помещичьего землевладения в Самарском Заволжье в конце XVII - XVIII вв. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 64, 67.

[33] ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 454. Л. 9.

[34] ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1а. Л. 7, 22-23, 213.

[35] РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Д. 3896. Л. 3, 7, 12.

[36] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 45; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 558. Л. 64 об.

[37] Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 92.

[38] ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 4. Л. 42, 229 и об.

[39] Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 92-93.

[40] ПСЗ-I. Т. 26. № 19500.

[41] Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 89-90.

[42] ГАУО. Ф. 156. Оп. 3. Д. 16. Л. 619-628, 652-659об., 692об., 700, 706об., 708, 725, 727 об.; Д. 17. Л. 739-740.

[43] Смирнов Ю.Н. Население и землевладение. С. 184.

ЗНАКИ ПАМЯТИ. К 80-ЛЕТИЮ Г.И. МАТВЕЕВОЙ

В 2013 году исполнилось бы 80 лет **Галине Ивановне МАТВЕЕВОЙ** (27. 07.1933 г. Аша - 06.11.2008 Самара) археолога, известного исследователя Волго-Уральского региона, организатора Средневолжской археологической экспедиции (1969), создателя Самарской археологической школы, кандидата исторических наук, профессора СамГУ, одного из первых преподавателей Самарского государственного университета (1969 -2008).

Г.И.Матвеева во время археологической практики. 1955 г.

Г.И. Матвеева стоит у истоков современного систематического археологического изучения Самарской области, разработки научной концепции древнейшей истории края, подготовки археологических кадров в Самаре, организации Археологической лаборатории (1974) и открытия музея археологии (1976) в Самарском государственном университете. С ее именем связано решение ряда научных проблем, выходящих за рамки региона, в итоге - создание в Самаре крупного археологического центра и начало широкой археологической деятельности в Южном Средневолжье.

Г.И. Матвеева родилась в семье учителей в маленьком уральском городке Аша, расположенном в живописном, щемяще красивом месте. Ее детство совпало с войной. Отец Иван Еремеевич учитель истории, погиб на фронте в 1942 году, но каким- то невероятным образом успел открыть 6 - летней девочке бескрайний мир истории, заворожить древними сюжетами. Так среди двух учительниц: мамы и тетушки, заслуженного учителя математики, прошло детство и школьная юность двух провинциальных девочек: ее и младшей сестренки.

После окончания школы вопрос о будущей профессии не стоял, она поступила на историко-филологический факультет Пермского (тогда Молотовского) университета. Ей повезло. Наставником, проводником в мир археологии, первым научным руководителем был талантливый московский

ученый, один из самых удачливых российских археологов, Отто Николаевич Бадер. Из московских академических аудиторий, он добровольцем ушел воевать, но вскоре прямо с фронта, его как этнического немца отправили в ссылку, на Урал. Ученый сразу начал археологическое изучение пермского края, ходил в разведки, а в 1947 г. организовал Камскую археологическую экспедицию. Бадер создал активную, дружную, преданную археологии команду из студентов, членов Археологического кружка, где и прошло под руководством Отто Николаевича, становление студентки Матвеевой как археолога. Из этого кружка, в дальнейшем, многие стали известными археологами. (В.Ф.Генинг, В.А. Могильников, В.А. Оборин, Б.Г. Тихонов).

Закончив университет в 1956 г., она по распределению три года проработала директором Троицкого краеведческого музея. Хозяйственные хлопоты, текущие дела не мешали ей по горячим следам собирать материалы о войне для новой экспозиции. Позднее, Лалина Ивановна не раз говорила, что ей нравилось работать с документами, и она вполне могла бы стать историком.

С 1961 по 1969 гг. Галина Ивановна преподавала археологию и историю первобытного общества в Башкирском государственном университете. В Уфе она определилась с научной темой, руководила раскопками селищ и городищ раннего железного века и средневековья, принимала участие в составлении Карты археологических памятников Башкирии. Здесь были ее первые ученики, здесь складывались традиции научной и повседневной жизни Археологических экспедиций, которыми она руководила. В полной мере все это проявилось уже на волжской земле. В 1969 г. набирались преподаватели для открывающегося университета. Случилось так, что выбор преподавателя археологии и первобытного общества пал на нее. С этого времени с Самарским (Куйбышевским) университетом связана вся ее жизнь и научная, и общественная, и личная. Археологии в Самарском крае не было с 1929 г., начинать надо было практически с нуля. Масштабы работ одних людей подавляют, другим придают энергию. Галина Ивановна принадлежала ко второй категории людей. Именно Самара оказалась тем плацдармом, на котором проявились и нашли применение ее способности как ученого, организатора, педагога и яркой неординарной личности. С ней в Куйбышев приехали два ее ученика, и уже осенью 1969 года были проведены первые разведки, а летом 1970 года начались стационарные раскопки городищ на Самарской Луке. В этот же год она защитила кандидатскую диссертацию. Так было положено начало Средневолжской археологической экспедиции. Главной опорой Г. И. Матвеевой была молодежь. Первые студенты КГУ одновременно и постигали азы археологических знаний, и ходили в разведки на поиски древних памятников, и работали в экспедиции. В 1974 году ей удалось открыть археологическую лабораторию в университете, которая в течение последующих лет пополнялась молодыми археологами— выпускниками КГУ. В конце 1970-х -1980-е годы в стране наблюдался настоящий бум археологических исследований. С этого времени до начала 1990-х годов научной группой лаборатории под руководством

Матвеевой был проделан огромный объем работ. Исследовались в основном курганные могильники эпохи бронзы. Работы по улаживанию и согласованию бесконечных хоздоговорных дел было много. Интереснейшие артефакты, полученные в результате раскопок, накапливались с невиданной скоростью. Для публикации и введения полученных материалов в научный оборот Галина Ивановна смогла наладить периодическое издание «Археологических сборников», где была научным редактором. Для этой же цели (показа и научной интерпретации новых, зачастую еще не понятых до конца материалов) в 1976 году в университете было организовано первое Всесоюзное совещание по проблемам срубной культурно-исторической общности. Г.И. Матвеева впервые успешно представила результаты пятилетних работ САЭ перед специалистами всей страны. Именно с этого времени стали говорить о появлении нового археологического центра в Куйбышеве, который возглавила Г.И. Матвеева.

Под ее руководством были открыты и раскопаны десятки археологических памятников, среди которых есть уникальные, имеющие неоценимое научное значение: Съезженский энеолитический могильник (совместно с И.Б. Васильевым), поселение - металлургический комплекс бронзового века Михайло-Овсянка в Пестравском районе, городище Лбище на Самарской Луке, оставленное праславянским населением в первых веках н. э., Новинковские курганные комплексы ранних болгар, Сухая Речка - ремесленный центр Золотой Орды в Заволжье и другие. Многие из этих памятников являлись ключевыми для понимания древнейших исторических процессов региона.

Галина Ивановна создала базовую научную концепцию древнейшей истории Среднего Поволжья по археологическим данным. В списке трудов Г.И. Матвеевой, составленном ее учениками, около 150 наименований. Здесь и публикации материалов из новых раскопок, и обобщения, и монографии, и научно-методические пособия, и научно-популярные издания. Поражает широта охвата и ее знаменитая научная интуиция. В работах Матвеевой трудно найти статистические таблицы, формализованные методы подхода к материалу. Все это ей заменяла интуиция, которая не только не подводила, но, наоборот, помогала там, где необходимо было от фактов перейти к обобщению. С именем Г.И. Матвеевой связаны разработки принципиально новых моментов древнейшей истории Среднего Поволжья. Прежде всего: изучение раннесредневековых поселений на Самарской Луке, интерпретация именьковской культуры, исследование материальной культуры ранних болгар. Ее концепция появления ранних праславян в Среднем Поволжье в первых веках н. э. принята официальной наукой, что отражено в многотомной «Археологии СССР». Археология была ее образом жизни, и она передала такой подход многим своим ученикам.

Научная работа Галины Ивановны была неразрывно связана с ее педагогической деятельностью. Во всех начинаниях главными помощниками являлись молодые люди. Уже в сентябре 1969 года был организован студенческий археологический кружок. Галина Ивановна была его бессменным

руководителем. На заседаниях делались доклады, которые потом часто перерастали в дипломные работы и даже диссертации. Она с большим уважением относилась к студентам. Обращалась к ним только на «Вы» и помнила по именам и фамилиям студентов-историков всех выпусков. Она помогала ребятам с аспирантурой, а с 1996 г. сама стала брать научное руководство аспирантами. По исследованиям Института археологии РАН, в последнюю четверть XX века Самара и Челябинск лидировали среди центров полевой археологии в вузах: «Эти учебные заведения входят в число российских вузов, наиболее активных в подготовке специалистов-археологов, в том числе и к самостоятельной полевой работе». И в этом, без сомнения, главная заслуга принадлежит Галине Ивановне Матвеевой. Она нередко помогала ребятам в трудных ситуациях. В ее большой квартире на Осипенко постоянно кто-нибудь жил: студенты, выпускники и даже целая семья из 4 человек Николая Нефедова, студента первого университетского набора. Он долгое время работал в Таджикистане, руководил огромной археологической экспедицией в Самарканде, а когда там началась война, пришлось бросить дом, работу, книги и почти без вещей, с двумя маленькими детьми, на военном самолете вылететь в Самару. И они какое- то время жили у Галины Ивановны, пока с ее помощью не нашли место в общежитии.

Не обходила стороной Г.И. Матвеева и деятельность по популяризации археологических знаний. В 1976 году она организовала археологический музей на истфаке, где студенты и все желающие могли «вживую» ознакомиться со многими археологическими артефактами. Написанная ею совместно с И.Б. Васильевым научно-популярная книга «У истоков истории Самарского Поволжья», была несколько десятилетий практически единственным пособием для учителей, школьников и всех тех, кому интересно далекое прошлое нашего края.

Пять ее учеников защитили докторские диссертации по археологии и успешно работают в Самаре, Уфе, Оренбурге. Около 30 ее бывших студентов являются кандидатами наук, защитив диссертации по археологии. И даже Владимир Кузнецов «археолог номер один», как его определила одна из центральных газет, после совместного с В.П. Путиным погружения в мир подводной античной археологии и удачного поднятия со дна морского двух целых греческих амфор; начинал свой путь в археологию под руководством Галины Ивановны.

В 2007 г. в городе было создано Самарское археологическое общество, которое объединило археологические силы Самары. В него подали заявления 51 человек. Все они, прямо или косвенно, ученики Галины Ивановны, все они представляют Самарскую археологическую школу, известную среди специалистов. Школу, которую основала Галина Ивановна Матвеева.

Нельзя сказать, что Галина Ивановна была блестящим лектором. Наверное, ей было не интересно из года в год повторять выхолощенные фразы учебника. Ее стихией была наука и новые знания.

Она имела огромную научную библиотеку, в которой было ВСЕ. И все знали, что если срочно нужна какая-либо редкая книга для работы, у «шефа» она есть.

Галина Ивановна гордилась тем, что всё делала сама. И, что греха таить, порой перегибала палку. Она с гордостью рассказывала, как студент-историк стоял перед мешком сахара, который нужно было погрузить в грузовик для экспедиции, и не знал, как его поднять, а она подошла, взяла этот мешок и отнесла куда нужно. Почему-то вспоминается еще один эпизод. Один из первых воскресных выездов в разведку. Мы только поступили на первый курс. Галине Ивановне около 40 лет, нам казалось, что возраст очень почтенный. Приехали на Нурские дюны к вечеру, рыли шурфы в поисках культурного слоя (шурф - яма 1х1 м до материка, в основном 0,8-1,4 м глубиной). На следующее утро мы идем вдоль дюны, Галина Ивановна что-то нам объясняет и вдруг, замолчав на полуслове, прыгает в глубокий шурф. Через несколько минут вылезает, зажав в руке арбузную корку. «Я думала, что это нефритовое орудие», - смущенно говорит она.

Через ее экспедиции прошли все студенты истфака университета. Здесь проходили «школу жизни» сотни и сотни первокурсников. Она смогла создать сплоченный коллектив единомышленников.

Несмотря на то, что Галина Ивановна в течение своей жизни не занимала никаких общественных должностей и постов, она - общественно значимый человек, вклад которого в науку и культуру региона еще предстоит осмыслить и оценить.

Соч.: Матвеева Г.И. Археологические памятники железного века на территории Куйбышевской области. Учебное пособие. Куйбышев, 1980; Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара,1997; Матвеева Г.И. Ранний железный век. Гл.2; Эпоха раннего средневековья. Гл.3,4, 6(в соавторстве с Богачевым А.В.); Эпоха средневековья. Гл.9. // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.,2000.

В.Н. Зудина

РАЗДЕЛ II.
ИСЛЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

В.А. Тюрин*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Изучение элит, элитология, в последнее десятилетие становится одним из важнейших направлений современной российской политологии. Исследовательский интерес объясняется непрерывным, интенсивным процессом формирования новой российской элиты, вобравшей в себя осколки элитарных групп предшествующих десятилетий (1980-е, 1990-е гг.). Особенностью современной российской элиты является ее изменчивость, неоднородность. Современная российская элита довольно сильно оторвана от основной части российского общества, но при этом существенное ее влияние на все общественные процессы очевидно.

Теоретическое становление и начало развития российской элитологии связано с трудами Г.К. Ашина. Важнейшей заслугой этого автора явилось скрупулезное изучение теории элит в зарубежных исследованиях, при этом автор решительно критикует зарубежные концепции элит, как «буржуазные»[1]. В работах Ашина предметом исследования стали сюжеты генезиса и типологии концепций элит, изучение элитарного образования, сравнительное изучение возможностей взаимовлияния массовых и элитарных групп. В поздних работах автор предпринял попытку соединить марксистскую теорию с формирующейся концепции элитизма. Г.К Ашин заявляет, что в широком смысле элита – высшая страта в социальной стратификации. Это доминантное меньшинство общества, являющееся для большинства референтной группой, моделью поведения, формальным и неформальным авторитетом. В более конкретных смыслах стоит говорить о политической элите. Это социальная группа, контролирующая основную часть политических, экономических, символических ресурсов общества; группа, определяющая государственную политику, влияющая на управление всеми сфе-

* © Тюрин Вадим Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории Самарского государственного университета

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг.»), проект № 13-11-63002 а(р)

рами социальной жизни, принимающая важнейшие стратегические решения. В правящую элиту, помимо элиты политической, включающей людей, занимающих высшие посты в системе управления, входит экономическая элита, контролирующая материальные и финансовые ресурсы общества (эти две элитные группы могут конкурировать между собой). В информационном обществе в состав правящей элиты могут (и должны) входить, пусть в начале его формирования и на вторых ролях, научная, культурная (медийная) элиты. Правящая элита характеризуется сплоченностью, связанностью взаимными интересами по сохранению общественно-политической системы, которая обеспечивает ей привилегированное положение в обществе[2].

В 1990-е годы среди российских исследователей пробудился значительный интерес к теоретическому осмыслению проблем политологии, и, в частности, элитологии. В это же время начали формироваться современные научные центры и школы, работающие в русле данной проблематики (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Пермь).

Одним из первых подобных центров выступил коллектив исследователей из Ростова-на-Дону (А.В.Понеделков, А.Старостин). Исчерпывающее изучение классических и современных концепций элит было проделано А. Понеделковым в работе «Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России»[3]. А.В.Понеделков предложил следующую классификацию российского элитизма: элитизм традиционно-сословного общества, номенклатурный и современный. Таким образом, современные элиты России имеют номенклатурное происхождение и сохраняют многие советские традиции. А.М. Старостин внес существенный вклад в изучение региональной специфики элитизма, аспекта эффективности, а также уточнил факторы детерминации элит[4]. Проблематика феномена власти, сравнительное изучение политических режимов, эффективность власти получили исчерпывающее изучение в работах В.Г. Ледяева[5].

Важным этапом в становлении российской элитологии явилось формирование коллектива сотрудников Социологического института Санкт-Петербурга, объединенных А.В. Дукой. Значительным результатом деятельности этого научного центра явилось первая систематизация и историография работ по элитологии[6]. Не меньший вклад санкт-петербургские исследователи внесли в изучение региональных элит (на примере северо-западного региона России), особое внимание авторы уделили зависимости внутренних характеристик элит от экономической среды[7]. Согласно концепции А.В. Дуки формирование элит является результатом перехода общества от сословной к классовой структуре. Следствием этого процесса является замена аристократии элитой. Иными словами, «элита» в понимании А.В. Дуки является исторически определенной формой существования властных групп.

К сожалению, в современной российской элитологии мало применялся историко-ретроспективный подход, вне которого невозможно проследить российский элитогенез. Исчерпывающим образом это пробел был закрыт

исследованиями ведущего российского социолога, политолога, элитолога проф. О.В. Гаман-Голутвиной, показавшей проблемный, многофакторный процесс исторической эволюции политических элит России[8]. На данный момент О.В. Гаман-Голутвина является одним из немногих российских элитологов, в исследованиях которых успешно решаются как теоретические и концептуальные проблемы элитологии, так и вопросы, связанные с характеристикой современной российской элиты, выявляются механизмы и каналы рекрутирования элит и их взаимодействие с отдельными социальными стратами[9]. В исследованиях автора представлена обоснованная, логичная типология элит – боярство, дворянство, имперская бюрократия, советская номенклатура. Процессы элитогенеза автор связывает с двумя путями развития общества – инновационным и мобилизационным. Исторически в России сложился и преобладал мобилизационный путь: элита формировалась «сверху», по бюрократическому (номенклатурному) принципу. Именно так в России сформировалась советская номенклатурная элита.

Невозможно обойти вниманием организационную и научную деятельность Исследовательского комитета РАПН по политической элитологии, благодаря этой работе стало возможным широкое научное обсуждение проблемных сюжетов российской элитологии на регуляторных научных мероприятиях. Итогом данного общения явились этапные коллективные работы «Властные элиты современной России в процессе политической трансформации»[10] и «Политическое будущее России: взгляд из центра и регионов»[11].

Развитие российской элитологии в новейшее время имело определенный дисбаланс. Большая часть исследований была посвящена выяснению теоретических оснований предмета и характеристикам современных элит. При этом изучение истории формирования элит и их эволюции на тех или иных исторических этапах находилось явно на периферии исследовательского интереса. Одной из немногих политологических школ, пристально обратившихся к данным сюжетам являлся коллектив пермских исследователей, возглавляемый проф. В.П.Моховым.

В работах В.П. Мохова на конкретном историческом материале показана трансформация региональной номенклатуры СССР второй половины XX в.. В обобщающем монографическом исследовании «Региональная политическая элита России (1945-1991)» автор скрупулезно характеризует региональную номенклатуру, проводит обширный статистический анализ социальных параметров, биографий и карьерных восхождений руководящих работников структур исполнительной и партийной власти[12]. Всего В.П. Моховым было изучено более 1,5 тыс. личных дел руководящих работников. Исследователь выявил структурные изменения региональной номенклатуры в изучаемый период (охватывающий почти полвека!), предпринял попытку выявления основных социопсихологических характеристик номенклатурных работников.

В понимании В.П. Мохова элитарность является феноменом исключительно индустриального общества. В индустриальном обществе традици-

онные сословные, классовые стратификации уходят в прошлое, уступают место универсальным, схожим общественным группам, концентрирующим в своих руках руководство политическими, экономическими, культурными процессами[13].

Таким образом, в современной российской политологии существует две концепции определения термина «элита»: 1) аксиологическая, которая предполагает вневременной факт наличия «элит», в значении «лучших», «выдающихся», «избранных» людей любого общества, на любом этапе истории; 2) структурно-функциональный подход, который под «элитой» понимает строго определенную социально-политическую силу, правящую в обществе на определенном историческом этапе.

Для исследований лежащих на стыке исторической науки, социологии и политологии наиболее адекватен структурно-функциональный подход, ориентирующийся на характеристике конкретной исторической эпохи. В таком случае в качестве «элиты» понимаются слои населения, имеющие доступ к ресурсам и центрам власти, обладающие общей системой ценностей и образом жизни, сходной психологией, сплоченностью, заинтересованность в сохранении своего положения.

Структурно-функциональный подход максимально адекватен при изучении советской номенклатурной элиты. Модернизация советского государства на всех периодах его истории имела мобилизационные черты, власть концентрировалась и распределялась в единой высшей привилегированной группе. На этом этапе истории России государство обладало монополией на политическое управление, в результате чего верхний эшелон административно-командной системы (бюрократии) автоматический образовывал элиту. И слой элиты, и сама социальная стратификация выстраивались государством сверху вниз.

Изучение советской номенклатуры как исторического явления началось уже на закате советской эпохи. Одним их первых ученых, сконцентрировавшемся на изучении феномена советского партийно-хозяйственного аппарата, выступил видный советский и немецкий историк, социолог и философ М.С. Восленский. Итогом его многолетней научной деятельности явилась обобщающая монография «Номенклатура»[14], первое издание которой вышло в 1991 г. (не считая более ранних публикаций этого исследования в самиздате). Согласно определению Восленского, номенклатура - это прослойка населения СССР и стран Восточного блока, которая занимала различные ключевые административные посты во всех сферах деятельности в этих странах: правительство, промышленность, сельское хозяйство, образование и т.д., как правило, являясь членами Коммунистической партии. Однако понятие советской номенклатуры следует использовать в двух смыслах: в узком - это «освобожденные» работники комитетов партии, и в широком - все ответственные работники, назначение на должность которых гласно или негласно производилось секретариатами партии (в том числе, председатели колхозов, ректоры институтов, редакторы газет, вплоть до высшей иерархии религиозных организаций). Зачастую допускалось даже

формальное голосование при выборе на должность, но установка на требуемого кандидата исходила из партии. Второе (широкое) значение и дало основу понятия «номенклатуры» — то есть перечня лиц, подлежащих назначению.

После распада СССР, одним их первых полноценных научных исследований советской номенклатуры выступила работа Коржихиной Т.П., Фигатнер Ю.Ю., выдвинувших тезис, что изучение номенклатуры позволит понять «природу властно-собственнических отношений» в СССР[15].

Чуть позже профессор Пенсильванского университета Михаил Левин сформулировал и предложил свое решение двух ключевых проблем изучения феномена номенклатуры: 1) проблема внутренней стратификации, однородности и целостности номенклатуры, наличие имманентного противостояния государственного и партийного аппарата; 2) проблема качества назначений, реализации контроля над кадрами, в том числе, в высших слоях номенклатуры[16].

Наибольший вклад в изучение, как теоретических аспектов феномена советской номенклатуры, так и практической деятельность регионального партийно-хозяйственного аппарата внес профессор Пермского государственного технического университета В.П. Мохов. Рассуждая о советской номенклатуре как о политическом институте В.П. Мохов отмечает, что номенклатура – это один из тех элементов институционального развития, который обеспечивал непрерывность и преемственность политического порядка российского общества. Но понимание этого феномена неполно: во-первых, до настоящего времени не изучена истинная роль номенклатуры в истории советского общества, в его социальной жизни и механизмах управления.

Во-вторых, очевидно, что советская номенклатура, многие десятилетия являвшаяся ключевым институтом советского общества, не могла исчезнуть без следа в 1991 г. Безусловно, те или иные элементы, механизмы, проявления этого института должны до сих пор присутствовать в российском обществе. Поиск этих элементов, изучение «наследия» советской административной системы, очевидно, должны стать центральными сюжетами будущих исследований[17].

Изучение проблемы показало, что советскую номенклатуру нужно рассматривать в числе важнейших социальных институтов советского общества, причем института, практически не имеющего исторических аналогов, института яркого и самобытного, имевшего строгую внутреннюю иерархию и законы функционирования. При этом важно понимать, что советская номенклатура была внутренне неоднородна, существовали определенные противоречия между партийными и хозяйственными структурами, изолированное место занимал «силовой» блок. Важное значение имеет и вопрос о том, как мог при внешней устойчивости и прочности номенклатурной системы произойти ее стремительный крах в начале 1990-х гг.

Таким образом, следует констатировать серьезное и обстоятельное изучение российскими исследователями теоретических и методологических

проблем элитологии, наличие огромного числа работ посвященных современным российским элитам. При этом вопросы, связанные с изучением советской номенклатуры, особенно на материалах делопроизводства региональных органов власти, продолжают ожидать исследователей.

Примечания

[1] Ашин Г. К. Современные теории элиты: Критический очерк. М.: Международные отношения, 1985.

[2] Ашин Г. К. О понятии «элита» и не только // Власть. 2005. №11. С.42.

[3] Понеделков А. В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов-на-Дону: СКАГС, 1995.

[4] Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов-на-Дону: СКАГС, 2003.

[5] Ледяев В.Г. Социология властных элит: концептуальные проблемы // Властные элиты современной России. Ростов-на-Дону, 2004.

[6] Властные элиты и номенклатура: аннотированная библиография российских изданий 1990-2000 гг. СПб: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2001.

[7] Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации. СПб.: Алетейя, 2001

[8] Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.

[9] Gaman-Golutvina O. Yeltsin and Putin Elites Compared // Soziologische Zeitgeschihte. Berlin: Edition Sigma, 2007

[10] Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / Отв. ред. В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2004.

[11] Политическое будущее России: взгляд из центра и регионов. Материалы международной конференции. М.: МГУ, 2008.

[12] Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945-1991). Пермь: ПермКИ, 2003.

[13] Мохов В.П. Элиты как руководящая и и направлюящая сила индустриального общетсва // Элитизм в России: «за» и «против» / Гл. ред. В.П. Мохов. Пермь: Перм. гос. тех. университет, 2002. С. 118-125.

[14] Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М: Захаров, 2005.

[15] Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25.

[16] Левин М. Номенклатура - Arcanum Imperii: (Технология управления против социологии управленцев) // Куда идет Россия? Общее и особенное в современной России. М., 1997. С. 70.

[17] Мохов В.П. Мохов В.П. Советская номенклатура как объект научного анализа // Ученые записки гуманитарного факультета ПГТУ. Вып.1. Пермь, 2000. С. 62–71.

П.С. Кабытов, А.А.Мякотин*

ПАРТИЙНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЭЛИТА КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-1991 гг.

многих публикациях, особенно не «академических», термин «элита» используется как условное обозначение (метафора или концепт), не имеющий точного соответствия в реальности. Однако деление социума на элиту и «не-элиту» («массу» и т.д.) имеет объективный характер, обусловленный неоднородностью социального пространства, иерархичностью социальных позиций, функций, статусов и соответствующих им ресурсов. Исторический опыт показывает, что неизменным предшественником социальных катастроф, упадка и гибели обществ является снижение социальной ответственности, этической и волевой планки активного меньшинства (элиты). Поэтому одна из главных задач «социального проектирования» состоит в создании общественных институтов, обеспечивающих рекрутирование, контроль и обновление элиты политико-административной и других категорий управленцев.

В развитом социуме процесс элитообразования должен быть управляемым; это возможно только путем познания закономерностей (тенденций) возникновения и функционирования элиты. Фундаментальная социальная закономерность состоит в том, что тип элиты определяется природой конкретного социума, преобладающими в нем отношениями. Советский Союз представлял собой властецентричную систему, основу которой составляли отношения власти и подчинения. Его «несущей конструкцией» являлась система партийно-государственной власти и управления. Поэтому принадлежность к элите, одному из ее сегментов («кластеров», страт) определялась статусом в аппарате партийно-советской власти. Материальное обслуживание, распоряжение информационными, организационно-производственными ресурсами было опосредовано местом (позицией) в системе властных отношений. Специфика правящего слоя в советском обществе заключалась в отсутствии у него (юридически, т.е. формально) собственности на производительные силы. Распоряжение производственными ресурсами и присвоение дополнительного (прибавочного) продукта носили коллективный (корпоративный) характер. Это не было реализацией марксистско-

* © Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, советник ректора Самарского государственного университета, 2013.

Мякотин Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского государственного университета, 2013.

* * Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг.»), проект № 13-11-63002 а(р)

го социального проекта; уместно привести точку зрения историка А.И. Фурсова о том, что ведущей тенденцией социальной эволюции России на протяжении пятисот лет было последовательное «очищение власти от собственности»[1].

Заметим, что элита представляет собой не только «высокостатусную» общественную группу, но и институциональный механизм, обеспечивающий её социальную селекцию, воспроизводство и функционирование. В советском обществе институциональной основой формирования и деятельности управленческой элиты являлась Коммунистическая партия. Термин партия (лат. pars – часть), связанный с обстоятельствами возникновения этой организации, по сути является неточным, поскольку определяющей характеристикой ВКП(б)-КПСС являлась как раз целостность, всеохватность функций и деятельности (поэтому она стала удобным инструментом тоталитаризма). Она была центральным, стержневым элементом системы политико-административного управления, его внутренним контуром. Управленческая деятельность партийных комитетов была направлена не только на социально-хозяйственные объекты, но и – прежде всего – на другие структуры власти (советские, ведомственные и др.). Партия представляла собой надстройку над системой власти; была, по терминологии А.А. Зиновьева, «сверхвластью»[2]. Разветвленность, громоздкость властной системы предполагала наличие центра, придающего ей единство и скоординированность. Эту функцию выполнял партийный аппарат, используя идеологическое воздействие, партийную дисциплину и, прежде всего, номенклатурную систему. Партноменклатура представляла собой, таким образом, форму контроля со стороны «ядра» власти над ее периферией. Понятие «номенклатура», в контексте анализа систем управления, используется в нескольких значениях; во-первых, это набор должностей, замещение которых осуществлялось с согласия партийного комитета; во-вторых, категория руководящих работников (и ее представители), назначавшихся на должность соответствующим парткомом и, наконец, организационная форма партийно-кадрового управления.

В советский период, несмотря на многочисленность работ о «партийных кадрах», специальных исследований региональной партноменклатуры (как социальной группы и/или технологии власти) опубликовано не было. Отчасти это объясняется тем, что функционирование номенклатурной власти было актуальной реальностью, а не предметом ретроспективного анализа. Условием исторического исследования является временной интервал («диахрон») между исследователем и объектом. Документальные источники должны переместиться из оперативной информационной среды (т.е. управления) в ретроспективные информационные системы (центры хранения, архивы и т.д.). Механизмы номенклатурной системы относились к внутренней, не публичной стороне деятельности партийного аппарата; являлись одним из видов «аппаратных тайн». Глубокий анализ партийно-номенклатурных институтов привлекал внимание к таким свойствам партийной власти, как декоративный (имитационный) характер предста-

вительных органов, преобладание неформальных правил, отношений и связей над официальными (уставными, правовыми) нормами. Поэтому исследователи «с пониманием» обходили эту тематику или рассматривали ее сжато, в числе второстепенных, периферийных проблем. В отдельных – практически единичных – публикациях приводились данные о численности и должностном составе номенклатуры местных парткомов, ее характеристики по внешним (формальным) критериям: стаж, образование, возраст, профессия[3]. Термин «элита» в советской историографии считался своего рода бранным словом из понятийного аппарата третируемой западной социологии и советологии. Согласно «марксистско-ленинской» точке зрения, теория стратификации общества на элиту и массу является искажением, идеологическим «камуфляжем» классовой природы западного общества и его политических институтов, характеризующейся антагонизмом труда и капитала. В 1960-1980-е гг. регулярно появлялись работы, посвященные «критике буржуазных фальсификаций истории КПСС». Они содержали контраргументы на работы западных авторов, в которых теория элит проецировалась на советскую социально-политическую систему.

Идеологический (канонизированный) марксизм-ленинизм целью общественного развития (уже достигнутой в советском «социализме») полагал снятие социальных антагонизмов, ликвидацию классовой субординации. Соответственно, тенденцией развития советского общества считалось «сглаживание» социального рельефа, повышение межгрупповой мобильности, замещение иерархии другими типами связей (кооперация, координация). Однако реальность позднесоветского («застойного») общества противоречила этой идеологизированной картине. В социалистическом обществе, достигшем своего системного апогея (в официальной терминологии - «развитого социализма»), усиливалось неравенство, социальная фрагментация, проявлялись системные, классовые противоречия и коллизии. Многочисленные явления – стабилизация состава партийной элиты, прекращение ее ротации и переход к самовоспроизводству (рекрутированию из внутренних источников), увеличение материально-бытовых привилегий, укрепление коллективной идентичности (и социального эгоизма) партноменклатуры, ее социальное отчуждение – свидетельствовали о приближающемся структурном кризисе советского социализма. В массовом сознании вызревающий кризис проявлялся в виде общественно-политической апатии, потребительства, критических умонастроений. Таким образом, система управления в условиях разворачивающегося кризиса нуждалась в анализе социальных процессов в советском обществе, особенно в верхних, связанных с властью, слоях. Однако догматизм социальной теории и цензура практически исключали научное (т.е. критическое) исследование управленческой элиты. Монополизация партийной властью социально-философских истин, её роль «эксперта» в социальном познании способствовала деградации партийно-государственного управления, особенно в позднесоветский период.

Детерминация историографии «надсистемными» факторами (политическими установками, идеологией и т.д.) проявлялась в том, что этапы ее

развития были проекциями общественно-политических изменений. В 1990-е гг. кардинально изменилась проблематика, теоретический и понятийный аппарат, спектр выводов, суждений и оценок в историографии элит; более дискуссионным и критичным стал характер исследований. Критическое отношение большинства авторов к историко-партийной литературе, стремление преодолеть ее отрицательные черты стало фактором развития постсоветских работ по истории власти. Показательны изменения в тезаурусе исследований; в 1990-е гг. стали активно использоваться понятия «политический класс», «элита», «номенклатура», «политический актор», «субъект власти» и т.д. Для современных исследований характерен интерес к «конфиденциальным» аспектам, «кухне» власти как метод объяснения её сущности и способа функционирования. Одним из основных направлений изучения новейшей истории власти становится исследование партноменклатурной системы. Стал почти общим местом взгляд на номенклатуру как важнейший политический институт, дающий ключ к пониманию «устройства» власти в Советском Союзе, природы социального неравенства и эксплуатации при «социализме». В этом проявляется инерция методологии марксизма, который ориентирует научный поиск на выявление господствующих и угнетенных общностей (классов, страт), социальных механизмов принуждения, общественно-политической жизни как «холодной войны» социальных групп (идентичностей).

В региональных исследованиях – в основном на материалах Урала и Сибири – с достаточной полнотой изучен должностной состав номенклатуры партийных комитетов в 1945-1991 гг., её численность, социопрофессиональная динамика[4]. Партийная номенклатура изучается не только в политико-административном, но и в социальном ракурсе. Исследователи, привлекая теории и методы социологии, исследуют политико-административную элиту как социальную общность. При этом рассматривается состав номенклатуры, социальная мобильность ее представителей, их карьерные «пути», неформальные практики, субкультура правящего класса, его коллективная идентичность[5] и т.д. Важным, недостаточно изученным сюжетом, на наш взгляд, является сращивание региональной партноменклатуры с «теневиками», криминалом и «хозяйственниками», объясняющее активное участие «номенклатурщиков» в демонтаже советской системы на рубеже 1980-х-90-х гг. Значительные результаты достигнуты в изучении механизма согласования и принятия решений местной партэлитой. Региональные исследования показывают, что командно-административный механизм управления экономикой в 1960-1980-е гг. эволюционировал в направлении системы «административного торга» (или «бюрократического рынка»), когда хозяйственные (социальные, организационные и т.д.) решения были результатом неформализованного договорного процесса в управленческой среде.

Характеризуя состояние изучения региональной власти и ее кадров, заметим, что особенность исторических явлений состоит в их «эксклюзивности», единичности. Историческое познание – в этом его уникальность –

ориентировано на выявление и анализ, главным образом, индивидуального, а не общего («регулярного», типового). Поэтому изучение партийной номенклатуры как социальной группы целесообразно дополнять индивидуализированными характеристиками (биографическими, психологическими) ее, по крайней мере, наиболее видных представителей. Наиболее удачным примером сочетания этих двух подходов (социологического и индивидуально-биографического) является, по нашему мнению, диссертация и монографии А.Б. Коновалова[6].

Значительные перспективы имеет изучение партийно-номенклатурных кадров в формате истории повседневности. Единственной работой, в которой рассматривается – на материалах более раннего периода – рутинная деятельность партийных руководителей, ее содержание и «каждодневный» распорядок, является диссертация А.Н. Федорова[7]. Анализ «управленческой повседневности» позволит воссоздать служебный регламент партийного аппарата; выявить многочисленные «мелочи», которые в совокупности составляли суть деятельности партийных функционеров.

Предметом, «сырьем» и результатом деятельности управленческих кадров являлась административно-хозяйственная и социальная информация, которая приобретала юридическую силу (нормативность, официальность) путем документирования, т.е. составления служебных документов. Поэтому анализ порядка функционирования номенклатурной элиты будет неполным без изучения его информационно-документационного аспекта (документооборота, делопроизводства). Документационное обеспечение партийного управления до сих пор рассматривалось только в контексте источниковедческой проблематики. Общее и специальное делопроизводство составляло рутинный аспект, т.е. технологию деятельности партийных комитетов. Анализ делопроизводственного процесса позволяет определить роль его участников – составителя проекта, партийного аппарата, коллегиального органа – в разработке и принятии управленческого решения. Он показывает, что главная роль в аккумулировании и обработке информации принадлежала партийному аппарату, готовившему проекты резолюций, постановлений и другие материалы, а коллегиальные структуры (бюро, пленумы, президиумы) были в значительной мере «машинами для штамповки» решений. Рассмотрение документопотоков, их содержания, интенсивности, информационной емкости позволяет изучить информационные взаимосвязи (внешние и внутренние) партийного аппарата, оперативность и качество его «обратной связи» с объектом управления.

В большинстве исследований партийной и административно-хозяйственной элиты затрагивается (как правило, в выводной части) проблема качества элиты, эффективности ее деятельности. Анализ этого вопроса требует выверенной методологии, корректной методики оценки, позволяющей определить соотношение затрат (организационных, временных, материально-финансовых и др.) и результатов деятельности номенклатурных кадров; степень адекватности управленческих решений, их средне- и долгосрочные последствия, эвентуальность (т.е. объективную возможность) дру-

гих вариантов решений. Заметим, что проблема эффективности деятельности региональной совпартэлиты, обычно рассматривается «попутно», в дополнение к другим вопросам; она поставлена (эксплицирована) и рассмотрена в качестве главной, «сквозной» проблемы в только диссертации Миронова[8].

Комплексное исследование партэлиты включает анализ не только «человеческого материала», но и структур, в которых он функционировал. С достаточной полнотой изучено организационное развитие партаппарата в 1920-1930-е гг.[9] Исследования структуры региональных и местных органов КПСС в 1960-1991 гг. весьма фрагментарны, содержат большое количество «лакун». Дальнейшее изучение структур региональной власти предполагает не только реконструкцию штатного состава и численности, наименований должностей и структурных подразделений парткомов (секторов, отделов, комиссий и т.д.), но и их статусных, функциональных характеристик. Это необходимо для понимания причин (целей, мотивов) кадровых решений (назначений, переводов и т.д.), организационных условий деятельности партийно-номенклатурных кадров.

К началу 1960-х гг. партийно-номенклатурная власть решила – затратными, мобилизационными мерами – задачу, для которой она создавалась – построение индустриального общества. Рывок из аграрного общества в «индустриализм» был в основном завершен; городское население превзошло по численности сельское. Возник сложный многоотраслевой социально-хозяйственный комплекс, управление которым требовало перехода от мобилизационных, чрезвычайных методов к более рутинным, скоординированным формам работы. Эта закономерная «демобилизация» системы власти, начавшаяся в некоторых отношениях еще в конце 1940-х гг., приняла идеологическую форму борьбы с «культом личности», а по социальной сути стала «номенклатурной революцией». В ходе демонтажа сталинистских социальных и управленческих практик изменилось положение партийного аппарата и его номенклатуры в системе власти. Партаппарат, ранее являвшийся одним из инструментов (наряду со спецслужбами, карательно-правоохранительными, ведомственными и др. органами) режима личной власти, стал центральным, «самовластным» элементом политической системы, не подвергающимся прессингу и «надзору» со стороны других структур.

Переход индустриальной формации в фазу зрелости, состоявшийся в 1960-е гг., сопровождался скачкообразным усложнением объектов управления и, соответственно, потоков информации в структурах власти. Это было важным фактором децентрализации и демократизации номенклатурной системы, в том числе по техническим причинам, поскольку учетно-кадровый аппарат ЦК КПСС не успевал «освоить», обработать информацию о движении кадров. Уже в 1950-е гг. номенклатура областных парткомов была значительно увеличена, главным образом, за счет сокращения номенклатуры ЦК. В начале 1960-х гг. вновь происходит расширение списков основной и учетно-контрольной номенклатуры обкомов; региональные партийно-хо-

зяйственные кадры переходят в ведение областного партаппарата. Отделы организационно-партийной работы обкомов становятся информационно-делопроизводственным средоточием кадровой деятельности местной власти. Участие ЦК в организационно-кадровых процессах практически сводилось к формальным процедурам согласования и утверждения кадровых изменений. Другим проявлением этой тенденции (регионализации, дебюрократизации) было сокращение на рубеже 1960-х гг. видового состава учетных и отчетно-статистических документов по персоналу, представляемых в ЦК, упрощение (унификация) их текстовой части.

Значительное, в основном дезорганизующее, влияние на механизм управления оказала управленческая реформа 1962 г., разделившая партийные органы на промышленные и сельскохозяйственные. В кадровом аспекте наиболее очевидным ее результатом стало увеличение числа руководящих партработников, расширение номенклатурных списков. Целью этой реорганизации была специализация управления, приближение партийной власти к объектам управления. В действительности произошёл, скорее, «сдвиг» власти с местного на региональный (областной) уровень, поскольку в результате реформы наиболее ослабленным оказалось городское звено партийно-хозяйственного управления. «Расчленение» партийных комитетов по функциональному признаку крайне затруднило движение кадров, создав отраслевые барьеры для кадровых «маневров».

Недовольство региональной номенклатуры регулярными организационно-кадровыми «перетрясками», которыми было отмечено правление Н.С. Хрущева, стало одной из причин его отставки в октябре 1964 г. Парадокс его правления заключался в том, что по форме (и лозунгам) будучи отрицанием «культа личности», по сути хрущевский «волюнтаризм» был «вторым изданием» сталинского типа власти; он позиционировал себя «над аппаратом», стремясь контролировать его, манипулировать кадрами. В этом отношении смещение Н.С. Хрущева стало поворотным пунктом в эволюции партийной власти, поскольку новый – брежневский – режим, напротив, соблюдал аппаратные нормы и процедуры, обеспечив номенклатурным кадрам желаемую стабильность («застой»). Брежневское правление стало настоящим «золотым веком» партийной номенклатуры. Его продолжительность объясняется своеобразным социальным контрактом правящей верхушки с высшим и средним звеном партийно-хозяйственных руководителей, заключавшимся в отсутствии «навязчивого» контроля за партноменклатурой в обмен на её лояльность. Идеологически эта кадровая политика была оформлена в виде лозунга «заботы партии о кадрах».

В этот период кадровые вопросы по-прежнему занимали одно из главных мест в организационно-распорядительной деятельности парткомов. По нашим подсчетам, в период с 1965 по 1975 год на заседаниях бюро Куйбышевского обкома проблемы управления персоналом, образования и воспитания кадров рассматривались 46 раз[10]. Методика подбора и утверждения номенклатурных работников в «застойные» годы существенных изменений не претерпела, за исключением несколько большей формализации

и регламентированности. В июне 1977 г. в Куйбышевском обкоме был составлен проект инструкции, фиксировавший порядок подготовки кадровых решений по должностям номенклатуры обкома. Он представлял собой последовательность составления и рассмотрения значительного количества документов, в основном информационно-справочных: представление горкома или райкома, биографическая справка, справка-предложение и др. Недостатком этого регламента была формальность, бюрократичность, поэтому она дополнялась такой процедурой, как собеседование с кандидатом, широко практиковавшимся областным и городскими парткомами.

Характеристика брежневского периода как «застоя» является верной по крайней мере в одном аспекте – движение партийно-номенклатурных кадров. Проблема соотношения стабильности и обновления кадрового состава является диалектической, требующей тонкого баланса, учета многих факторов. Брежневской властью она была радикально решена в пользу стабильности, т.е. сохранения кадрового статус-кво. Отказавшись от брутальных сталинских методов контроля и обновления номенклатуры, власть отказалась от кадровой ротации как таковой. В результате кадровая стабильность, превысив известную меру, превратилась в стагнацию. В Куйбышевской области в период с 1975 по 1980 г. сменилось не более 5% представителей номенклатуры обкома. В 1981 г. сменилось 10,2% ее представителей, из которых 44,6% получили должностное повышение; смещения «на понижение», по причине должностного несоответствия, были единичными[11]. Номенклатурно-кадровый «застой» имел, по крайней мере, одну положительную сторону: повышение опыта руководящих работников. Однако функции номенклатурных работников были достаточно простыми, типовыми, не требующими чрезмерно длительной практики. Поэтому возобладали негативные последствия стабильности; это, прежде всего, демотивация управленческих кадров, вызванная, с одной стороны, отсутствием возможностей карьерного взлета, «склерозом» каналов мобильности, с другой – исчезновением фактора страха, низкой вероятностью исключения из номенклатурной «обоймы». Брежневский «застой» оказался благоприятной социальной средой для формирования мафиозных групп, кланов в составе номенклатуры. Наконец, ограничение мобильности «по вертикали» вызывало напряжение, своего рода фрустрацию части активного населения, создавая социальный материал для появления контрэлиты, совершившей «рывок к власти» на рубеже 1980-х – 90-х гг.

Одна из целевых установок номенклатурно-кадровой политики состояла в профессионализации партийных кадров, подборе на должности специалистов со специальным (высшим) образованием, производственным опытом – хозяйственников, технократов. К началу 1980-х гг. это привело практически к нивелированию партийных и хозяйственных органов в отношении кадрового состава, его производственно-хозяйственной компетенции. С точки зрения качества хозяйственного управления это был негативный процесс, поскольку его результатом было усиление опеки парторганов над производственниками, излишняя детализация, «мелочность»

партийного управления. Партийные комитеты безусловно рассматривались как органы хозяйственной власти. Немало примеров тому, что номенклатурным работникам даже на словах («в теории») было сложно демаркировать область деятельности советских, хозяйственных и партийных органов. Происходило смешение программно-целевого, долгосрочного и тактического уровней управления. Введение хозяйственников в партийные структуры вело к снижению кадрового потенциала советских и ведомственных органов; вместе с тем именно они «держали ответ» за результаты хозяйственной деятельности. Высокие полномочия партийных руководителей при пониженной ответственности, возможность «прикрыться» хозяйственными, ведомственными и др. структурами была, вероятно, наиболее слабым местом позднесоветской системы регионального управления.

В системе власти партийные органы выполняли интегративную, «соборную» функцию, осуществляя межведомственное согласование, обеспечивая приоритет общегосударственных и/или региональных интересов перед отраслевыми, узковедомственными. Административно-хозяйственные структуры рассматривались в качестве носителей «ведомственности», которая преодолевалась (или подавлялась) партийными органами. В результате сращивания партийной и хозяйственной элиты партийные работники все чаще представляли специализированные, ведомственные интересы. Тенденция ведомственности, разрушительная для «монолита» власти, проникла в партийный аппарат. Происходила «лоскутизация», дезинтеграция властной системы, которая вызывала (по цепочке) такие явления, как потеря управляемости, неэффективные расходование ресурсов, невыполнение заданий и планов. Состояние партийно-советской власти требовало структурных и кадровых изменений, восстанавливающих ее единство; альтернативой (реализованной на практике) был ее распад.

В середине 1980-х гг. с избранием генсеком М.С. Горбачева, считавшегося (в условиях геронтократии) в свои 54 года «молодым» и «перспективным», в Советском Союзе были начаты реформы, направленные на обновление политической системы, ее «модернизацию». Необходимость реформирования системы власти была обусловлена, как отмечено выше, увеличением количества объектов управления, их усложнением и, с другой стороны, организационно-штатным развитием властных структур. Эти процессы были причиной снижения управляемости, разбалансировки (частичной дезорганизации) партийно-государственной власти. Реформы требовали длительной, рутинной «негласной» работы. В действительности они, как известно, сопровождались сильнейшим общественным ажиотажем и спровоцировали системный кризис, развивавшийся по худшему – катастрофическому – сценарию.

В первые «перестроечные» годы значительных изменений в работе партийных комитетов не произошло. Принимались меры по совершенствованию учетно-кадровой работы, ограничению структурного роста (дробления на секторы, отделы), увеличению штатов отраслевых отделов парткомов. Новый вектор организационного развития партийных органов был

определен на пленуме январском пленуме ЦК КПСС в 1987 г., где было признано целесообразным передать управленческие функции КПСС советским, хозяйственным и общественным организациям, оставив за партией руководство общественно-политическими процессами. «Конструкция» советской системы власти была такова, что партия являлась ее «стержнем» и координатором. Вмешательство КПСС в социально-хозяйственные, организационно-производственные аспекты управления было условием ее нормального функционирования. Поэтому курс, сформулированный в январе 1987 г., свидетельствовал о непонимании руководством механизма управления в стране или (более вероятно) о его деструктивных намерениях. Его реализация представляла собой, как в анекдоте времен перестройки, «разгром КПСС под руководством КПСС». Рубежом в «нисходящем» политическом развитии стала XIX партийная конференции в июне-июле 1988 г., утвердившая механизм альтернативных выборов как способ формирования состава партийно-советской власти. Это решение, при формальном демократизме, не учитывало возможностей партийно-политической системы. Представительные структуры и «всеобщие, тайные» выборы в ней были предназначены не для подбора кадров, а легитимации институтов власти, формального (ритуального) выражения лояльности (неучастие в них расценивалось как «фига в кармане»). Партийный аппарат и его номенклатура были системой закрыто-иерархического, «орденского» типа, поэтому публичная состязательность была неприемлемым методом её комплектования. Конкурентные выборы являлись элементом другой – парламентской, либеральной – политической системы; включение их в советскую систему было шагом к эклектичности, т.е. недееспособности политической «надстройки».

К рубежу 1988/89 г. в стране накопилась «критическая масса» общественно-политических изменений. Возвращение общества в прежнее состояние, даже при проведении «контрперестройки», было уже невозможным. Кардинально изменились политико-правовые условия партийного управления. С введением альтернативных выборов стали неэффективными номенклатурные механизмы контроля государственных и общественных организаций. Центральная власть разъясняла, что теперь парткомы должны использовать другие формы влияния – фракции, партийную дисциплину и т.д. Подъем общественной активности, в основном протестной, митинговой, появление политических (формальных и неформальных) партий, движений, объединений показало неспособность региональной партноменклатуры к руководящей деятельности при наличии общественно-политических «конкурентов».

Организационно-штатные изменения в партийных органах на рубеже 1980-х – 90-х гг. состояли в упрощении структуры, кадровых сокращениях. В конце 1988 г. был реорганизован местный партаппарат; в Куйбышевском обкоме из 16 отделов было оставлено 7. Во второй половине 1990 г. штат обкома был сокращен почти в три раза – до 58 работников (заместители секретаря, руководители отделов, инструкторы и т.д.)[12]. Ввиду снижения

влияния и статуса КПСС они не имели прежней атрибутики партноменклатуры – власти над советскими, правоохранительными, ведомственными и т.д. кадрами, силового и пропагандистского монополизма, социально-бытового «вип-обслуживания» (спецполиклиники, спецдачи и т.д.). В 1991 г. вертикаль партийной власти и управления перестала существовать. В условиях бюджетного и кадрового «голода», организационного распада комитеты пытались, используя связи, пропагандистские и дисциплинарные меры, сохранять влияние в органах власти, общественных организациях. Внутрипартийное управление осуществлялось в режиме кризисного менеджмента; например, в начале августа 1991 г. было принято решение о введении контрактной (договорной) системы подбора руководящих партийных кадров. Тем не менее, исторический путь КПСС и ее номенклатуры приближался к финалу. Завершилась эпоха, в которой РКП(б)-ВКП(б)-КПСС была одних из основных «акторов» русской и мировой истории. Приостановкой деятельности КПСС Указом Президента РФ от 23 августа 1991 г. и – вскоре – ее запрещением было прекращено функционирование и партноменклатуры.

В целом, в истории региональной партийной власти период 1960-конца 1980-х гг. отличает институциональная стабильность. Система управления номенклатурными кадрами, сложившаяся в предыдущие годы, оставалась неизменной до рубежа 1990-х гг. Возможности ее реформирования были ограниченными (это показала «перестройка»), а политические и организационные риски, связанные с реформаторством, - весьма высокими. Это обусловило политический консерватизм позднесоветского руководства. В последние «советские» десятилетия региональная партэлита укрепила свои позиции в социальной иерархии. Этому способствовал – в том числе – её количественный рост; уже в первой половине 1960-х гг., как было отмечено, состав номенклатуры местных парткомов был значительно расширен. Большая часть кадровых ресурсов находилась в распоряжении партаппаратчиков среднего звена. Важным фактором консолидации партийно-советской элиты стало ее рекрутирование из числа местных управленцев и организаторов производства; другими словами, переход в режим самовоспроизводства. В этом отношении если не поворотным, то «знаковым» стало назначение первым секретарем Куйбышевского обкома А.С. Мурысева (в г. Куйбышеве с 1934 г.; трудовую деятельность начал на заводе им. Масленникова в 1941 г.).

В годы «оттепели» и «застоя» региональная партэлита в полной мере воспользовалась результатами «номенклатурной революции» 1953-1956 гг., установившей (на смену диктатуре вождя и его клики) «самодержавие» партийного аппарата. Дисбаланс полномочий и ответственности партэлиты, отсутствие внешнего контроля над ней вызвали падение темпов социально-экономического развития; оно было инерционным, «затухающим». В социально-кадровом аспекте «суверенитет» партийного аппарата привел к «застою» в движении номенклатурных кадров. Режим внутрипартийного управления становился все более либеральным, «комфортным» для

партийных функционеров. Механизмы обновления партийно-административной элиты не были институционализированы. Они были персонифицированными; новый руководитель государства (области, региона) производил – в том или ином масштабе – кадровую ротацию, расставляя на руководящие должности свои креатуры. Вертикальная мобильность в системе государственной власти и управления является обобщенным показателем способности к изменениям, «инновационности» общества. В номенклатурно-кадровой политике брежневского периода, особенно во второй его половине, соотношение между кадровой стабильностью, преемственностью и обновлением кардинально изменилось в пользу первого. Эта тенденция, проявившись в высшем партийном руководстве, затем распространилась на другие уровни власти. В среднем и нижнем звене управления она не приобрела крайних форм, как на вершине партийной власти («геронтократия»). Тем не менее, можно отметить высокую представленность старших возрастных групп в региональных парткомах в 1980-е гг. Например, по состоянию на 1 февраля 1988 г. 54 из 96 ответственных работников Куйбышевского обкома (58,3%) были старше 45 лет; в городских и районных комитетах удельный вес сотрудников этой возрастной категории составлял 36,4%[13].

Можно заключить, что в последние три десятилетия советской истории региональная политико-административная элита интенсивно формировалась; однако происходившие изменения носили неявный (внеинституциональный) характер. Изменялись психологические установки, социально-политическая мотивация, субкультура партноменклатуры. Получила значительное развитие «теневая сторона» номенклатурной власти – протекционизм, коррупция и другие нелегальные практики, связи номенклатуры с хозяйственниками, теневым бизнесом, криминалитетом. Произошло перерождение партийно-советской верхушки, ставшее главной причиной крушения «социализма».

Примечания

1. Фурсов А.И. Что такое советский проект? URL.: http://imhotype.livejournal.com/235898.html/

2. Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия. М., 1996. С.118.

3. Партийный комитет и кадры. Куйбышев, 1972; Партийная работа: стиль, формы и методы: сб. ст./сост. Сарматов Г.А. Куйбышев, 1982.

4. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945-1991 гг.). Пермь, 2003.

5. Айрапетов В.А. Эволюция корпуса первых секретарей ГК и РК ВКП(б)/КПСС (Тамбовская область, 1945-1982 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2009; Портнягин А.И. Сельская партийно-советская и хозяйственная номенклатура в 1965-1970 гг. (на материалах Западной Сибири): Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1994.

6. Коновалов А.Б. Партийная номенклатура в системе региональной власти (1945-1991 гг.). Кемерово, 2006; Он же. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)-КПСС в регионах Сибири в 1945-1991 гг.: Дис. … д-ра ист. наук Кемерово, 2006.; Он же. Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса (1943-1964 гг.): Дис. … канд. ист. наук Кемерово, 1999.

7. Федоров А.Н. Функции и кадровый состав патийных органов Урала в первые послевоенные годы: Дис.... канд. ист. наук. Челябинск, 2006.

8. Миронов Е.В. Региональные партийные элиты: исторический опыт и эффективность управления в 1956-1991 гг.: на примере Иркутской области: Дис.... канд. ист. наук. Иркутск, 2007.

9. Малейко Л.А. Партийный аппарат: становление и развитие (1917-1941 гг.). - Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1981.

10. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. Оп.65. Д.65. Л.21-23.

11. Партийная работа: стиль, формы и методы: сб. ст./сост. Сарматов Г.А. Куйбышев, 1982. С.6-9.

12. Крючков В.В. Социально-экономическое и политическое развитие Куйбышевской области в 1985 – 1991 гг. Самара, 2002. С.59.

13. СОГАСПИ. Ф.656. Оп.197. Д.158. Л.117, 123.

А.В. Сюков*

ВОЕННАЯ ЭЛИТА САМАРСКОЙ (КУЙБЫШЕВСКОЙ) ОБЛАСТИ В 1960-1990-Е ГГ.

Армия – это опора государственности. Но роль вооруженных сил и военного руководства в системе элит менялась в зависимости от политических процессов в обществе. Она играла важнейшую роль в период социальных катаклизмов. В период политической стабильности роль несколько ослаблялась. Армия сосредотачивалась на исполнении своих непосредственных обязанностей по обороне страны от внешних врагов, не вмешиваясь во внутриполитическую ситуацию.

При изучении региональных элит долгое время основной акцент отводился политическим элитам. Однако военные элиты тоже играли значительную роль в жизни Самары (Куйбышева) и области. Именно перенос в областной центр штаба военного округа стал одним из факторов повышения статуса города, превращение его в неофициальную столицу Поволжья и важнейший стратегический центр страны в XX в. Большую часть XX в. город был центром Приволжского (ПриВО), а в 1989-1991 гг. Приволжско-Уральского военного округа (ПУрВО), тем самым объединяя огромную территорию не только Поволжья, но и Уральского региона.

Традиционно советские историки мало внимания уделяли роли личности военного руководства округа. Исключение составлял высший слой военной элиты, в который входили министры обороны СССР, маршалы Советского Союза и родов войск. Между тем роль руководителей военных округов в политической жизни региона, принятии важнейших управленческих решений была велика. Управленческий талант важен был не только для военного, но и мирного времени. Возвышение или понижение роли различных военных структур в значительной степени зависело от личности его руководителя. Умение командующего округа наладить контакты с руководством страны, Министерства обороны, региональными элитами, выстраивание грамотного управления подчиненными частями, их командным составом позволяло поднять значимость округа в иерархии военно-административных образований, входивших в структуру Министерства обороны.

С историей города связана деятельность многих известных военачальников. Однако большинство из них не задерживалось в городе. Для советского периода была характерна кратковременность нахождения на своих

* © Сюков Антон Валерьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории и историографии Самарского государственного университета

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг.»), проект № 13-11-63002 а(р)

постах командующих округов. Была распространена практика переброски командующих из одного округа в другой. Это был небольшой промежуточный этап их военный карьеры. Соответственно командующие руководили округом относительно недолго – от 1 до 4 лет. Так, генерал-полковник А.Т. Стученко командовал округом в 1960-1961 гг., генерал-полковник И.Г. Павловский - в 1961-1963 гг., генерал-полковник Н.Г. Лященко – в 1963-1965 гг., генерал-полковник Н.В. Огарков – в 1965-1968 гг., генерал-полковник А.М. Паршиков – в 1968-1971 гг., генерал-полковник Ю.А. Науменко – в 1971-1975 гг., генерал-полковник П.Г. Лушев – в 1975-1977 гг., генерал-полковник В.Н. - Кончиц – в 1977-1981 гг., генерал-полковник А.Я. Ряхов – в 1981-1985 гг., генерал-полковник В. А. Патрикеев – в 1985-1989 гг., генерал-полковник А. М. Макашов – в 1989-1991 гг.[1] Лишь на современном этапе тенденция изменилась. Последний командующий ПриВО генерал-полковник А. И. Сергеев занимал свою должность продолжительный период – в 1992- 2001 гг.

Большинство военачальников после ПриВО продолжали свою службу в качестве командующих других округов. Но некоторые шли на повышение в Москву. Наибольших успехов добился Н.В. Огарков. С поста командующего ПриВО в 1968 г. он был переведен на должность 1-го заместителя начальника Генерального штаба Вооружённых Сил СССР. 8 января 1977 года генерал армии Н. В. Огарков назначен начальником Генерального штаба Вооружённых Сил СССР – первым заместителем Министра обороны СССР. 14 января 1977 года ему было присвоено звание Маршала Советского Союза[2].

Были и другие командующие, которые в последующие годы добились серьезного продвижения по службе, оставив серьезный след в судьбе Вооружённых Сил СССР. Так, И.Г. Павловский в 1963 г. был переведен из Куйбышева на должность командующего войсками Дальневосточного военного округа, а уже в 1967 г. И.Г. Павловский назначен Главнокомандующим Сухопутными войсками – заместителем Министра обороны СССР[3]. Ему были поручены очень важные боевые задания. Например, в августе 1968 г. он был назначен командующим объединёнными войсками государств Варшавского договора в предстоящей операции по вводу войск в Чехословакию. В 1969 г. И.Г. Павловскому было присвоено звание Героя Советского Союза. Он был членом ЦК КПСС в 1971-1981 гг., депутатом Верховного Совета СССР 6-9-го созывов[4].

В советский период военные, особенно генералитет, имели высокий социальный статус. Армия воспринималась как защитница страны, а генералитет был уважаем местными политическими элитами. Командующие округа участвовали в многочисленных общественно-политических мероприятиях, заседаниях партийных и государственных органов. Большое значение в жизни войск округа имели постоянные контакты с местными партийными, советскими, профсоюзными и комсомольскими организациями. Областные руководители старались принимать участие в окружных партийных конференциях. Причем чаще всего присутствовал первый секретарь Куйбышевского обкома и секретари большинства регионов, которые входили в ПриВО[5].

На подобных конференциях обсуждались не только вопросы боевой, но и политической подготовки. Координация идеологической работы в воинских частях была одним из важнейших задач командующего округа. Помощь в этой работе оказывали руководители Политуправления ПриВО, а также областные партийные руководители. Для высшего командования было обязательным членство в партии. Благодаря росту числа парторганизаций усиливалось их влияние на жизнь и деятельность округа.

В 1960-1970-е гг. руководители округа были не активным, а пассивным субъектом политической жизни. Они могли лишь опосредовано влиять на принятие ключевых решений. Например, окружное руководство участвовало в работе съездов, партийных конференций, тем самым помогая выполнять те или иные решения, принятые на партийном и государственном уровне. Была распространена практика избрания военных в различные государственные органы. Многие воины были удостоены звания народных депутатов. Это касалось не только руководителей округа, но и среднего звена. Так на выборах после принятия новой Конституции в 1979 г. депутатом Верховного Совета СССР избран генерал-полковник В.Н. Кончиц. На выборах 24 февраля 1980 г. депутатами в Верховный Совет РСФСР избраны генерал-майор авиации А.Г. Николаев, генерал-полковник М.Г. Соболев, генерал-полковник Д.С. Сухоруков, генерал-полковник Н.Ф. Шестопалов, генерал-лейтенант Б.П. Уткин[6].

Депутатами в Верховные Советы автономных республик Поволжья избраны генерал-майор А.А. Бойко, полковники Е.П. Мельников, С.Г. Прибылов, Б.М. Рогожкин, В.П. Шварев, депутатами областных Советов народных депутатов – генерал-лейтенанты Ж.К. Кереев, А.С. Кобзарь, генерал-майоры В.И. Гусев, А.Ф. Клинин, С.Е. Кротов, В.С. Немытин, А.Т. Потапов, Н.М. Толмачев. Сотни военнослужащих избраны в органы советской власти городов, районов и населенных пунктов[7].

Подобная относительно спокойная жизнь округа в 1960-1970-е гг кардинально изменилась в годы «перестройки». В самые первые годы «перестройки» армия еще находилась в стороне от политических страстей, полностью доверившись лидерам «нового политического мышления». Она поддерживала идеи разоружения, мирные инициативы советского руководства. Но постепенно кардинальные реформы в стране отразились и на армии. Она все больше и больше начинала втягиваться в политическую жизнь страны. Причем первоначально это было инициативой именно политических элит, которые использовали армию в межнациональных конфликтах и при подавлении сепаратизма в национальных окраинах. Поэтому в высших эшелонах военного руководства все четче формировалась оппозиция, открыто отвергающая курс «нового мышления» со всеми вытекающими из него негативными последствиями для обороноспособности страны[8].

Накапливались противоречия и внутри армии. Определенная часть офицерства, выступая за её реформирование (сокращение численности, комплектование по национально-территориальному принципу и на контрактной основе и т.п.), демократизацию, обвиняла высшее руководство в консерватизме, антиперестроечных настроениях[9].

Постепенно нагнетались противоречия между обществом и армией. Для многих реформаторов армия воспринималась как крайне консервативная сила, главное препятствие на пути к демократическим свободам. Её боялись, опасаясь военного переворота. Поэтому она оказалась под жесточайшей критикой[10]. Фактически она стала жертвой политиков, т.к. не по своей воле стала активно использоваться во внутриполитических делах. Уже тогда командующий ПУрВО генерал-полковник А.М. Макашов в открытую говорил, что «армия – самая незащищенная часть общества. По своей воле армия ничего не делает. Армией руководят политики»[11]. Это был крик души против массированной травли армии и бездействия ЦК, Политбюро и правительства по отношению к своим защитникам. В условиях общей политической дестабилизации конца 1980-х – начала 1990-х гг. именно армия могла стать тем стержнем, который бы сохранил разрушающуюся советскую государственность, стабилизировал ситуацию в стране, прекратил анархию, сепаратизм и ослабил центробежные силы. Поэтому некоторые представители военной элиты активно пошли в политику. Одним из таких военачальников и стал командующий ПУрВО А.М. Макашов. Много шума наделала его речь летом 1989 г. на XIX Всесоюзной партконференции. В том же году он был избран народным депутатом СССР и вошел в состав ЦК РКП. Когда генерал Макашов поднимался на трибуну, его имя было мало кому известно. Спускался с нее человеком, к которому было приковано внимание советской и зарубежной прессы. Его выступление многим запомнилось как откровенно «большевистское». В нем он обвинил тогдашнее советское руководство в преднамеренном развале страны, в отступлении от основных принципов КПСС[12].

13 мая 1991 г. руководство нескольких воинских частей и трудовых коллективов ПУрВО выдвинули и начали сбор подписей на выдвижение А.М. Макашова на пост президента РСФСР. В тот же день генерал дал согласие баллотироваться и вступил в предвыборную борьбу. Всего 2 дня понадобилось ему, чтобы собрать больше 100 тысяч подписей для регистрации в качестве кандидата в президенты России[13].

На предвыборных митингах генерал давал нелестные оценки «поспешному и непродуманному выводу наших войск из Восточной Европы», конверсии оборонного комплекса. Программа Макашова предусматривала «равноправное сочетание частной, трудовой, коллективной и государственной собственности», «советизацию экономики», «борьбу со спекуляцией», «возрождение государственной монополии на внешнюю торговлю», отстаивание интересов русскоязычного населения в других республиках СССР, он выступал «за единую и неделимую Россию»[14]. Во время предвыборной гонки его обвиняли в диктаторских замашках. Макашов пытался противопоставить этому примеры из западных стран, где президентами были генерал Эйзенхауэр, де Голль и т.д.[15] Выборы не принесли успеха генералу - он набрал 3,74 % голосов. Однако Макашов приобрел большую известность в коммунистических и патриотических кругах[16].

В августе 1991 г. Макашова встал на сторону Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Военным советом ПриВО было принято обращение к воинам округа. В нем призывалось «отнестись с понима-

нием и высокой ответственностью к решению по восстановлению и поддержанию конституционного порядка в регионе», быть «всегда верными своему народу, социалистической Родине, патриотическому долгу, свято выполнять требования боевой присяги». Военный совет выразил уверенность, что «личный состав округа правильно поймет сложившуюся ситуацию и будет готов выполнить поставленную перед ним Государственным комитетом по чрезвычайному положению задачу во имя спокойствия, порядка и мира в регионе и стране»[17].

Созданная после подавления путча специальная депутатская комиссия выявила, что во время августовских событий Макашов сразу поддержал путчистов, отправил в адрес ГКЧП 11 телеграмм с требованиями более решительных действий. По его приказу в Самаре была проведена демонстрация военной силы, выставлены вооруженные посты[18]. Некоторые его противники обвиняли в диктаторских наклонностях во время путча, заявляли, что он привел подведомственные войска в боевую готовность и призывал занять самарский телецентр. Но официальных подтверждений этого не было обнаружено. Сам же Макашов оценивал свои действия иначе. Он говорил: «Во время недопереворота я командовал войсками округа и горжусь, что в это время на территории округа никого не задавили, никого не убили. Я все сделал для того, чтобы было тихо и спокойно»[19]. В любом случае его дальнейшая судьба была предопределена. «Мятежный» генерал был снят с должности командующего округа и досрочно был вынужден уйти на пенсию.

После августовских событий политическая активность в армии пошла на спад. Особенно четко эта тенденция проявилась в ПриВО, воссозданном после разделения ПУрВО в 1992 г. Это было связано с позицией нового командующего округа. Генерал-полковник А.И. Сергеев был полной противоположностью А.М. Макашова. Он сразу после вступления в должность занял жесткую позицию, что не будет заниматься политическими играми. Уже в 1992 г. он заявил, что «войска округа не вмешиваясь в политику, будучи политически нейтральными, проявляют верность и преданность своему народу, правительству, всенародно избранному Президенту – своему Верховному Главнокомандующему. Мы – солдаты, офицеры и генералы Российской армии – всегда готовы к выполнению задач, поставленных нашим Президентом и министром обороны. Войска Приволжского военного округа верно и честно служат российскому народу. В этом наш святой долг и сыновняя обязанность перед ним»[20].

Не менялась эта позиция и в последующие годы. Не пошатнули эти принципы даже втягивание политиками армии в Чеченский конфликт, многочисленные просчеты в ходе этих событий и т.д. Генерал Сергеев через несколько месяцев после начала конфликта отмечал: «Как военный, я подчеркиваю – армия была вынуждена выполнить эту задачу. В соответствии с законом России «Об обороне» и положением военной доктрины. Верховный главнокомандующий избран народом. Как его избирали – это уже не мои проблемы: я не политик, я солдат. Верховный главнокомандующий, правительство, Федеральное Собрание это власть, избранная народом. Коль им доверено народом командовать, то народ должен с них и спрашивать:

кто, какие и почему принимает решения… А мы – люди военные. Мы получили задачу, и мы её выполняем»[21].

Но, даже оставаясь аполитичным, командующему ПриВО Сергееву приходилось выстраивать хорошие отношения с политиками на федеральном уровне. Он отмечал, что «в сегодняшней армии накопилось немало проблем, которые своими силами не решит ни один командующий. Ей нужна помощь государства, президента и правительства»[22]. Удивительно ровными были взаимоотношения командующего и с руководителями субъектов РФ, на территории которых был дислоцирован ПриВО, в том числе и с руководством многочисленных автономных республик, что было очень важно в условиях нестабильной ситуации и возрастания сепаратизма в начала 1990-х гг.

Нормальное деловое сотрудничество, помощь со стороны региональных политических лидеров была крайне необходима в условиях сложной экономической ситуации, в которой находилась армия. Ей приходилось выживать. В одиночку это сделать было крайне сложно. Более того, в иные годы личные дружеские контакты командующего с руководителями республик и областей Поволжья и Южного Урала в буквальном смысле помогали выжить войскам. В это время от командующего требовались особые качества управленца. Практически каждый день возникали форс-мажорные обстоятельства. Для их решения от командующего требовалось умение быстро найти контакт с местными властями, убедить их оказать помощь конкретной воинской части. Во времена неритмичного финансирования армии под честное слово командующего частям и подразделениям местные хозяйства выделяли продукты питания без предоплаты, хотя в стране уже хозяйничали рыночные отношения[23].

Особенно большие сложности испытывал округ в жилищном строительстве. Ситуация с финансированием в ПриВО была лучше в сравнении со многими другими округами. На территории округа было сразу несколько развитых в экономическом плане регионов. Но даже в таких условиях округ столкнулся с большими трудностями при переводе частей. Начиная с 1992 г. на территории ПриВО дополнительно размещались десятки соединений и частей, выводимых из стран ближнего и дальнего зарубежья. Многие из них впоследствии были расформированы. Это потребовало огромных усилий со стороны руководства округов, местных органов власти по обеспечению увольняемых по сокращению штатов в запас военнослужащих жильем, их материальному обеспечению и трудоустройству.

Темпы строительства в ПриВО были одними из самых высоких среди всех округов. В 1992 г. построили 1788 квартир, в 1993 г. - 2779, в 1994 г. - уже 6903. В критическом для армии с точки зрения финансирования 1995 г. жилищное строительство в ПриВО не было свернуто, как это сделали в некоторых других округах. Военным строителям приходилось идти на неординарные меры. В то время ПриВО был едва ли не единственным в ВС РФ округом, который выполнял все планы жилищного строительства. В 1996 г. количество построенного жилья здесь превысило число сданных квартир в Дальневосточном, Забайкальском, Сибирском и Уральском военных округах вместе взятых. И все это удавалось делать в тесной связке с руковод-

ством регионов. Фактически в кратчайшие сроки за несколько месяцев приходилось строить военные городки с нуля. Большой объем работ предстояло выполнить с приемом пребывающих из Западной группы войск 16-й и 90-й танковых дивизий, которые планировалось разместить в новых военных городках на территории Пермской области в г. Чайковский и в Самарской области в п. Рощинский. Местные власти помогали обустраивать эти новые населенные пункты. Иногда командующему удавалось договориться с губернаторами о выделении квартир из местных резервов[24].

В такой ситуации заниматься политическими играми, конфликтовать с региональными элитами было непозволительной роскошью. Роль командующего в таких условиях была очень велика. Многие вопросы приходилось решать в условиях ручного управления. От личных качеств, управленческого таланта зависело выживание воинских частей. Требовался и особый дар убеждения при общении с самими военными в условиях резкого падения престижа армейской службы в глазах россиян. Подобная деятельность Сергеева стала одним из фактором превращения ПриВО в один из лучших в стране на тот момент.

В 1990-е гг. в политике все же принимали участие некоторые военные, но в основном из числа отставных офицеров. Так, на федеральном и региональном уровне в этот период продолжил свою политическую карьеру А.М. Макашов. За поддержку ГКЧП он был снят со своей должности. Но к этому времени он был уже достаточно «раскрученным» политиком. В ноябре 1991 г. Макашов был избран в члены ЦК РКРП – Российской коммунистической рабочей партии. С этой поры он неизменно будет занимать руководящие посты в разнообразных коммунистических и патриотических организациях. В конце февраля - начале марта 1992 г. входил в состав организационного комитета по созыву Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР. Съезд прошел 17 марта 1992 г. в поселке Вороново близ Москвы, где малочисленная (около 200 человек) группа бывших депутатов призвала к возрождению Союза ССР, повторила тезис о своей приверженности идеям КПСС. Генерал высказывался почти по всем темам жизни страны, но в особенности посвящал много слов Вооруженным Силам[25].

В октябре 1992 года Макашов вошел в оргкомитет Фронта национального спасения, вскоре запрещенный президентом Б.Ельциным. В 1993 г. был одним из организаторов обороны здания Верховного Совета РФ, руководил штурмом мэрии Москвы и телецентра. Был арестован, а в 1994 г. вышел на свободу, продолжив политическую деятельность. Был избран депутатом Государственной думы 2-го и 4-го созывов от Самарской области по Промышленному одномандатному избирательному округу №152[26].

Одновременно с этим на рубеже 1990-2000-х гг. Самара начала терять статус одного из крупнейших военных центров страны. После объединения Приволжского и Уральского военных округов в 2001 г. центром стала не Самара, а Екатеринбург. Командующий ПриВО А.И. Сергеев попытался противодействовать и искал поддержку в Совете Безопасности РФ, у руководства Министерства обороны. Его доводы против объединения были на каком-то этапе признаны обоснованными. Против объединения попытался выступить и командующий УрВО генерал-полковник А. И. Баранов. И

он, и Сергеев заявили, что объединение на базе УрВО нецелесообразно ни с военной, ни с экономической, ни с геополитической точки зрения. Но инициатива генералов запоздала. Не исключено, что свою роль сыграли разные лоббистские возможности губернаторов Самарской и Свердловской областей и разное отношение к ним со стороны федерального центра. Самарская политическая элита не смогла совместно с военным руководством ПриВО объединенными усилиями убедить руководство Министерства обороны и Верховного главнокомандующего в нецелесообразности ликвидации округа[27].

Это был серьезный удар по амбициям местной политической элиты. За исключением нескольких служб большая часть управленческого аппарата ликвидированного округа поэтапно переводилась в Екатеринбург. Это был один из шагов по ослаблению роли Самара в жизни страны, понижению её статуса. До этого она была безусловным лидером в Поволжье, но постепенно превратилась в обычный региональный центр.

Примечания

[1] Краснознаменный Приволжский. Куйбышев, 1980. С. 359-441.
[2] Советская военная энциклопедия. Т. 6. М., 1978. С. 8.
[3] Там же. С. 187.
[4] Герои Советского Союза. Т. 2. М., 1987-1988. С. 224.
[5] Краснознаменный Приволжский. Куйбышев, 1980. С. 353.
[6] Там же. С. 421.
[7] Там же.
[8] Несокрушимая и легендарная: В огне политических баталий 1985-1993 гг. М., 1994. С.4-6.
[9] Там же.
[10] Там же. С. 132-134
[11] Там же. С. 124.
[12] Кто есть кто в современном мире. 1993. 13 октября.
[13] Там же.
[14] За Родину. 1991. 28 мая.
[15] Там же.
[16] Кто есть кто в современном мире. 1993. 13 октября.
[17] За Родину. 1991. 21 августа.
[18] Самарские известия. 1991. 30 августа.
[19] Волжские новости. 1992. № 6.
[20] Волжская коммуна. 1992. 24 октября.
[21] Волжская заря. 1995. 23 февраля.
[22] Военно-промышленный курьер. 2005. 9 ноября
[23] Там же. 9 ноября
[24] Волжская коммуна. 1992. 24 октября.
[25] Кто есть кто в современном мире. 1993. 13 октября.
[26] Энциклопедия Самарской области. Т.3. Самара, 2011. С. 274.
[27] Самарское обозрение. 2001. 30 апреля.